

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

Том 11 • № 2 • 2025 ГОД

Подписной индекс 80309

ISSN 2542-047X Print

ISSN 2782-2990 Online

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**JURIDICAL
JOURNAL**

OF SAMARA UNIVERSITY

Том 11 • № 2 • 2025 ГОД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 30.11.2017

Журнал издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год 2025, Т. 11, № 2

Миссия журнала: отражение результатов оригинальных фундаментальных и прикладных исследований права на общетеоретическом, межотраслевом и отраслевом уровнях для целей совершенствования правотворчества и правоприменения; поддержание научного диалога и дискуссий представителей отечественных и зарубежных научных школ по актуальным вопросам права.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки
- 5.1.5. Международно-правовые науки

Главный редактор

А. Г. Безверхов, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

О. В. Климанова, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

В. Э. Волков, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.

Тел.: +7(846) 3379963, 3379936

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Издатель: Самарский университет

Адрес издателя:

Центр периодических изданий Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34, корп. 22а, 312 б.

Литературное редактирование, корректура

Т. А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Т. А. Мурзинова

Информация на английском языке

М. С. Стрельников

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер серии ПИ № ФС 77-68026 от 13 декабря 2016 г.

Подписной индекс в объединенном интернет-каталоге

«Пресса России» 80309

ISSN 2542-047X

Прежнее название – «Юридический вестник Самарского государственного университета»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-62511 от 27 июля 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. ISSN 2410-8707

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписано в печать 09.06.2025. Дата выхода в свет 19.06.2025

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 13.

Тираж 200 экз. (первый завод – 60 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

С 2015 г. полнотекстовая версия журнала размещается на сайте **Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU**.

С 2015 г. журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия:

А. Х. Абашидзе, д-р юрид. наук, проф. (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, РФ)

А. И. Абдуллин, д-р юрид. наук, проф. (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, РФ)

Д. Б. Абушенко, д-р юрид. наук, доц. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, РФ)

А. А. Аубакирова, д-р юрид. наук, доц., академ. проф. (Алматинская Академия МВД имени Макана Есбулатова, Алматы, Республика Казахстан)

С. Ф. Афанасьев, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

Драган Боланча, д-р права, проф. (Сплитский университет, Сплит, Хорватия)

Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Л. В. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Е. Ю. Грачева, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Долинская, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

С. А. Дробышевский, д-р юрид. наук, проф. (Сибирский федеральный университет, Красноярск, РФ)

Н. Г. Жаворонкова, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

А. В. Иванчин, д-р юрид. наук, проф. (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, РФ)

Т. В. Кленова, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Борис Кривокапич, д-р права, ординарный профессор (Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия)

В. А. Лазарева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

П. П. Ланг, д-р юрид. наук, доц. (Самарский государственный экономический университет, г. Самара, РФ)

С. В. Липень, д-р юрид. наук, доц. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Полянский, канд. юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С. Б. Россинский, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, РФ)

В. Д. Рузанова, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

К. А. Савельев, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ю. В. Самович, д-р юрид. наук, проф. (Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, РФ)

Е. А. Трещева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. А. Шевелева, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ)

И. В. Шестерякова, д-р юрид. наук, доц. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

А. В. Юлин, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Т. Ф. Ящук, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, РФ)

Subscription Index 80309
ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**JURIDICAL
JOURNAL**

OF SAMARA UNIVERSITY

JURIDICHESKIY VESTNIK

SAMARSKOGO UNIVERSITETA

Vol. 11 • № 2 • 2025

JURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (SAMARA UNIVERSITY)

Indexing in databases: LIBRARY.RU RINTS CROSSREF KIBERLENINKA

The Journal is included by the HAC in the *List of leading scientific editions*, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published,
from 30.11.2017

Journal is published since 2015. It is published 4 times a year 2025, V. 11, no. 2

Mission of the journal: reflection of the results of original fundamental and applied research of law at the general theoretical, intersectoral and sectoral levels for the purpose of improving law-making and law enforcement; maintaining a scientific dialogue and discussions of representatives of domestic and foreign scientific schools on pressing issues of law.

The journal publishes articles on scientific specialties of group 5.1 «Law» (Legal sciences)

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
- 5.1.2. Public legal (State legal) sciences
- 5.1.3. Private legal (civilistic) sciences
- 5.1.4. Criminal legal sciences
- 5.1.5. International legal sciences

Chief editor

A. G. Bezverkhov, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Deputy chief editors

O. V. Klimanova, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Executive editor

V. E. Volkov, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Address of editorial staff:

1, Acad. Pavlov Str., Samara, 443011, Samara Region, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 337-99-63, 337-99-36

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher:

Centre of Periodical Publications of Samara University

312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation.

Literatory editing, proofreading T. A. Murzinova

Computer makeup, dummy T. A. Murzinova

Information in English M. S. Strelnikov

Certificate of registration of mass media

III № ФЦ № 77-68026 dated 13 December 2016, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Subscription Index in the «Press of Russian»

Catalogue of Internet 80309

ISSN 2542-047X

Previous title – «Juridical Journal of Samara State University»

Certificate of registration of mass media III № ФЦ 77-62511 dated 27 July 2015, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

ISSN 2410-8707

Business model: funded by the founder.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher

Passed for printing 19.06.2025.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 13.

Circulation 200 copies (first printing – 60 copies).

Order №

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Since 2015 the full-text version of the journal is placed on the site of **Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU**.

Since 2015 the Journal is included in the **Russian Science Citation Index**.

Editorial Board:

D. B. Abushenko, Dr. of Law, associate professor (Ural State Law University, Ekaterinburg, RF)

A. Kh. Abashidze, Dr. of Law, professor (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, RF)

A. I. Abdullin, Dr. of Law sciences, professor (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, RF)

A. A. Aubakirova, Dr. of Law, associate professor, academic professor (The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan)

S. F. Afanasiev, Dr. of Law, professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

Dragan Bolancha, Dr. of Law, professor (University of Split, Split, Croatia)

G. A. Vasilevich, Dr. of Law, professor, honored layer of the Republic of Belarus (Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus)

L. V. Golovko, Dr. of Law, professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF)

E. Yu. Gracheva, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

V. V. Dolinskaya, Dr. of Law, professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

S. A. Drobyshevskiy, Dr. of Law, professor (Siberian Federal University, Krasnoyarsk, RF)

N. G. Zhavoronkova, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

A. V. Ivanchin, Dr. of Law, professor (Yaroslavl State University, Yaroslavl, RF)

T. V. Klenova, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Boris Krivokapich, Dr. of Law, professor (University «Union – Nikola Tesla», Beograd, Serbia)

V. A. Lazareva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

P. P. Lang, Dr. of Law, associate professor (Samara State University of Economics, Samara, RF)

S. V. Lipen, Dr. of Law, associate professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

V. V. Polyanskiy, Candidate of Legal Sciences, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

S. B. Rossinskiy, Dr. of Law, professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, RF)

V. D. Ruzanova, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

K. A. Saveliev, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Yu. V. Samovich, Dr. of Law, professor (Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, RF)

E. A. Treshcheva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

N. A. Sheveleva, Dr. of Law, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, RF)

I. V. Shesteryakova, Dr. of Law, associate professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

A. V. Yudin, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

T. F. Yashchuk, Dr. of Law, professor (Dostoevsky Omsk State University, Omsk, RF)

© Samara University, 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРСОНАЛИИ

Шейфер Семен Абрамович (к 100-летию со дня рождения) 7

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Никитчик А. А. «Квалифицированное молчание» как юридико-технический прием и его виды 11

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Линь Хоа Тхи. Перспективы применения искусственного интеллекта в законодательном процессе во Вьетнаме с учетом опыта некоторых стран 18

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Крюкова Е. С., Кудашева О. Н. Потребительские кооперативы в жилищной сфере: тенденции правового регулирования 24

Emre Ay Yunus. Shareholders' right to obtain and examine information in joint stock companies in Turkish law 31

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Суворова С. В. Проблема унификации иных мер уголовно-правового характера 36

Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Электронные доказательства в российском уголовном процессе: проблемные вопросы 44

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА ШЕЙФЕРА СЕМЕНА АБРАМОВИЧА

Кувалдина Ю. В. Концепция формирования доказательств и упрощенные процедуры 51

Россинский С. Б. Собираение и исследование доказательств: каковы критерии их разграничения? 58

Сержантова Л. А. Сокращенное дознание: современные реалии 66

Тарасов А. А. Вопрос о процессуальных функциях следователя в научном наследии профессора С. А. Шейфера (к 100-летию со дня рождения Учителя) 72

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бутакова Я. С. Российские «контрсанкции»: попытка определения правовой природы 84

Трибуна молодого ученого

Корпеев А. Г. Средства совершения преступлений в сфере компьютерной информации по уголовному законодательству Российской Федерации и Туркменистана 96

Требования к оформлению статей 103

CONTENTS

PERSONALITIES

Sheifer Semyon Abramovich (on the 100th anniversary of his birth) 7

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Nikitchik A. A. «Qualified silence» as a legal technique and its types 11

PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

Linh Hoa Thi. Prospects of applying Artificial Intelligence in the lawmaking process in Vietnam: lessons from the experience of other countries 18

PRIVATE (CIVIL) SCIENCES

Kryukova E. S., Kudasheva O. N. Consumer cooperatives in the housing sector: trends in legal regulation 24

Emre Ay Yunus. Shareholders' right to obtain and examine information in joint stock companies in Turkish law 31

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Suvorova S. V. Problem of unifying other criminal law measures 36

Kornakova S. V., Chigrina E. V. Electronic evidence in Russian criminal proceedings: problematic aspects 44

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTHDAY OF PROFESSOR SHEIFER SEMYON ABRAMOVICH

Kuvaldina Yu. V. Concept of evidence formation and simplified procedures 51

Rossinskiy S. B. Accumulation and monitoring of evidence: what are the criteria for distinguishing them? 58

Serzhantova L. A. Shortened inquiry: modern realities 66

Tarasov A. A. Issue of the procedural functions of an investigator in the scientific heritage of professor S. A. Sheifer (on the 100th anniversary of the Teacher's birth) 72

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Butakova Ya. S. Russian «counter-sanctions»: an attempt to define the legal nature 84

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Korpeev A. G. Means of committing crimes in the field of computer information under the criminal legislation of the Russian Federation and Turkmenistan 96

Requirements to the design of articles 103

ПЕРСОНАЛИИ PERSONALITIES

Шейфер Семен Абрамович (к 100-летию со дня рождения) Sheifer Semen Abramovich (on the 100th anniversary of his birth)

Семену Абрамовичу Шейферу – известному ученому-процессуалисту, почетному профессору и почетному заведующему кафедрой уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета, доктору юридических наук, Заслуженному юристу РФ, кавалеру орденов Почета и Дружбы – 28 декабря 2024 года исполнилось бы 100 лет.

Semyon Abramovich Sheifer – a renowned procedural scientist, honorary professor and honorary head of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science at Samara State University, Doctor of Laws, Honored Lawyer of the Russian Federation, holder of the Orders of Honor and Friendship – would have turned 100 on December 28, 2024.

Семен Абрамович Шейфер
(28.12.1924–24.10.2017)

Семен Абрамович Шейфер родился 28 декабря 1924 г. в Пензе. В годы Великой Отечественной войны он самоотверженно трудился на одном из оборонных заводов, участвуя вместе с другими советскими гражданами в общем деле борьбы с фашистской Германией. В 1950 г. Семен Абрамович с отличием окончил Саратовский юридический институт и до 1963 г. работал следователем прокуратуры Бессоновского и Нико-Пестравского районов, а затем старшим следователем, прокурором и начальником следственного отдела прокуратуры Пензенской области.

Без отрыва от практической деятельности, опираясь на нее, С. А. Шейфер написал

и в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную проблемам прекращения уголовных дел. В 1970 г. ему присвоено звание доцента. В 1982 г., имея уже большой опыт преподавательской деятельности во Всесоюзном заочном юридическом институте (ныне Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА)), а с 1975 г. в Куйбышевском (ныне Самарском) государственном университете, защитил докторскую диссертацию «Методологические и правовые проблемы собирания доказательств в советском уголовном процессе», положения которой и сегодня влияют на формирование научных взглядов

новых поколений исследователей. В 1983 г. ему присвоено ученое звание профессора, в 1991-м – почетное звание Заслуженного юриста Российской Федерации. В 1999 г. С. А. Шейфер награжден орденом Почета, а в 2014 – орденом Дружбы.

Заслуги С. А. Шейфера перед российской наукой и системой отечественного образования неопределимы. Количество написанных им статей, монографий, учебников и научно-практических комментариев законодательства с трудом поддается подсчету. Созданная им теория следственных действий – важнейшая составляющая теории доказательств – известна каждому второкурсни-

ку, обучающемуся юридической профессии, а значит, каждому следователю, прокурору, адвокату, судье. Труды Семена Абрамовича, многие из которых выдержали не одно издание, отличаются необычайной глубиной, тщательной выверенностью, искренним убеждением в справедливости излагаемых взглядов и верой в будущее. Взгляды С. А. Шейфера современны и демократичны, в них всегда присутствует забота об интересах человека как смысле и цели уголовно-процессуальной деятельности.

25 лет С. А. Шейфер возглавлял созданную им кафедру уголовного процесса и криминалистики, объединявшую вначале уголовно-про-

цессуальное и уголовно-правовое направление; создал собственную научную школу; много лет руководил диссертационным советом по защите кандидатских диссертаций при Самарском государственном университете; был членом еще целого ряда диссертационных советов, а также официальным оппонентом при защите множества докторских и кандидатских диссертаций; подготовил к защите кандидатской диссертации не один десяток аспирантов и соискателей, ак-

тивно помогал преподавателям кафедры в подготовке докторских диссертаций. Помимо этого, С. А. Шейфер в 2009 г. возглавил первую на юридическом факультете Самарского государственного университета магистерскую программу. Ученики и воспитанники Семена Абрамовича трудятся не только на Самарской земле, многие из них занимают высокие посты в научных, правоохранительных и судебных учреждениях страны.

Будучи известным ученым, С. А. Шейфер никогда не отрывался от практики, находя в ней богатый материал для научных исследований и черпая вдохновение. Очень плодотворна была деятельность С. А. Шейфера и на общественном поприще: он был членом Совета по судебной реформе при Президенте РФ, а также членом Научно-методического совета при прокуратуре СССР, членом Комиссии по помилованию Самарской области, мно-

го лет являлся активным членом Научно-консультативного совета при прокуратуре Самарской области.

Семен Абрамович Шейфер ушел из жизни 24 октября 2017 г. Блестящий оратор, талантливый педагог и наставник, надежный товарищ и прекрасный семьянин, Семен Абрамович служил примером активной жизненной позиции, преданности делу, оптимизма.

А. Г. Безверхов,
директор юридического института Самарского университета, доктор юридических наук, профессор
К. А. Савельев,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент
О. В. Климанова,
доцент кафедры уголовного права и криминологии Самарского университета,
кандидат юридических наук

A. G. Bezverkhov,
director of the Institute of Law of Samara National Research University, Doctor of Laws, professor
K. A. Savelev,
head of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science,
Candidate of Legal Sciences, associate professor
O. V. Klimanova,
associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Samara National Research
University, Candidate of Legal Sciences

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-11-17

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.134

Дата поступления: 13.02.2025
рецензирования: 19.03.2025
принятия: 12.05.2025

**«Квалифицированное молчание» как юридико-технический прием
и его виды**

А. А. Никитчик

Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация
E-mail: mamontova-97@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема «квалифицированного молчания» сквозь призму нормотворческой юридической техники. В контексте анализа норм действующего законодательства, актов Конституционного Суда и Пленума Верховного Суда Российской Федерации автор подчеркивает значимость и продуктивность «квалифицированного молчания» как юридико-технического приема для повышения эффективности правового регулирования. В стремлении определить его роль в нормотворческой инструментари и проанализировать пути его применения предпринята попытка разграничить «квалифицированное молчание» в зависимости от уровня субъекта правотворчества, объема выражения и наличия интерпретационной позиции высших судебных инстанций, актуальность данного вопроса обусловлена широким распространением «квалифицированного молчания» в текстах нормативных актов при отсутствии четкой и общепризнанной позиции относительно его понятия, сущности, содержания и форм проявления. Представленные выводы могут способствовать дальнейшему углубленному исследованию «квалифицированного молчания» с использованием предложенной дифференциации.

Ключевые слова: правовое регулирование; правотворчество; правоприменение; юридическая техника; нормотворческая техника; «квалифицированное молчание»; оценочные понятия.

Цитирование. Никитчик А. А. «Квалифицированное молчание» как юридико-технический прием и его виды // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-11-17>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Никитчик А. А., 2025

Алина Александровна Никитчик – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, Омская академия МВД России, 644092, Российская Федерация, г. Омск, пр. Комарова, 7.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 13.02.2025
Revised: 19.03.2025
Accepted: 12.05.2025

«Qualified silence» as a legal technique and its types

A. A. Nikitchik

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Omsk, Russian Federation
E-mail: mamontova-97@mail.ru

Abstract: The article examines the problem of «qualified silence» through the prism of standard-setting legal techniques. In the context of the analysis of the norms of current legislation, acts of the Constitutional Court and the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the author emphasizes the importance and productivity of «qualified silence» as a legal and technical technique for improving the effectiveness of legal regulation. In an effort to determine its role in the normative toolkit and analyze the ways of its application, an attempt has been made to distinguish «qualified silence» depending on the level of the law-making subject, the volume of expression and the presence of the interpretative position of the highest judicial instances. The relevance of this issue is due to the widespread use of «qualified silence» in the texts of normative acts in the absence of a clear and generally accepted position regarding its concept, essence, content and forms of manifestation. The presented conclusions can contribute to further in-depth research of «qualified silence» using the proposed differentiation.

Key words: legal regulation; law-making; law enforcement; legal technique; rule-making technique; «qualified silence», evaluative concepts.

Citation. Nikitchik A. A. «Kvalifitsirovannoe molchanie» kak yuridiko-tekhnicheskii priem i ego vidy [«Qualified silence» as a legal technique and its types]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-11-17> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interests.

© Nikitchik A. A., 2025

Alina A. Nikitchik – Candidate of Laws, senior lecturer at the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 7, Komarova Avenue, Omsk, 644092, Russian Federation.

Оказавшись сравнительно недавно в поле зрения научного сообщества, термин «квалифицированное молчание» становится все более востребованным как в общетеоретическом, так и прикладном контекстах. При этом разработка соответствующего конструкта сопровождается существованием двух взаимоисключающих, но в равной мере аргументированных позиций относительно того, как «квалифицированное молчание» влияет на правовое регулирование – обеспечивает непрерывность и эффективность или, напротив, становится причиной его дезориентации.

Ситуация существенно осложняется отсутствием общепризнанного подхода к определению понятия и сущности «квалифицированного молчания», где последнее нередко наделяется признаками законодательного пробела или вовсе отождествляется с таковым [1, с. 130]. Несколько иного подхода придерживаются исследователи, которые, желая продемонстрировать особую юридическую природу «квалифицированного молчания», относят его к умышленным законодательным искажениям наряду с «нормотворческим паллиативом», «нормотворческой имитацией» и «бездействием» законодателя [2, с. 106]. Комплексный, абстрагированный исключительно от негативного подтекста подход лежит в основе представления о «квалифицированном молчании» как об общеправовом феномене, грани которого соприкосновенны с теориями правосознания, правотворчества, интерпретации и реализации права [3, с. 75].

Альтернативные точки зрения возникают также на уровне используемой терминологии. Помимо относительно устоявшегося «квалифицированного молчания законодателя», можно встретить «сознательное умолчание законодателя» [4, с. 287], «квалифицированное молчание правотворческого органа» [5, с. 429] и другие, на первый взгляд, синонимичные термины, за которыми кроется авторское расставление акцентов.

Изложенное позволяет заключить, что категориальный аппарат в ракурсе избранной проблемы еще переживает стадию формирования, поэтому наличествующая полемика вокруг «квалифицированного молчания» не только небезосновательна, но и желательна с точки зрения продуктивного научного поиска. Воздерживаясь от дискуссии, отметим, что в рамках настоящей статьи «квалифицированное молчание» рассматривается с позиции еще одного не менее распространенного подхода как прием нормотворческой техники, сущность

которого заключается в умышленном абстрагировании нормативных положений с целью их последующей конкретизации в процессе правоприменительной деятельности.

Мысль о создании условий для реализации дискреционных полномочий должностных лиц посредством соответствующих законодательных конструкций встречается еще в трудах дореволюционных юристов. Так, подчеркивая сложность и многообразие общественных отношений, справедливое разрешение возможных противоречий Н. К. Ренненкампф связывает с использованием специального приема, позволяющего законодателю делегировать конкретизацию правового регулирования на уровень правоприменения. «Только тогда, когда сам закон уполномочивает судью решать известные дела по справедливости, он может действовать более самостоятельно; это бывает в отношениях, отличающихся особенной тонкостью и деликатностью, например, в некоторых отношениях родителей к детям, дарителей к получившим дар, в некоторых вопросах о вознаграждениях и т. п.» [6, с. 119–120], – пишет он. Аналогичная идея высказывается Г. Ф. Шершеневичем, с позиции которого «закон может вменить суду в обязанность разрешить конкретный случай на основании справедливости, применительно к конкретным обстоятельствам данного дела» [7, с. 746]. Однако подробных разъяснений по поводу использования данного приема авторы не дают, ограничиваясь лишь ремаркой об осмысленном воздержании субъекта правотворчества от установления порядка реализации юридической нормы, последующее применение которой будет зависеть от особенностей складывающейся ситуации.

Следуя за мыслью дореволюционных юристов и поддерживая соответствующие подходы современных правоведов, презюмируем, что в ситуации «квалифицированного молчания» имеет место определенная позиция нормодателя [8, с. 23]. Выделение разновидностей «квалифицированного молчания» позволяет определить назначение данного приема в нормотворческом инструментарии, а также проанализировать пути его использования.

Принимая во внимание иерархичность системы законодательства, справедливо допустить, что «квалифицированное молчание» может объективироваться в нормативных правовых актах различной юридической силы. Положение и компетенция нормотворческого органа, рассматриваемые в

качестве критерия дифференциации исследуемого приема юридической техники, позволяют выделить «квалифицированное молчание», используемое на уровне конституции (основного закона), закона и подзаконного акта.

Обращение к «квалифицированному молчанию» при разработке конституционных актов, нормы которых даже в отсутствие указанного приема обладают высокой степенью обобщенности и абстракции, может быть обусловлено идейно-политическими свойствами основного закона государства. Иллюстративным примером может служить Конституция США 1787 г., в истории принятия которой наличествует факт непродолжительного действия акта в отсутствие норм, закрепляющих права и свободы граждан. Несмотря на то что, с точки зрения Д. Мэйсона и Т. Джефферсона (принимавших активное участие в создании текста Конституции), отсутствие Билля о правах воспринималось как грубейшая ошибка, большинство делегатов Филадельфийского конвента предпочли воздержаться от рассмотрения соответствующих проектов.

Представляется, что юридизация прав и свобод в основном законе государства, призванного, с позиции отцов-основателей, стать подлинно демократическим, казалась конвенту избыточной ввиду отправной идеи создания США – установления свободы и всеобщего равенства граждан политически независимой нации. «Мы, народ Соединенных Штатов, с целью образовать более совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Соединенных Штатов Америки», – содержится в лаконичной и вместе с тем достаточно емкой преамбуле документа, в которой рельефно прослеживаются права человека как минимум первого поколения. Иными словами, законодатель в лице Филадельфийского конвента не только признавал необходимость юридической защиты личности, но и умышленно воздержался от детализации ее прав и свобод, тем самым подчеркнув, что разрабатываемая государственная машина способна всеобъемлюще гарантировать их многообразие. Билль о правах, вступивший в силу уже в 1791 г., прервал «квалифицированное молчание» законодателя, формально определив его содержание.

Прием «квалифицированного молчания» может быть использован и тогда, когда законодатель желает «скрыть» в основном законе государства механизм дополнительной защиты его положений. В данном контексте внимания заслуживает часть 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации, вопросы толкования которой в 1998 г. достигли уровня конституционного нормоконтроля.

Согласно указанной норме, после трехкратного отклонения представленных кандидатур председателя Правительства РФ Государственной

думой Президент РФ назначает председателя Правительства РФ, распускает Государственную думу и назначает новые выборы. Оценив наличествующую в изложенном порядке неопределенность как угрозу злоупотребления полномочиями со стороны главы государства, орган народного представительства инициировал дачу разъяснений относительно того, вправе ли Президент вновь представить отклоненную кандидатуру и каковы правовые последствия трехкратного отклонения Государственной думой одной и той же кандидатуры на должность председателя Правительства. Не усмотрев препятствий в повторном представлении Президентом одной и той же кандидатуры, равно как и в роспуске Государственной думы при трехкратном отклонении последней, Конституционный Суд РФ определил «квалифицированное молчание» относительно персонального состава как конституционно-правовой способ разрешения возникшего между главной государством и представительным органом разногласия.

Однако, как следует из Постановления Конституционного Суда РФ от 11.12.1998 № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации», в ответ на вынесенное коллегиальное решение поступило три особых мнения – со стороны судей Н. Витрука, В. Лучина и В. Олейника, которые оценили «квалифицированное молчание» относительно персон представляемых кандидатур как законотворческий риск. Переходя от «квалифицированного молчания» на уровне конституции к его объективизации в тексте закона и подзаконного акта, согласимся, что данный прием нормотворческой техники предполагает реализацию правоприменительного усмотрения, противоречивость которого зиждется на преобладании субъективной составляющей.

В случае «квалифицированного молчания» субъекта законодательного либо подзаконного нормотворчества абстракции подвергаются нормы законодательных и подзаконных актов соответственно. И если на уровне конституции (основного закона) данный прием может приобретать значение «средства выразительности» юридического текста, подчеркивающего лейтмотив государственно-правового развития, или скрывать в себе инструмент факультативной защиты основ конституционного строя, то в нижестоящих актах «квалифицированное молчание» имеет более прикладное назначение.

Дело в том, что в случае «квалифицированного молчания» между субъектами правотворчества и правоприменения возникает «невидимый диалог», где последний должен оценить сложившуюся ситуацию и, следуя воле законодателя, самостоятельно принять наиболее оптимальное решение. Результативность данного взаимодействия в равной степени зависит от каждой из сторон, поэтому предварительно остановимся на субъектах правотворчества, которые не обладают правом использования «квалифицированного молчания».

Стоит согласиться с В. Ю. Панченко и А. М. Сабировым, которые из субъектного состава исключают народ, юридической формой волеизъявления которого является референдум, а также коллективные субъекты права (трудовые коллективы, товарищества собственников жилья и т. д.) [5, с. 428–429]. Во-первых, ни народ, ни вышеназванные коллективы не принимают непосредственного участия в создании нормативного правового акта: решение принимается на основе заранее сформулированного вопроса, и такое решение будет обладать силой юридической нормы. Во-вторых, о невозможности использования данного приема сигнализирует сам термин «квалифицированный», семантические свойства которого говорят о применении субъектом специальных знаний и профессионального подхода.

При этом «квалифицированное молчание» может быть как частичным, так и полным, что соответствует его дифференциации по объему выражения [9, с. 70].

При частичном «квалифицированном молчании» нормативное положение может содержать достаточно фрагментное представление о рекомендуемой законодателем модели поведения в контексте социально значимых отношений. В данном случае примером могут выступать оценочные понятия и категории.

Так, согласно статье 215 УПК РФ, «признав, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, следователь уведомляет об этом обвиняемого...». Выбор в пользу данной нормы был сделан неслучайно – «квалифицированное молчание» законодателя выражено посредством сразу двух оценочных категорий: «все следственные действия» и «собранные доказательства достаточны». Субъект правотворческой деятельности с помощью включения указанных понятий общего характера нормативно установил границы деятельности следователя в процессе собирания доказательств. Однако оценить полноту доказательственной базы предстоит следователю на основе внутреннего убеждения и личного профессионального опыта. Норма права в этом случае носит ориентирующий характер.

Возвращаясь к законотворческому риску, отметим, что нерасчетливое стремление законодателя обеспечить гибкость правового регулирования может сопровождаться правотворческой ошибкой.

Так, привлекает внимание допущенная законодателем неточность в положениях пункта 2 статьи 1124 ГК РФ. Некорректность формулировки оценочной категории «физические недостатки граждан, которые явно не позволяют им в полной мере осознавать существо происходящего» справедливо вызывает ряд вопросов. Во-первых, используемое наречие «явно» исключает ситуацию, когда лицо внешне выглядит адекватным, хотя на самом деле имеет серьезное психическое заболевание. Во-вторых, термин «физические недостат-

ки» связывает заболевания с деятельностью мышц и органов человека, при дисфункции которых значительные изменения в сознании скорее исключение, чем правило. Иными словами, обращаясь к оценочному понятию, субъект правотворческой деятельности возлагает на себя ответственность отразить обобщающую категорию надлежащим образом.

Наряду с оценочными категориями частичное «квалифицированное молчание» связывают с использованием так называемых «каучуковых норм», закрепляющих цели, принципы, декларации и т. д. [9, с. 70]. Такой подход представляется небесспорным, поскольку вышеназванные юридические категории носят ценностно-целевой характер, определяя направление и содержание правового регулирования, а потому не поддаются альтернативной интерпретации. Их роль применительно к «квалифицированному молчанию» состоит в установлении пределов правового регулирования при реализации обусловленных данным приемом дискреционных полномочий.

Полное «квалифицированное молчание» как прием юридической техники состоит в отсутствии регламентации правоотношений, возможность возникновения которых вытекает из содержания нормативного акта. Его использование может быть обусловлено слабым развитием тех общественных отношений, которые подлежат правовому опосредованию, отсутствием необходимости в их урегулировании на конкретном этапе развития социума, неготовностью государственного аппарата к обеспечению реализации тех или иных процедур.

Так, в соответствии пунктом 1 Указа Президента РФ «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» от 9 февраля 2011 г. № 167, к рассмотрению могут быть предложены законопроекты, содержание которых затрагивает основные направления государственной политики в области социально-экономического развития страны. В той же норме для обеспечения обратной связи со стороны граждан федеральным органам государственной власти предписано представлять Президенту доклад о результатах обсуждения через 90 дней с момента его завершения. При этом данный указ не содержит механизма, согласно которому глава государства должен был бы отреагировать на представленные результаты.

Выступая субъектом подзаконного нормотворчества, Президент умышленно оставляет за собой возможность действовать по своему усмотрению, поскольку этого требует характер поставленной документом цели [10, с. 96]. Положения рассмотренного нормативного акта существенно расширяют вовлеченность граждан в управленческие вопросы, которая, учитывая исторический опыт России, где институты народовластия начали функционировать сравнительно недавно, может повлечь непредсказуемые последствия. В данной ситуации дискреционные полномочия главы государства предостерегают от возможного фор-

мализма со стороны Президента, вызванного укреплением строгого механизма реагирования на результаты обсуждения.

Поскольку «квалифицированное молчание» встречается в отраслях, где превалирует императивный метод правового регулирования, не приемлющий альтернативности в принимаемых решениях, неопределенность используемых в норме понятий нередко нуждается в судебном толковании. Безусловно, значительная часть абстрактных норм остается без вмешательства высших судебных инстанций и реализуется в том смысле, который им придает правоприменитель в ходе практической деятельности. Однако существующие разъяснения Верховного Суда РФ позволяют выделить еще один критерий дифференциации исследуемого приема юридической техники. По наличию интерпретационной позиции суда «квалифицированное молчание» можно подразделить на дефиницированное и недефиницированное.

«Квалифицированное молчание» остается недефиницированным в тех случаях, когда речь идет об отраслях законодательства, базирующихся на диспозитивном методе правового регулирования, а также в случаях, когда регулируемое правоотношение не накопило достаточного материала судебной практики или вовсе не связано с ней. Для раскрытия воли, которую законодатель передает при использовании «квалифицированного молчания», достаточно профессиональных навыков правоприменителя, его практического опыта.

Дефиницированное «квалифицированное молчание» зачастую встречается в нормах уголовного права, поскольку данная отрасль охраняет наиболее важные общественные отношения. Несмотря на свой императивный характер, нормы уголовного права содержат колоссальное количество оценочных понятий и категорий. В последующем большинство абстрактных конструкций разъясняется судами высших инстанций на основе сложившейся судебной практики.

Примеров в данном контексте применительно к оценочным понятиям может быть множество; одной лишь категории «состояние необходимой обороны», используемой в тексте статьи 37 УК РФ, посвящено отдельное Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». Стоит иметь в виду, что разъяснения Верховного Суда РФ не устраняют «квалифицированного молчания», поскольку акты высших судебных инстанций не являются нормативными правовыми актами. Сохраняя гибкость используемого абстрактного понятия, разъяснения Пленума Верховного Суда создают определенное направление правоприменительного усмотрения в типичных для судебной практики ситуациях.

На последнем тезисе стоит остановиться, учитывая наличествующую дискуссию относительно актов судебного толкования и их роли в правовом

регулировании. Поскольку формирование интерпретационной позиции высших судебных инстанций свойственно не только «квалифицированному молчанию», выраженному в форме оценочных понятий и категорий, резонным представляется вопрос: не искажает ли ее возникновение назначения исследуемого приема нормотворческой техники?

Интересным примером частичного «квалифицированного молчания» представляется содержание пункта 3 части 4 статьи 170 АПК РФ. Как следует из пятого абзаца данного законоположения, суд наряду с указанием нормативных правовых актов, которыми он руководствовался при принятии решения, в мотивировочной части выносимого акта может ссылаться на правоприменительную практику высших судебных инстанций: решения Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, постановления Президиума Верховного Суда РФ, обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ. Норма с содержанием аналогичного характера наличествует также в пункте 4 части 4 статьи 180 КАС РФ.

Внимание привлекают формулировки «руководствоваться» применительно к нормативным правовым актам и «ссылаться» – к правоприменительным актам вышестоящих судов. В реалиях российской правовой системы исключено прямое указание законодателя на обращение к материалам судебной практики при обосновании решения по юридическому делу. Однако, предвосхищая многообразие общественных отношений и возможный правовой «вакуум», обусловленный повышенной динамикой их развития, законодатель оперирует термином «ссылаться», подказывая тем самым правоприменителю источник дополнительной аргументации к избранной для реализации юридической нормы. Упомянутая в анализируемой норме цель использования решений высших судебных инстанций – «обеспечение единства судебной практики и законности» – очерчивает пределы правоприменительного усмотрения и демонстрирует согласованность действий законодателя с требованиями принципа правовой определенности в части ясности и предсказуемости результатов отправления правосудия для всех участников данного процесса.

При этом если законодатель, используя «квалифицированное молчание», оперирует формулировками, которые оставляют свободу правоприменительного усмотрения в части обращения к интерпретационным актам и обобщениям судебной практики, то позиция судебной инстанции вырана весьма конкретно. Как следует из пункта 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции», кассационный суд, проверяя выводы первой и апелляционной инстанций, должен обращать внимание на их соответствие правовым позициям Верховного Суда РФ. В противном

случае решение нижестоящих инстанций подлежит отмене. И, как подчеркивается в документе, данные требования вытекают из положений ранее упомянутой части 4 статьи 170 АПК РФ.

В иллюстрируемой ситуации тот самый «диалог», который должен возникнуть между законодателем и правоприменителем в рамках «квалифицированного молчания», стоит признать состоявшимся. Верховный Суд РФ не исказил волю законодателя, а, напротив, использовал предоставленную ему возможность детализировать регламентацию процессуальных отношений с точки зрения достижения максимального регулятивного эффекта. Изложенное свидетельствует о продуктивности использования «квалифицированного молчания» в качестве инструмента нормотворческой техники, обеспечивающего наиболее тесное сотрудничество законодательной и судебной власти в контексте российской правовой системы.

Таким образом, «квалифицированное молчание» представляет собой самостоятельный прием нормотворческой юридической техники, востре-

бованность которого обусловлена разнообразием его проявлений и назначений. На уровне конституционных актов «квалифицированное молчание» может служить своеобразным «средством выразительности» юридического текста, подчеркивая его основной лейтмотив, а также выполнять функцию закрепления механизмов дополнительной защиты положений нормативного правового акта. Обращение к «квалифицированному молчанию» в законах и подзаконных актах как в полной, так и в частичной формах направлено на установление «невидимого диалога» между субъектами правотворческой и правоприменительной деятельности и обеспечивает их эффективное и гармоничное взаимодействие. Дефинитивность «квалифицированного молчания», выраженная в формировании интерпретационной позиции суда, свидетельствует о восприимчивости правоприменительной практики к использованию данного юридико-технического инструмента и подчеркивает необходимость его дальнейшего исследования в каждом из обозначенных аспектов.

Библиографический список

1. Чернобель Г. Т. Техника закрепления нормативно-правовых модусов // Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н. А. Власенко. Москва, 2011. 312 с. URL: <https://studfile.net/preview/6705593/page:14>.
2. Блещик А. В. Выявление искажений в законодательстве и коммуникативный подход к праву: опыты правовой экспертизы нормативных актов // Российский юридический журнал. 2021. № 2 (137). С. 101–114. DOI: https://doi.org/10.34076/20713797_2021_2_101. EDN: <https://elibrary.ru/tjsgme>.
3. Баранов В. М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 75–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifitsirovannoe-molchanie-zakonodatelya-kak-obshepravovoy-fenomen-k-voprosu-o-suschnosti-i-sfere-funktsionirovaniya-probelov-v>.
4. Сырых В. М. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. Москва, 2002. 592 с.
5. Панченко В. Ю., Сабиров А. М. Квалифицированное молчание в правотворчестве и правовая культура правоприменения // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 427–432. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25472246>. EDN: <https://elibrary.ru/vlkqjr>.
6. Ренненкампф Н. К. Очерки юридической энциклопедии. 2-е изд. Киев, 1880. 282 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003581857/?ysclid=m9mi03klqd385736026.
7. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. 2-е изд. Москва, 1917. 814 с.
8. Демин А. В. Квалифицированное молчание закона в механизме налогово-правового регулирования // Закон. 2012. № 2. С. 129–138. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/3663>.
9. Васильев Ю. И. О проблеме классификации квалифицированного молчания законодателя // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 3 (33). С. 69–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23823407>. EDN: <https://elibrary.ru/ubingv>.
10. Васильев Ю. И. Квалифицированное молчание законодателя – элемент демократизации правотворчества или вариант авторитарного государственного управления? // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 94–96. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21140156>. EDN: <https://elibrary.ru/rupwff>.

References

1. Chernobel G. T. *Tekhnika zakrepleniya normativno-pravovykh modusov* [The technique of fixing normative legal modes]. In: *Normotvorcheskaya yuridicheskaya tekhnika. Pod red. N. A. Vlasenko* [Vlasenko N. A. (ed.) Normative legal technique]. Moscow, 2011, 312 p. Available at: <https://studfile.net/preview/6705593/page:14> [in Russian].
2. Bleszczyk A. V. *Vyyavlenie iskazhenii v zakonodatel'stve i kommunikativnyi podkhod k pravu: opyty pravovoi ekspertizy normativnykh aktov* [Identification of distortions in the legislation and a communicative approach to law: experiences of legal expertise of legal acts]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2021, no. 2 (137), pp. 101–114. DOI: https://doi.org/10.34076/20713797_2021_2_101. EDN: <https://elibrary.ru/tjsgme> [in Russian].

3. Baranov V. M. «*Kvalifitsirovannoe molchanie zakonodatelya*» kak obshchepравovoi fenomen (k voprosu o sushchnosti i sfere funktsionirovaniya probelov v prave) [«Qualified silence of the legislator» as a general legal phenomenon (on the issue of the essence and scope of functioning of gaps in law)]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2008, no. 1, pp. 75–78. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifitsirovannoe-molchanie-zakonodatelya-kak-obshchepравovoy-fenomen-k-voprosu-o-suschnosti-i-sfere-funktsionirovaniya-probelov-v> [in Russian].
4. Syrykh V. M. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. 2-e izd.* [Theory of state and law: textbook. 2nd edition]. Moscow, 2002, 592 p. [in Russian].
5. Panchenko V. Yu., Sabirov A. M. *Kvalifitsirovannoe molchanie v pravotvorchestve i pravovaya kul'tura pravoprimeneniya* [Qualified silence in law-making and legal culture of law enforcement]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Juridical Techniques], 2016, no. 10, pp. 427–432. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25472246>. EDN: <https://elibrary.ru/vlkqjr> [in Russian].
6. Rennenkampf N. K. *Ocherki yuridicheskoi entsiklopedii. 2-e izd.* [Essays in the legal encyclopedia. 2nd edition]. Kyiv, 1880, 282 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003581857/?ysclid=m9mi03klqd385736026 [in Russian].
7. Shershenevich G. F. *Obshchaya teoriya prava. 2-e izd.* [General theory of law. 2nd edition]. Moscow, 1917, 814 p. [in Russian]
8. Demin A. V. *Kvalifitsirovannoe molchanie zakona v mekhanizme nalogovo-pravovogo regulirovaniya* [Qualified silence of the law in the mechanism of tax and legal regulation]. *Zakon*, 2012, no. 2, pp. 129–138. Available at: <https://zakon.ru/publication/igzakon/3663> [in Russian].
9. Vasilyev Yu. I. *O probleme klassifikatsii kvalifitsirovannogo molchaniya zakonodatelya* [On the problem of qualified silence of a lawmaker classification] *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya gumanitarnye nauki*, 2015, no. 3 (33), pp. 69–72. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23823407>. EDN: <https://elibrary.ru/ubingv> [in Russian].
10. Vasiliev Yu. I. *Kvalifitsirovannoe molchanie zakonodatelya – element demokratizatsii pravotvorchestva ili variant avtoritarnogo gosudarstvennogo upravleniya?* [Is the qualified silence of the legislator an element of the democratization of law-making or a variant of authoritarian government?]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Juridical Techniques], 2014, no. 8, pp. 94–96. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21140156>. EDN: <https://elibrary.ru/rupwff> [in Russian].

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-18-23

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 4414

Дата поступления: 21.12.2024
рецензирования: 23.01.2025
принятия: 12.05.2025

Перспективы применения искусственного интеллекта в законодательном процессе Вьетнама с учетом опыта отдельных стран

Хоа Тхи Линь

Тхайбиньский университет, г. Тхай Бинь, Вьетнам

E-mail: hoalinhdhtb1990@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0984-443X>

Аннотация: Искусственный интеллект в настоящее время оказывает значительное влияние на все сферы общественной жизни. В законодательном процессе его использование также открывает большие перспективы. Искусственный интеллект может использоваться для поддержки законодательного процесса и его обеспечения на различных этапах, однако его применение для целей разработки законодательства сталкивается с рядом серьезных вызовов. В статье анализируется опыт использования искусственного интеллекта в законодательном процессе отдельных государств с целью дальнейшей оценки перспектив его применения в процессе разработки законодательства во Вьетнаме и внесения соответствующих предложений.

Ключевые слова: искусственный интеллект; закон; законодательство; законодательный процесс; подготовка законопроектов; законодательная деятельность; Вьетнам.

Цитирование. Линь Хоа Тхи. Перспективы применения искусственного интеллекта в законодательном процессе Вьетнама с учетом опыта отдельных стран // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 18–23. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-18-23>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Линь Хоа Тхи, 2025

Хоа Тхи Линь – преподаватель факультета права, политологии и международных отношений, Тхайбиньский университет, 300072, Вьетнам, г. Тхай Бинь (провинция Тхай Бинь), Вьетнам, ул. Куок Ло, 10.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.12.2024

Revised: 23.01.2025

Accepted: 12.05.2025

Prospects of applying Artificial Intelligence in the lawmaking process in Vietnam: lessons from the experience of other countries

Hoa Thi Linh

Thai Binh University, Thai Binh, Vietnam

E-mail: hoalinhdhtb1990@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0984-443X>

Abstract: Artificial Intelligence currently exerts a significant influence on all areas of public life. In the legislative process, the use of Artificial Intelligence also opens up great potential. Artificial Intelligence can support and participate in various stages of the process. However, the application of Artificial Intelligence in the process of lawmaking faces a number of serious challenges. This article analyzes the use of Artificial Intelligence in the legislative process in several countries around the world, with the aim of further assessing and offering recommendations on the prospects of applying Artificial Intelligence in the lawmaking process in Vietnam.

Key words: artificial intelligence (AI); law; legislation; lawmaking process; drafting of bills; legislative activity; Vietnam.

Citation. Linh Hoa Thi. *Perspektivy primeneniya iskusstvennogo intellekta v zakonodatel'nom protsesse V'etnama s uchetom opyta ot del'nykh stran* [Prospects of applying Artificial Intelligence in the lawmaking process in Vietnam: lessons from the experience of other countries]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 18–23. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-18-23> [in Russian].

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interests.

© Linh Hoa Thi, 2025

Hoa Thi Linh – lecturer at the Faculty of Law, Political Science and International Relations, Thai Binh University, 10, Kuok Lo Street, Thai Binh City (Thai Binh province), 300072, Vietnam.

Искусственный интеллект (ИИ), согласно IBM, является технологией, которая позволяет компьютерам и машинным системам моделировать интеллект и решать проблемы, присущие человеку [1]. ИИ позволяет компьютерам выполнять многие продвинутые функции, наделяет их способностью наблюдать, понимать, переводить устную и письменную речь, анализировать данные, давать рекомендации и поддерживать различные виды деятельности в повседневной жизни.

Законодательный процесс представляет собой совокупность определенных установленных законом процедур, которые имеют различное содержание, а также связаны с деятельностью разных субъектов. Это необходимо для обеспечения эффективного распределения труда и координации действий с целью создания качественных и жизнеспособных законодательных актов, соответствующих потребностям общества. Процесс разработки законодательства в разных странах мира обычно включает следующие этапы: (i) выдвижение инициативы разработки закона; (ii) разработку законопроекта; (iii) экспертизу законопроекта; (iv) обсуждение законопроекта; (v) принятие и публикацию закона.

Для того чтобы законодательный процесс проходил эффективно и согласованно с политической системой и организационной структурой каждого государства, помимо четкого установления этапов и ответственности участников, в эпоху четвертой промышленной революции важно применение достижений науки и технологий, в частности внедрение ИИ в этот процесс. Благодаря своим выдающимся возможностям ИИ, безусловно, станет мощным инструментом, который внесет необходимые изменения и упростит процесс разработки законодательства.

Технологии искусственного интеллекта используются в законопроектной деятельности в различных формах и на разных этапах.

Во-первых, ИИ используется законодателями для анализа данных, сбора информации и прогнозирования эффективности правовых актов после их принятия. Законодательство принимается для регулирования общественных отношений в соответствии с целями и ключевыми ценностями государства. Правовое регулирование традиционно охватывает все сферы жизни, такие как экономика, культура, общество, оборона, безопасность, образование, окружающая среда, внешняя политика, организация и деятельность государственных органов и другие. Принятие законодательного акта учреждениями, организациями и лицами должно пройти через несколько этапов, таких как анализ и оценка его политического воздействия; поиск и синтез действующих норм права для выявления правовых пробелов или противоречий, коллизионных положений; сравнительно-правовое исследование норм других государств для выработки предложений о внесении изменений в национальное законодательство; прогнозирование жизнеспособности законопроекта после принятия

и так далее. ИИ с использованием продвинутых алгоритмов способен анализировать большие объемы текстовых данных, предоставляя полезную информацию для законодателей. Кроме того, модели машинного обучения, основанные на анализе данных прошлого и настоящего, могут делать прогнозы относительно эффективности законопроекта или выявлять риски, которые законопроект может вызвать в различных сферах общественной жизни.

Во-вторых, ИИ может участвовать в процессе составления законопроектов. Целью этого этапа является превращение политических идей в нормы права с использованием определенного языка, формы и техники законодательства. Это сложный этап, включающий множество конкретных действий, требующих от разработчиков законодательных актов обширных знаний и юридических навыков. Программы ИИ с функциями обработки естественного языка, такие как Personal Assistant, Auto-Complete, Spell Checking, Translation и другие, могут стать полезными инструментами для анализа языка законопроектов и юридических документов, помогая создать полноценный проект закона, обеспечивающий ясность, системность правового регулирования и исключая потенциальные ошибки.

В-третьих, ИИ способствует активизации участия граждан, повышению прозрачности и открытости, упрощению их доступа к процессу разработки законодательства. Граждане могут участвовать в этом процессе различными способами. В некоторых государствах граждане (при соблюдении определенной квоты) могут предлагать законодательные инициативы. Кроме того, на других этапах законотворческого процесса также необходим учет мнения граждан для обеспечения реализации демократических идеалов, открытости и прозрачности. Инструменты ИИ, такие как чат-боты и виртуальные ассистенты, могут использоваться для быстрого сбора мнений граждан по конкретным вопросам.

В-четвертых, ИИ помогает обеспечивать прозрачность и добросовестность в процессе разработки законодательства. Благодаря машинному обучению и анализу данных ИИ может выявлять «необычные» или «мошеннические» действия в процессе разработки закона, поддерживать возможности сохранения и последующего использования документов, связанных с процессом разработки законопроектов, и упрощает отслеживание и проверку изменений в этом процессе.

В ответ на вызовы четвертой промышленной революции и появление искусственного интеллекта некоторые государства уже начали исследовать и применять ИИ в законотворческом процессе, интегрируя его в этот процесс и разрабатывая системы поддержки, основанные на ИИ, для оптимизации процесса и обеспечения его эффективности и точности.

Например, в *Италии* с целью модернизации правовой структуры и упрощения работы парла-

мента Палата депутатов внедрила ИИ в законодательный процесс [2] для упрощения разработки законов, предотвращения дублирования и несогласованности между ними и создания логичных и завершённых правовых актов. Итальянский Сенат внедрил сервисы на основе ИИ, использующие машинное и глубокое обучение. Эти сервисы включают классификацию законов и поправок, проверку схожести и использование маркеров (tags) [3]. Италия также ставит целью стать одной из первых стран, интегрирующих генеративные инструменты ИИ в деятельность парламента, включая сбор и анализ законодательных документов [4].

В США члены Конгресса и несколько сенаторов использовали ИИ для подготовки речей, создания вопросов и разработки законопроектов. Сенатор Барри Файнголд из Демократической партии штата Массачусетс использовал ChatGPT для создания законопроекта по регулированию моделей искусственного интеллекта. Это был один из первых законопроектов в Массачусетсе, подготовленных с помощью ИИ [5]. Палата представителей США начала исследовать возможности интеграции ИИ в свою работу. Также Служба исследований Конгресса США изучает возможности использования ИИ для краткого изложения законов с повышением эффективности работы.

Парламент Канады также активно использует ИИ для автоматического перевода, составления и резюмирования законов [3]. Постоянный комитет по промышленности и технологиям канадского парламента готовит законопроект C-27, регулирующий вопросы искусственного интеллекта. После появления ChatGPT IT-поддержка парламента также исследует разработку собственных AI-приложений.

В 2019 году Палата представителей Бразилии внедрила систему Ulysses – многофункциональный инструмент на базе искусственного интеллекта, направленный на повышение эффективности законодательного процесса и усиление взаимодействия с общественностью. Ulysses включает множество полезных модулей, таких как категоризация контента по темам, электронные опросы, сбор предложений от граждан на протяжении всего процесса разработки законов, выявление потребностей депутатов в ходе законодательной работы, и многие другие функции. Ulysses выделяется своей способностью анализировать и классифицировать большие объёмы документов и данных, а также адаптировать содержание в соответствии с предпочтениями пользователей, предоставляя общественности возможность выражать свои мнения, поддерживать или отвергать законопроекты и комментировать их. Система может фиксировать большое количество отзывов – до 30 000 комментариев по одному законодательному предложению. Ulysses также использует технологии обработки естественного языка (NLP) для более эффективного и оперативного анализа и интерпретации этих комментариев.

Подразделение архивов Европейского парламента разработало передовую панель управления на базе искусственного интеллекта для обеспечения анализа больших архивных баз данных. Эта панель использует технологии генеративного ИИ, предоставляя пользователям возможность более тщательного поиска и анализа документов начиная с 1952 года [6]. Данный инструмент основан на системе Больших Языковых Моделей (LLM), которая может обрабатывать запросы пользователей и генерировать конкретные ответы. ИИ анализирует, извлекает и связывает информацию из обширной коллекции документов, которую команда архива оцифровала и загрузила в сеть «Интернет». Этот инструмент применяет технологии машинного обучения, имитируя процесс обучения человеческого мозга. Хотя документы составлены в основном на французском языке, благодаря автоматическому переводу инструмент может работать на 55 языках. Европейская комиссия разработала программное обеспечение LEOS (Legislation Editing Open Software) для создания законодательных проектов в юридическом xml-формате, что облегчает процесс подготовки или рассмотрения законодательных текстов, а также поддерживает «взаимодействие между европейскими учреждениями».

Искусственный интеллект также используется в законодательной деятельности некоторых стран. В этом отношении можно привести пример чат-ботов Парламента ЮАР, которые обеспечивают депутатам быстрый и эффективный поиск информации и помогают в сравнении законопроектов; Парламент Финляндии также провел специальное парламентское слушание, на которое системы ИИ были приглашены для обсуждения вопросов, связанных с Программой ООН на 2030 год и проблемами внедрения передовых технологий. Япония также применяет цифровые технологии для подготовки законодательных текстов, что позволяет сократить на 40 % усилия, затрачиваемые на их составление [7].

Можно утверждать, что ИИ на начальном этапе уже используется некоторыми законодательными органами в процессе разработки законов. Однако, помимо преимуществ, которые приносит ИИ, очевидно, что его применение в законотворческом процессе также может привести к рискам в виде недопустимого влияния третьих сторон, что может угрожать принципу независимости парламента; вести к срыву его работы в случае технологического сбоя из-за отсутствия базовой информационно-технологической инфраструктуры; технологическому неравенству между политическими партиями и невозможности доступа депутатов к технологиям. Чрезмерная зависимость от ИИ также может привести к тому, что законопроекты будут неполными или недостаточно проработанными [8]; системы ИИ также могут быть подвержены внешним манипуляциям, выйти из-под контроля и способствовать дискриминации каких-либо групп. Кроме того, использование ИИ в процессе разработки законов вызывает опасения по

поводу этических аспектов эксплуатации систем, основанных на ИИ, в законодательных органах.

Во Вьетнаме вопрос применения искусственного интеллекта в деятельности, связанной с разработкой законов, является новым. Исследования ученых сосредоточены на более широких аспектах – на применении информационных технологий в законодательной деятельности, таких как цифровая трансформация и использование цифровых технологий в разработке законодательства; модернизация законодательного процесса во Вьетнаме в условиях четвертой промышленной революции; применение информационных технологий в законодательной деятельности [9]. В 2012 году Аппарат Национального Собрания запустил веб-сайт «Проект онлайн» (duthaonline.quochoi.vn). Целью этого веб-сайта является расширение участия граждан в процессе разработки законопроектов и нормативных актов. Мнения граждан и специалистов, размещенные на сайте, будут собраны и направлены в органы Национального Собрания и его депутатам, чтобы поддержать работу по доработке и усовершенствованию проекта. Кроме того, были внедрены программные решения, поддерживающие депутатов в процессе рассмотрения документов, уведомлений, сбора информации из средств массовой информации и мнений избирателей. Вьетнам также уделяет внимание вопросам создания электронного Национального Собрания и цифрового правительства.

В последнее время Коммунистическая партия и правительство Вьетнама уделяют большое внимание цифровой трансформации и применению искусственного интеллекта в процессе разработки законов. В Заключении Министерства политики № 119-KL-TW от 20 января 2025 года однозначно указано на необходимость «применения искусственного интеллекта в разработке законодательства» [10]. В новейшем Законе о принятии нормативных правовых актов 2025 года (вступил в силу с 1 апреля 2025 года) в пункте 2 статьи 66 также упоминается, что «цифровые технологии, цифровая трансформация применяются в процессе разработки, принятия и реализации нормативных правовых актов» [11].

В настоящее время во Вьетнаме, согласно положениям Закона о принятии нормативных правовых актов 2025 года, законодательный процесс включает следующие этапы: определение основных направлений работы на срок полномочий и составление годичной программы деятельности Национального Собрания; разработка векторов законодательной политики; подготовка законопроектов; проверка проектов законов; принятие проектов законов; опубликование законов.

Законодательная деятельность во Вьетнаме, по оценкам некоторых экспертов, до сих пор осуществляется вручную, «носит довольно отсталый характер, и принятие закона занимает очень много времени» [13]. Таким образом, вьетнамским государственным органам следует оперативно рассмотреть новейшие достижения науки и технологий,

а именно применение искусственного интеллекта. Уполномоченные учреждения должны разработать четкие нормы применения ИИ на различных этапах процесса разработки законов. В частности, следует взять на вооружение инструменты анализа большого объема данных (S.M.A.C) и некоторые другие программы в целях обобщения опыта применения нормативных актов на практике, анализа и оценки необходимости, срочности и осуществимости законопроектов. Для повышения качества законодательного процесса необходимо внедрять платформу Crowdlaw, поскольку она позволяет собирать информацию и получать отклик от граждан. Граждане могут не только выражать свое мнение и направлять свои предложения через онлайн-систему, но и выдвигать законодательные инициативы, участвовать в процессе разработки, мониторинге исполнения и предоставлять недостающие данные [13]. Применение ИИ на стадии разработки законопроекта может оказаться полезным для выявления противоречий и несоответствий в системе нормативных актов, а также для преобразования бумажных документов в цифровые данные, что, в свою очередь, поможет сэкономить время и ресурсы.

Во Вьетнаме совершенствование правовой системы в целом и процесс разработки законов в частности должны быть полностью пересмотрены в соответствии с вызовами четвертой промышленной революции. Чтобы гарантировать успешное применение достижений искусственного интеллекта в процессе законопроектной работы, необходимо комплексно реализовать следующие меры.

Во-первых, государство должно оперативно провести исследование вопроса и разработать правовые основы для регулирования деятельности, связанной с искусственным интеллектом. 13 марта 2024 года Закон об искусственном интеллекте (AIA) был официально принят Европейским парламентом. Это событие подчеркивает важность создания гибкой, но строгой правовой базы для эффективного регулирования сферы ИИ. Вьетнам может, опираясь на изучение европейского опыта, разработать правовую базу, соответствующую контексту и конкретным условиям государства, чтобы регулировать и направлять развитие искусственного интеллекта.

Во-вторых, следует проанализировать текущие внутринациональные обстоятельства и обеспечить специализированный процесс подготовки законов с использованием ИИ для некоторых видов нормативных актов с целью удовлетворения требований государственного управления в современных условиях. Этот процесс должен быть гибко спроектирован с учетом требования оцифровки документов и эффективного регулирования новых юридических вопросов. Также следует обеспечить продолжительную актуальность выработанных норм, их способность адаптироваться к постоянным общественным изменениям.

В-третьих, необходимо разработать подробный план цифровой трансформации, а также

применения ИИ в процессе разработки законов с особым акцентом на подготовку кадров, повышение квалификации в области информационных технологий для сотрудников, занимающихся законодательной деятельностью, инвестирование финансовых ресурсов в обновление инфраструктуры информационных технологий, оснащение специализированным программным обеспечением и активизацию международного сотрудничества в применении ИИ в процессе разработки законов.

В-четвертых, необходимо усилить участие граждан в процессе разработки и совершенствования законодательства. Технология ИИ может помочь эффективно собирать и анализировать мнения граждан, бизнеса и других заинтересованных сторон для создания более доступной и понятной правовой системы. Нужно изучить возможности создания онлайн-платформ для широкого и быстрого сбора мнений населения относительно разрабатываемых проектов нормативных актов.

В-пятых, важно повысить качество исследования и разработки ИИ, предназначенного для нужд законодательной деятельности. Государство должно поощрять усилия организаций и исследовательских институтов как внутри страны, так и за рубежом в разработке специализированных инструментов и приложений ИИ для юридической сферы, особенно для автоматизации процессов разработки и проверки юридических документов.

Применение искусственного интеллекта в процессе разработки законов стало важным вопросом, привлекающим общественное внимание во многих странах мира. ИИ со своими выдающимися возможностями уже оказывает и будет оказывать важное влияние на повышение эффективности законодательной деятельности. Однако его применение в этом процессе также ставит перед человечеством сложные этические вопросы и обнаруживает проблемы, связанные с безопасностью информации. Чрезмерная зависимость от технологий может привести к негативным последствиям. Поэтому, основываясь на опыте других стран, во Вьетнаме рекомендуется рассмотреть возможность создания четкой и всесторонней стратегии применения ИИ в законодательной деятельности, которая позволит максимально раскрыть потенциал последнего, при этом обеспечивая демократичность, объективность, прозрачность, точность и всесторонний характер законотворческого процесса.

Искусственный интеллект (ИИ), согласно IBM, является технологией, которая позволяет компьютерам и машинным системам моделировать интеллект и решать проблемы, присущие человеку. ИИ позволяет компьютерам выполнять многие продвинутые функции, наделяет их способностью наблюдать, понимать, переводить устную и письменную речь, анализировать данные, давать рекомендации и поддерживать различные виды деятельности в повседневной жизни.

Библиографический список

1. What is artificial intelligence (AI)? URL: <https://www.ibm.com/topics/artificial-intelligence> (дата обращения: 30.11.2024).
2. Italy's Pioneering Steps Towards Integrating AI in Legislative Processes: A Leap Towards Enhanced Transparency and Efficiency. URL: <https://betterregulation.lumsa.it/news-italys-pioneering-steps-towards-integrating-ai-legislative-processes-leap-towards-enhanced> (дата обращения: 30.11.2024).
3. Von Lucke J., Fitsilis F., Etscheid J. Using Artificial Intelligence for Legislation-Thinking About and Selecting Realistic Topics // EGOV-CeDEM-ePart. 2022. Linköping, Sweden, September 06–08, 2022. P. 32–42. URL: <https://ceur-ws.org/Vol-3399/paper3.pdf>.
4. Usare l'intelligenza artificiale per documentare i lavori del Parlamento. URL: <https://www.wired.it/article/intelligenza-artificiale-parlamento-proposta-ascani> [in Italian].
5. Mass. lawmaker uses ChatGPT to help write legislation limiting the program. URL: <https://www.masslive.com/politics/2023/01/mass-lawmaker-uses-chatgpt-to-help-write-legislation-limiting-the-program.html>.
6. Ask the Archives: The EP Archives Unit Launches its first Generative AI tool. URL: <https://historicalarchives.europarl.europa.eu/en/sites/historicalarchive/home/cultural-heritage-collections/news/ai-dashboard.html>.
7. Буй Тху Ханг. Chuyển đổi số, ứng dụng công nghệ số trong xây dựng pháp luật // BỘ TƯ PHÁP. URL: <https://moj.gov.vn/qt/tintuc/Pages/ngghien-cuu-trao-doi.aspx?ItemID=2625> [in Vietnamese].
8. Pier Francesco Bresciani M. P. Constitutional Opportunities and Risks of AI in the law-making process // FEDERALISMI.IT. 2024. № 2. P. 1–18. URL: <https://cris.unibo.it/handle/11585/953858>.
9. Нгуен Суан Сон. Đầy mạnh ứng dụng công nghệ trong quản trị tòa soạn số [Эффективность применения информационных технологий в законотворческой деятельности] // ThanhtraVietNam. 2022. URL: <https://thanhtvietnam.vn/ngghien-cuu-trao-doi/hieu-qua-cua-ung-dung-cong-nghe-thong-tin-trong-hoat-dong-lap-phap-199411.html> [in Vietnamese].
10. Заключение Министерства политики Вьетнама № 119-KL-TW от 20 января 2025 года. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/bo-may-hanh-chinh/Ket-luan-119-KL-TW-2025-dinh-huong-doi-moi-hoan-thien-quy-trinh-xay-dung-phap-luat-642001.aspx> [in Vietnamese].
11. LUẬT BAN HÀNH VĂN BẢN QUY PHẠM PHÁP LUẬT [Закон Вьетнама о принятии нормативных правовых актов 2025 года]. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Luat-ban-hanh-van-ban-quy-phan-phap-luat-2025-so-64-2025-QH15-639239.aspx> [in Vietnamese].

12. Ле Тхи Тхань Хюен. Инновации в процессе законотворчества во Вьетнаме в условиях Четвертой промышленной революции // Журнал исследований законодательства. 2021. № 07 (431) [in Vietnamese].

13. TS. TRẦN THỊ QUANG HỒNG. TÁC ĐỘNG CỦA CÁCH MẠNG CÔNG NGHIỆP LẦN THỨ 4 ĐẾN QUY TRÌNH LẬP PHÁP Ở VIỆT NAM NHÌN TỪ KINH NGHIỆM QUỐC TẾ [Влияние Четвертой промышленной революции на процесс законотворчества во Вьетнаме с учетом международного опыта] // CÔNG THÔNG TIN ĐIỆN TỬ QUỐC HỘI VIỆT NAM [Электронный портал Национального собрания Социалистической Республики Вьетнам]. 2020. URL: <https://quochoi.vn/hoatdongcuaquochoi/cackyhoppquochoi/quochoikhoaXIII/Pages/danh-sach-ky-hop.aspx?ItemID=44773&CategoryId=0> [in Vietnamese].

References

1. What is artificial intelligence (AI)? Available at: <https://www.ibm.com/topics/artificial-intelligence> (accessed 30.11.2024).
2. Italy's Pioneering Steps Towards Integrating AI in Legislative Processes: A Leap Towards Enhanced Transparency and Efficiency. Available at: <https://betterregulation.lumsa.it/news-italys-pioneering-steps-towards-integrating-ai-legislative-processes-leap-towards-enhanced> (accessed 30.11.2024)
3. Von Lucke J., Fitsilis F., Etscheid J. Using Artificial Intelligence for Legislation-Thinking About and Selecting Realistic Topics. *EGOV-CeDEM-ePart*. Linköping, Sweden, September 06–08, 2022, pp. 32–42. Available at: <https://ceur-ws.org/Vol-3399/paper3.pdf>.
4. Usare l'intelligenza artificiale per documentare i lavori del Parlamento. Available at: <https://www.wired.it/article/intelligenza-artificiale-parlamento-proposta-ascani> [in Italian].
5. Mass. lawmaker uses ChatGPT to help write legislation limiting the program. URL: <https://www.masslive.com/politics/2023/01/mass-lawmaker-uses-chatgpt-to-help-write-legislation-limiting-the-program.html>.
6. Ask the Archives: The EP Archives Unit Launches its first Generative AI tool. URL: <https://historicalarchives.europarl.europa.eu/en/sites/historicalarchive/home/cultural-heritage-collections/news/ai-dashboard.html>.
7. Bui Thu Hang. *Chuyển đổi số, ứng dụng công nghệ số trong xây dựng pháp luật* [Conversion number, the application of digital technology in construction law]. Retrieved from official website of BỘ TƯ PHÁP. Available at: <https://moj.gov.vn/qt/tintuc/Pages/nghien-cuu-trao-doi.aspx?ItemID=2625> [in Vietnamese].
8. Pier Francesco Bresciani M. P. Constitutional Opportunities and Risks of AI in the law-making process. *FEDERALISMI. IT*, 2024, no. 2, pp. 1–18. Available at: <https://cris.unibo.it/handle/11585/953858>.
9. Nguen Suan Son. *Đẩy mạnh ứng dụng công nghệ trong quản trị tòa soạn số* [Promoting the application of technology in the administration building number]. Retrieved from the official website of *ThanhtraVietNam*. 2022. Available at: <https://thanhtraivietnam.vn/nghien-cuu-trao-doi/hieu-qua-cua-ung-dung-cong-nghe-thong-tin-trong-hoat-dong-lap-phap-199411.html> [in Vietnamese].
10. Conclusion of the Ministry of Policy of Vietnam No. 119-KL-TW dated January 20, 2025. Available at: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/bo-may-hanh-chinh/Ket-luan-119-KL-TW-2025-dinh-huong-doi-moi-hoan-thien-Quy-trinh-xay-dung-phap-luat-642001.aspx> [in Vietnamese].
11. LUẬT BAN HÀNH VĂN BẢN QUY PHẠM PHÁP LUẬT [Law Promulgation of Legal Normative Documents]. Available at: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Luat-ban-hanh-van-ban-Quy-pham-phap-luat-2025-so-64-2025-QH15-639239.aspx> [in Vietnamese].
12. Le Tkhi Tkhan Khuen. Innovation in Lawmaking in Vietnam in the Fourth Industrial Revolution. *Zhurnal issledovanii zakonodatel'stva*, 2021, no. 07 (431) [in Vietnamese].
13. TS. TRẦN THỊ QUANG HỒNG. TÁC ĐỘNG CỦA CÁCH MẠNG CÔNG NGHIỆP LẦN THỨ 4 ĐẾN QUY TRÌNH LẬP PHÁP Ở VIỆT NAM NHÌN TỪ KINH NGHIỆM QUỐC TẾ [The impact of the industrial revolution the 4th to the legislative process in Vietnam as seen from the international experience]. Retrieved from the official website of the *CÔNG THÔNG TIN ĐIỆN TỬ QUỐC HỘI VIỆT NAM* [Electronic portal of the National Assembly of Vietnam], 2020. Available at: <https://quochoi.vn/hoatdongcuaquochoi/cackyhoppquochoi/quochoikhoaXIII/Pages/danh-sach-ky-hop.aspx?ItemID=44773&CategoryId=0> [in Vietnamese].

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE (CIVIL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-24-30

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 349.444

Дата поступления: 17.03.2025
рецензирования: 19.04.2025
принятия: 12.05.2025

Потребительские кооперативы в жилищной сфере: тенденции правового регулирования

Е. С. Крюкова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kr-elena@mail.ru

О. Н. Кудашева

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: olganikolkudasheva@yandex.ru

Аннотация: В статье проведен комплексный анализ правового положения потребительских кооперативов в жилищной сфере, выявлены особенности и обозначены проблемы правовой регламентации деятельности отдельных видов кооперативных организаций. Авторами отмечены достоинства и недостатки названной формы привлечения денежных средств граждан на строительство и приобретение жилого помещения. В исследовании показаны льготы, установленные для кооперативов, созданных при поддержке государства, предложено распространить ряд описанных преимуществ на иные кооперативы в жилищной сфере, учитывая их потребительскую направленность и социальную значимость жилищной отрасли. В работе рассмотрены вопросы участия кооперативов в управлении многоквартирными домами, рекомендованы пути модернизации законодательства в данном направлении. Подчеркнуто, что управленческая деятельность жилищных и жилищно-строительных кооперативов нуждается в расширении и детализации правового сопровождения на этапе участия в кооперативе собственников помещений.

Ключевые слова: потребительский кооператив; жилищная сфера; управление многоквартирным домом; привлечение денежных средств; строительство; член кооператива.

Цитирование. Крюкова Е. С., Кудашева О. Н. Потребительские кооперативы в жилищной сфере: тенденции правового регулирования // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 24–30. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-24-30>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Крюкова Е. С., Кудашева О. Н., 2025

Елена Сергеевна Крюкова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Ольга Николаевна Кудашева – специалист УМР кафедры гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.03.2025
Revised: 19.04.2025
Accepted: 12.05.2025

Consumer cooperatives in the housing sector: trends in legal regulation

E. S. Kryukova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: kr-elena@mail.ru

O. N. Kudasheva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: olganikolkudasheva@yandex.ru

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the legal status of consumer cooperatives in the housing sector, identifies the features and identifies the problems of legal regulation of the activities of hotel types of cooperative organizations. The authors noted the advantages and disadvantages of the studied form of attracting citizens' funds for the construction and purchase of residential premises. The study shows the benefits established for cooperatives established with the support of the state, it is proposed to extend a number of such advantages to other cooperatives in the housing sector, taking into account their consumer orientation and the social importance of the housing industry. The paper considers the issues of participation of cooperatives in the management of apartment buildings, and recommends ways to modernize legislation in this area. It is emphasized that the management activities of housing and housing construction cooperatives clearly need to be expanded and detailed legal support at the stage of participation in the cooperative of owners.

Key words: consumer cooperative; housing sector; management of an apartment building; raising funds; construction; cooperative member.

Citation. Kryukova E. S., Kudasheva O. N. *Potrebitel'skie kooperativy v zhilishchnoi sfere: tendentsii pravovogo regulirovaniya* [Consumer cooperatives in the housing sector: trends in legal regulation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 24–30. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-24-30> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declared no conflicts of interests.

© Kryukova E. S., Kudasheva O. N., 2025

Elena S. Kryukova – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Olga N. Kudasheva – UMR specialist of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Проблема обеспечения граждан жилыми помещениями всегда относилась к числу ключевых при определении стратегических направлений развития Российской Федерации. Институт жилищной кооперации прошел несколько ступеней становления и модернизации в качестве способа удовлетворения жилищных потребностей населения. В доктрине выделяют несколько этапов формирования кооперативного движения (дореволюционный период, эпоху новой экономической политики, довоенное и послевоенное время, фазу возрождения кооперации (1958–1988)). Каждой из перечисленных стадий свойственны собственное видовое многообразие кооперативов, различия в объеме и соотношении средств и способов государственной поддержки и степени привлечения средств граждан, перечне и ограничениях потенциальных членов юридического лица. В обозначенных рамках складывалась нормативная и материальная база создания подобных организаций [1, с. 41–49]. Как верно подмечено в литературе, правовое регулирование указанного сектора экономики в нашей стране осуществлялось с учетом политических целей, стоявших перед государством на определенной исторической ступени. Однако до сих пор можно отметить скудность правовой регламентации на уровне закона, компенсируемую в советское время весьма обширным подзаконным нормативным регулированием и главенствующей ролью государства в решении жилищных проблем населения, но, к сожалению, не получившую такого же подробного вспомогательного нормирования в настоящее время [2, с. 83–87]. Действительно, с учетом отсутствия детального регулирования на сегодняшний день общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) о потребительской кооперации и специальных положений Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ), посвященных жилищным и жи-

лищно-строительным кооперативам, явно недостаточно для решения возникающих вопросов, особенно имея в виду многогранный функционал, которым наделены кооперативы. Многие действующие положения вызывают трудности в рамках их реализации по причине расхождения с аналогичными нормами, регламентирующими работу иных некоммерческих корпораций в жилищной сфере. Такие разночтения могут привести к нарушениям жилищных прав граждан.

В целом система регулирования базируется на положениях ГК РФ и ЖК РФ. Специальное правовое регулирование сориентировано на конкретные подвиды кооперативных организаций, например, жилищным накопительным кооперативам в силу определенных особенностей посвящен отдельный закон. Выделить следует также нормативный сектор, опосредующий строительство, включая правила, сориентированные на создание и работу патронажных кооперативов, чья деятельность сопровождается мерами государственной поддержки.

Целями жилищной политики традиционно выступают создание условий для жилищного строительства и закрепление гарантий доступности приобретения жилья. В этой связи наиболее надежные и эффективные способы и средства их достижения, уже показавшие свою состоятельность, должны быть более активно поддержаны государством. В теории справедливо указано на тот факт, что необходимость развития рынка доступного жилья предъявляет все большее количество требований к регуляторам инвестиционно-строительного комплекса в части создания условий для активизации жилищного строительства и расширения возможностей граждан по приобретению жилья [3, с. 158–165]. В свете сказанного потребительские кооперативы могли бы выступить одним из менее затратных способов решения жилищных проблем.

В настоящее время потребительские кооперативы в жилищной сфере предназначены для решения двух основных масштабных задач: обеспечения граждан жильем и (или) управления многоквартирным домом. Между тем ни та, ни другая составляющие их функционала не реализованы в полной мере. Безусловно, преодоление подобных проблем требует комплексного подхода, однако не стоит забывать, что ведущая роль при их разрешении принадлежит правовому регулированию, которое в заданном разрезе явно нуждается в системной переработке.

Обсуждение

Видовое многообразие кооперативов в жилищной сфере представлено жилищными, жилищно-строительными, жилищными накопительными и иными специализированными кооперативами. На сегодняшний день участие в кооперативе для приобретения или строительства жилья практически минимизировано, хотя до недавнего времени имела место непродолжительная успешная деятельность в этом направлении сравнительно нового финансового института – накопительного кооператива. Патронажные кооперативы, призванные обеспечить жильными помещениями отдельные, нуждающиеся в улучшении жилищных условий категории граждан за счет содействия государства, также не получили должного развития, несмотря на модернизацию в этой части Федерального закона от 24 июля 2008 г. № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства, созданию объектов туристской инфраструктуры и иному развитию территорий»¹, проведенную с целью упростить механизмы создания и деятельности таких кооперативов. Оказываемые со стороны публичного образования меры поддержки включают обеспечение кооператива земельными участками, помощь в разработке проектной документации и создание условий для подключения инфраструктуры. В плане дальнейшего продвижения такого рода организаций солидарны с авторами, настаивающими на необходимости развития не только федерального, но и регионального законодательства, сопровождающего процесс организации и функционирования патронажных кооперативов [4, с. 29–33].

В числе потребительских кооперативов в жилищной сфере нормативно обособлен жилищный накопительный кооператив (Федеральный закон от 30.12.2004 № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах»)². Жилищный накопительный кооператив объединяет материальные ресурсы членов и использует их для приобретения объектов жилищного фонда согласно волеизъявлениям пайщиков после определенного периода накопления денежных средств. Следовательно, при-

обретение жилья осуществляется в основном за счет самих пайщиков, что предполагает введение требований (причем как минимальных, так и максимальных) к количеству участников и наличие периода ожидания жилого помещения. В этой связи в теории справедливо отмечают, что «деятельность жилищных накопительных кооперативов основана на большем риске, нежели деятельность иных кооперативов в жилищной сфере» [5, с. 54]. Вместе с тем в ряде регионов РФ имели место и примеры успешной работы жилищных накопительных кооперативов [6, с. 25–28; 7, с. 54–58]. Особым финансовым компонентом продиктованы ограничения и запреты, предъявляемые законодателем к этой разновидности кооперативов, нацеленные на обеспечение сохранности ресурсов и безопасности участия в них граждан (контроль со стороны Банка России, в том числе включение организации в отдельный реестр, соответствие кооператива нормативам финансовой устойчивости, закрепление в законе пределов и характеристик возможных форм участия в нем граждан, ограничения на совершение указанным субъектом ряда сделок, дополнительная отчетность организации) [8, с. 21–31]. Предложенные законодателем меры гарантируют финансовую стабильность и защищают интересы членов организации. Следует отметить, что накопительные кооперативы не предназначены для управления многоквартирными домами. Однако в части эффективности удовлетворения жилищных потребностей граждан накопительные кооперативы, как и иные потребительские кооперативы в жилищной сфере, для более успешного развития нуждаются в дополнительной комплексной поддержке.

Применительно к потребительским кооперативам среди возможных рисков и недостатков такой модели в жилищной сфере исследователи отмечают отсутствие в ходе строительства ряда обеспечительных механизмов, в частности в виде счетов эскроу, выступающих обязательным элементом в рамках договорных отношений по участию в долевом строительстве, а также невозможности взыскания неустойки и убытков за нарушение сроков строительства, поскольку члены организации сами несут риски переноса этапов передачи квартиры. Регистрационные процедуры, свойственные договорным отношениям, в отличие от приобретения жилья посредством членства в кооперативе, тоже создают дополнительную гарантию надежности отношений. Кроме того, на плечи пайщиков ложится удорожание материалов и работ. Среди актуальных вопросов участия в жилищном и жилищно-строительном кооперативе, осуществляющем строительство многоквартирного жилого дома, в теории наряду с перечисленными указывают на сложности в урегулировании претензий относительно качества данных жилых помещений [9, с. 73–77].

Возникают проблемы и касательно регламентации статуса членов кооператива, на что неоднократно обращалось внимание в литературе [10;

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. 28 июля. № 30 (часть II). Ст. 3617.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. 3 января. № 1 (часть I). Ст. 41.

11, с. 68–75; 12, с. 138–142]. Так, требуют корректировки положения о порядке и последствиях выхода участников из состава организации, определении суммы пая, преимуществах и последовательности вступления в кооператив наследников. Все эти обстоятельства делают очерченный вариант менее привлекательным и надежным в сравнении с договорными формами. Среди причин снижения активности кооперативов можно назвать также высокую полную стоимость строительства, недоступность кредитных ресурсов и необходимость доработки в этой части законодательства о потребительском кредитовании.

Вместе с тем налицо и ряд преимуществ, состоящих в снятии возрастных ограничений (верхний предел), возможности участвовать в управлении активами организации, отсутствием необходимости заботиться о кредитной истории [13, с. 571–576; 14, с. 35–37]. И если жилищным кооперативам сложно конкурировать с застройщиками именно по причине трудностей приобретения земельных участков, работы с подрядчиками и закупки стройматериалов, то в этом разрезе перспективы имеет кредитная потребительская кооперация, действующая в ситуации определенности спроса и возможностей пайщиков, самостоятельно определяющая свою кредитную политику и методику расчета процентов [15, с. 20–24].

В качестве достоинств следует указать на ценность единого субъекта, действующего в интересах потребителей: имея определенную материальную базу, опыт и знания, кооператив выступает как профессиональный участник рынка недвижимости, проводит экспертизу документации с целью приобретения объектов для своих членов, осуществляет последующее наблюдение и проверки. Контроль со стороны членов кооператива, а в некоторых случаях со стороны Банка России, ежегодный аудит делают работу кооператива прозрачной и способствует ответственному отношению должностных лиц последнего к своим обязанностям [6, с. 25–28]. Модернизация и более активное внедрение кооперативного движения в жилищной сфере целесообразны «для части населения, не располагающей крупными суммами для внесения первоначального взноса в рамках ипотечного жилищного кредитования и не имеющей возможности осилить соответствующую процентную ставку, которая при участии в кооперативе, как правило, значительно ниже. Помимо этого, в процессе исполнения обязательств членов кооператива формируются более гибкие условия погашения остаточной стоимости жилого помещения» [7, с. 54].

Вторым важным вектором, определяющим содержание деятельности кооперативов, выступает первоначально необходимость, а в последующем допустимость осуществления управления многоквартирным домом. Законодатель прямо перечисляет возможные организационно-правовые формы некоммерческих корпораций, призванных управлять общим имуществом дома. Среди таковых

помимо жилищных и жилищно-строительных, названы иные специализированные кооперативы и товарищества собственников жилья. Избранный формат в полной мере удовлетворяет потребности вовлечения всех собственников в систему управления и дает им возможность полноценной реализации своих прав в заданном аспекте. Так, система органов корпорации способствует участию всех или большинства собственников в принятии ключевых решений, связанных с обслуживанием дома и выбором руководства организации. Управление посредством двухзвенной структуры и наличие обязательного органа контроля позволяют обеспечить общие интересы должным образом.

В качестве дополнительных гарантий надежности исполнительных органов законодателем предусмотрены повышенные требования к должностным лицам, призванные не допустить к столь важной сфере субъектов, чья репутация в сфере управления потеряна, в частности в связи с совершением правонарушений.

Однако кооперативы имеют и ряд отличий от других некоммерческих корпораций в жилищной сфере, обусловленных их нацеленностью прежде всего на удовлетворение жилищных потребностей членов за счет объединения имущественных взносов последних (только в качестве следствия возникает надобность в обеспечении содержания и эксплуатации жилья). Анализ положений ЖК РФ, посвященных статусу таких кооперативов, показывает, что сконструированная в них модель охватывает только основное назначение и, соответственно, первый этап работы организации, в рамках которого право собственности на жилые помещения принадлежит самому кооперативу, что отражается на обрисованной в законе схеме вступления и прекращения членства в кооперативе, регламенте определения количества голосов, принадлежащих участнику при принятии решений высшим органом управления кооператива, и пр. Односторонний подход усложняет участие собственников – членов кооператива в деятельности по управлению домом при сохранении организации на этапе полной выплаты паевого взноса всеми ее участниками. Во избежание необоснованных ограничений при реализации собственниками своих прав следует дифференцировать положения ЖК РФ относительно участия в кооперативе в зависимости от правового режима жилого помещения и статуса его обладателя. Помимо этого, нуждается в дополнительном нормировании оформление на договорной основе отношений с собственниками – не членами кооператива в целях правового сопровождения исполнения ими обязанности по несению расходов на содержание, ремонт и коммунальное обслуживание дома.

В свете сказанного можно подчеркнуть необходимость реконструкции норм жилищного законодательства в этой части и конкретизации управленческого функционала кооператива посредством подробного указания на основания и порядок созыва, компетенцию органов управления, последо-

вательность и правила принятия ими соответствующих решений. Кроме того, нормы о вступлении и выходе (исключении) членов кооператива, судя по названным в законе применительно к ним условиям и последствиям, рассчитаны только на начальный период пользования квартирой до полной оплаты паевого взноса членом кооператива. Однако надобность в таких институтах возникает и при сохранении собственниками кооператива для управления общим имуществом дома.

Все эти недоработки законодательства могут негативно отразиться на правах потенциальных участников кооперативной организации и делают исследуемую модель непривлекательной как для приобретения жилья, так и для последующего управления.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что в условиях повышения процентных ставок для ипотечного жилищного кредитования внедрение и модернизации уже известных и проверенных опытом некоммерческих механизмов решения жилищных потребностей населения может выступить приемлемым и эффективным способом решения жилищной проблемы. Грамотно выстроенная поэтапная схема финансовой и иной поддержки строительства либо приобретения жилья со стороны государства в исследуемом направлении позволит уменьшить временные и материальные затраты граждан. При этом оказываемое публичным образованием содействие целесообразно вводить как на этапе создания и регистрации организации, так и в рамках обеспечения ее дальнейшей деятельности. Вместе с тем предлагаемая в доктрине идея разработки отдельного закона с внутренней дифференциацией и детальным определением статуса каждого кооператива и его членов в жилищной сфере, а также проведение предметного соотношения форм жилищной кооперации и договора участия в долевом строительстве, решат лишь часть возникающих проблем [2, с. 83–87], поскольку

функционал такой некоммерческой корпорации по управлению многоквартирными домами и порядок пользования жилым помещением членом кооператива до момента полной оплаты паевого взноса в любом случае должны сохраниться в структуре ЖК РФ.

Для целенаправленного и масштабного участия кооперативов в удовлетворении жилищных потребностей граждан необходимы концептуальные положения, которые следует обозначить в стратегических программных документах. Именно такой подход позволит подойти к решению поставленных проблем системно. Полагаем, уже разработанные для патронажных кооперативов меры поддержки полезно распространить на все потребительские кооперативы, принимая во внимание сферу их деятельности и назначение. Отличия применительно к социальным кооперативам вполне допустимо проводить по объему финансирования, учитывая льготы и преференции для категорий граждан, которые вправе стать их участниками. Помимо этого, каждый регион вполне может сформировать свои расширенные программы развития жилищной кооперации, ориентируясь на собственные потребности.

Относительно второй важной составляющей в деятельности кооперативов, связанной с управлением общим имуществом в доме, целесообразно пойти по пути универсализации требований и правил, предъявляемых к некоммерческим юридическим лицам, объединенным общими управленческими целями и задачами. Кроме того, при регулировании статуса жилищных и жилищно-строительных кооперативов в разрезе их деятельности в качестве выбранного собственниками способа управления многоквартирным домом прослеживается необходимость в расширении и детализации норм жилищного законодательства в этой части, что обеспечит единообразный подход и облегчит реализацию соответствующих полномочий кооперативов.

Библиографический список

1. Гимадрисламова О. Р. История становления жилищной кооперации в России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2008. № 2. С. 41–49. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12109922>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kfaawh>.
2. Селиванова Е. С., Тарасова А. Е. Жилищные и жилищно-строительные кооперативы как форма решения жилищной проблемы в РФ: перспективы развития // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 8 (27). С. 83–87. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17863329>. EDN: <https://www.elibrary.ru/paxmld>.
3. Гареев И. Ф. Проблемы реализации социально-экономического потенциала ЖСК в регионе // Российское предпринимательство. 2012. № 23 (221). С. 158–165. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18207266>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pilegp>.
4. Балановский А. А. Государственный патронаж жилищно-строительных кооперативов // Семейное и жилищное право. 2017. № 5. С. 29–33. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30035732>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zhhbop>.
5. Свит Ю. П. Саморегулируемые организации жилищных накопительных кооперативов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 52–56. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23236487>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tompaj>.

6. Яманаев Р. Х. Жилищные накопительные кооперативы: право на жизнь // Имущественные отношения в РФ. 2009. № 3 (90). С. 25–28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11749662>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jxdbot>.
7. Ковалева Е. И., Ломакина М. В., Мирошниченко В. В. Развитие ЖНК в Белгородской области: результаты и перспективы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2015. № 9. С. 54–58. URL: <http://economyandbusiness.ru/razvitie-zhnk-v-belgorodskoj-oblasti-rezultaty-i-perspektivy?ysclid=m9s2j912u843783200>.
8. Крюкова Е. С., Маркова И. В. К вопросу о специфике правового статуса участников жилищных правоотношений – коммерческих и некоммерческих корпораций // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 1 (57). С. 21–31. URL: <https://eprints.tversu.ru/id/eprint/8758>.
9. Бадулина Л. А., Рыбалкина А. В., Трухина А. М. Права, аспекты создания жилищного кооператива и деятельность ЖСК // Проблемы современной экономики: сборник материалов XXXVI Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2017. С. 73–77. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30526383>. EDN: <https://elibrary.ru/zsafsn>.
10. Масленникова Л. В. Морозова А. С. Отдельные вопросы правового регулирования защиты прав членов жилищно-строительных кооперативов // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 112 (08). С. 1829–1845. URL: <https://sj.kubsau.ru/2015/08/133.pdf>.
11. Вишневецкая И. С. Роль жилищных кооперативов в решении жилищной проблемы // Журнал российского права. 2009. № 7 (151). С. 68–75. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13227258>. EDN: <https://elibrary.ru/ldltmx>.
12. Колпакова Л. С. Об особенностях правоотношений жилищных кооперативов и собственников помещений // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. Т. 5, № 5. С. 138–142. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18267508>. EDN: <https://elibrary.ru/pjtlkp>.
13. Багдасарян А. Э. Развитие жилищной кооперации как перспективной формы решения проблемы обеспечения жильем // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей StudNet. 2020. № 9. С. 571–576. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-zhilishchnoy-kooperatsii-kak-perspektivnoy-formy-resheniya-problemy-obespechennosti-zhiliem?ysclid=m9s4nj5gal159941634>.
14. Алибекова Э. Ф., Ильясова У. Н. Преимущества и недостатки жилищных и жилищно-строительных кооперативов // Вестник науки и образования. 2020. № 19 (97). С. 35–37. URL: <https://scientificjournal.ru/images/PDF/2020/97/VNO-19-97-II-.pdf?ysclid=m9s54xig4a698038157>.
15. Зайнуллина Т. Г. Жилищная кооперация в России: перспективы развития // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2009. № 8 (95). С. 20–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12792562>. EDN: <https://elibrary.ru/ktlycd>.

References

1. Gimadrislamova O. R. *Istoriya stanovleniya zhilishchnoy kooperatsii v Rossii* [The History of the Housing Cooperation Establishment in Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2008, no. 2, pp. 41–49. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12109922>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kfaawh> [in Russian].
2. Selivanova E. S., Tarasova A. E. *Zhilishchnye i zhilishchno-stroitel'nye kooperativy kak forma resheniya zhilishchnoi problemy v RF: perspektivy razvitiya* [Housing and housing construction cooperatives as a form of solving the housing problem in the Russian Federation: prospects for development]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and Education: Economy and Financial Economy; Entrepreneurship; Law and Management], 2012, no. 8 (27), pp. 83–87. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17863329>. EDN: <https://www.elibrary.ru/paxmld> [in Russian].
3. Gareev I. F. *Problemy realizatsii sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala ZhSK v regione* [Problems of Implementation of Socio-Economic Potential of the Housing and Building Cooperative in the Region]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship], 2012, no. 23 (221), pp. 158–165. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18207266>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pilegp> [in Russian].
4. Balanovsky A. A. *Gosudarstvennyi patronazh zhilishchno-stroitel'nykh kooperativov* [State patronage of housing associations]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2017, no. 5, pp. 29–33. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30035732>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zhhbop>.
5. Svit Yu. P. *Samoreguliruemye organizatsii zhilishchnykh nakopitel'nykh kooperativov* [Self-regulatory organization funded housing cooperatives]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2015, no. 4, pp. 52–56. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23236487>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tompaj> [in Russian].
6. Яманаев Р. Х. *Zhilishchnye nakopitel'nye kooperativy: pravo na zhizn'* [Housing saving co-operative societies: the right to the life]. *Imushchestvennye otnosheniya v RF* [Property Relations in the Russian Federation], 2009, no. 3 (90), pp. 25–28. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11749662>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jxdbot> [in Russian].
7. Kovaleva E. I., Lomakina M. V., Miroshnichenko V. V. *Razvitie ZhNK v Belgorodskoi oblasti: rezul'taty i perspektivy* [The development of housing savings cooperatives in the Belgorod region: the results and the perspective]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Journal of Economy and Business], 2015, no. 9, pp. 54–58. Available at: <http://economyandbusiness.ru/razvitie-zhnk-v-belgorodskoj-oblasti-rezultaty-i-perspektivy?ysclid=m9s2j912u843783200> [in Russian].

8. Kryukova E. S., Markova I. V. *K voprosu o spetsifike pravovogo statusa uchastnikov zhilishchnykh pravootnoshenii – kommercheskikh i nekommercheskikh korporatsii* [To the question about the specifics of legal status of participants of housing relations – commercial and non-profit corporations]. *Vestnik TverGU. Seriya: Pravo* [Herald of Tver State University. Series: Law], 2019, no 1 (57), pp. 21–31. Available at: <https://eprints.tversu.ru/id/eprint/8758> [in Russian].
9. Badulina L. A., Rybalkina A. V., Trukhina A.M. *Prava, aspekty sozdaniya zhilishchnogo kooperativa i deyatel'nost' ZhSK* [Rights, aspects of establishing a housing cooperative and the activities of housing and construction cooperatives]. In: *Problemy sovremennoi ekonomiki: sbornik materialov XXXVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of modern economics: collection of materials of XXXVI International research and practical conference]. Novosibirsk, 2017, pp. 73–77. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30526383>. EDN: <https://elibrary.ru/zsafsn> [in Russian].
10. Maslennikova L. V. Morozova A. S. *Otdel'nye voprosy pravovogo regulirovaniya zashchity prav chlenov zhilishchno-stroitel'nykh kooperativov* [Particular issues of legal regulation of housing cooperatives members rights]. *Nauchnyi zhurnal KubGAU* [Scientific Journal of KubSAU], 2015, no. 112 (08), pp. 1829–1845. Available at: <https://sj.kubsau.ru/2015/08/133.pdf> [in Russian].
11. Vishnevskaya I. S. *Rol' zhilishchnykh kooperativov v reshenii zhilishchnoi problemy* [The role of cooperative housing in housing problem solution]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2009, no. 7 (151), pp. 68–75. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13227258>. EDN: <https://elibrary.ru/ldltmx> [in Russian].
12. Kolpakova L. S. *Ob osobennostyakh pravootnoshenii zhilishchnykh kooperativov i sobstvennikov pomeshchenii* [On the particularities of legal relations between the housing cooperatives and the owners of premises]. *Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and Public Administration Projection], 2012, vol. 5, no. 5, pp. 138–142. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18267508>. EDN: <https://elibrary.ru/pjtlkp> [in Russian].
13. Bagdasaryan A. E. *Razvitie zhilishchnoy kooperatsii kak perspektivnoy formy resheniya problemy obespecheniya zhil'em* [Development of housing cooperation as a promising form of solving the problem of housing security]. *Nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal dlya studentov i prepodavatelei «StudNet»* [Scientific and educational magazine for students and teachers «StudNet»], 2020, no. 9, pp. 571–576. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-zhilishchnoy-kooperatsii-kak-perspektivnoy-formy-resheniya-problemy-obespechennosti-zhiliem?ysclid=m9s4nj5gal159941634> [in Russian].
14. Alibekova E. F., Ilyasova U. N. *Preimushchestva i nedostatki zhilishchnykh i zhilishchno-stroitel'nykh kooperativov* [Advantages and disadvantages of housing and housing construction cooperatives]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education], 2020, no. 19 (97), pp. 35–37. Available at: <https://scientificjournal.ru/images/PDF/2020/97/VNO-19-97-II-.pdf?ysclid=m9s54xig4a698038157> [in Russian].
15. Zaynullina T. G. *Zhilishchnaya kooperatsiya v Rossii: perspektivy razvitiya* [Housing cooperation in Russia: prospects for development]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii* [Property Relations in the Russian Federation], 2009, no. 8 (95), pp. 20–24. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12792562>. EDN: <https://elibrary.ru/kytlycd> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-31-35

SCIENTIFIC ARTICLE

UDC 349

Submitted: 16.01.2025
Revised: 19.02.2025
Accepted: 12.05.2025

**Shareholders' right to obtain and examine information in joint stock companies
in Turkish law**

Yunus Emre Ay

Antalya Bar Association, Antalya, Turkey
E-mail: yunusemreay0@gmail.com

Abstract: In joint stock companies, shareholders have the right to request information from the board of directors and auditors regarding the affairs of the company and to examine the company records when necessary. Thus, shareholders vote more consciously and effectively in general assembly meetings. However, the shareholders' right to obtain and examine information is not unlimited. Company secrets and the interests of the company constitute the limits of the shareholders' right to obtain and examine information. Shareholders have the right to request the appointment of a special auditor in the matter where the right to obtain information or examination is exercised. If a special auditor is appointed, the special auditor report cannot contain information on company secrets in his/her report. In addition, information contrary to the interests of the company shall not be included in the special audit report. The study enjoys the basic doctrinal research methodology. By using this research method, the provisions of the Turkish Commercial Code regulating the right to obtain and examine information and special audit provisions will be discussed.

Key words: right to obtain information; right to examine; special auditor; special auditor report; commercial secret.

Citation. Emre Ay Yunus. Shareholders' right to obtain and examine information in joint stock companies in Turkish law. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 31–35. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-31-35>.

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interests.

© Emre Ay Yunus, 2025

Yunus Embre Ay – Master of Laws, lawyer, Antalya Bar Association, Soğuksu Mah. 300 sok. Aylar Apt. Kat: 3, Daire: 7 Muratpaşa, Antalya, Turkey.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 349

Дата поступления: 16.01.2025
рецензирования: 19.02.2025
принятия: 12.05.2025

**Права акционеров на получение и изучение информации в акционерных
обществах по турецкому законодательству**

Юнус Эмре Ай

Коллегия адвокатов Анталыи, г. Анталыя, Турция
E-mail: yunusemreay0@gmail.com

Аннотация: В акционерных обществах акционеры имеют право запрашивать у совета директоров и аудиторов информацию о делах компании и при необходимости изучать соответствующие документы. Таким образом, акционеры могут более осознанно и эффективно голосовать на общих собраниях. Однако право акционеров на получение и изучение информации не должно быть неограниченным. Институт коммерческой тайны и интересы компании ограничивают права акционеров на получение и изучение соответствующей информации. Также акционеры имеют право потребовать назначения специального аудитора в случае, если право на получение информации или ее изучение было реализовано. Если специальный аудитор назначен, его отчет не может содержать информацию, составляющую коммерческую тайну. Кроме того, в отчет специального аудитора не должна быть включена информация, противоречащая интересам организации. В исследовании используется базовая методология теоретического исследования. С помощью этой методологии рассмотрены, помимо прочего, положения Торгового кодекса Турции, регулирующие право на получение и изучение информации, а также положения о специальном аудите.

Ключевые слова: право на получение информации; право на изучение; специальный аудитор; отчет специального аудитора; коммерческая тайна.

Цитирование. Emre Ay Yunus. Shareholders' right to obtain and examine information in joint stock companies in Turkish law // *Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University*. 2025. Т. 11, № 2. С. 31–35. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-31-35>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Эмре Ай Юнус, 2025

Юнус Эмре Ай – магистр права, юрист, Коллегия адвокатов Анталы, Soğuksu Mah. 300 sok. Aylar Apt. Kat: 3, Daire: 7 Muratpaşa, Анталы, Турция.

A. Introduction

In order for the shareholders to effectively exercise their voting rights and other right in the general assembly, they must have the right to obtain and examine information regarding the current situation of the joint stock company [1, p. 492]. For this reason, shareholders in joint stock companies have the right to obtain and examine information in order to effectively exercise their rights arising from share ownership. The shareholders' right to obtain and examine information is a right attached to share ownership. The shareholders' right to obtain information is a vested right. It cannot be limited or removed by a general assembly resolution. Moreover, this right to obtain and examine information is an inalienable right for the shareholder [2, p. 633].

The right to obtain and examine information is an independent right. While voting rights, rights to determine profit and liquidation are directly related to the shareholding rates, the shareholding rates of the shareholder are not important for the exercise of the right to obtain and examine information [3, p. 33].

B. Shareholders' Right to Obtain and Examine Information Outside the General Assembly Meeting

In the doctrine, shareholders' right to obtain information outside the general assembly meeting is called the passive right to obtain information. Accordingly, the financial statements, consolidated financial statements, annual report of the board of directors, audit reports and dividend distribution proposal of the board of directors of the joint stock company shall be made available for the inspection of the shareholders at the headquarters and branches of the joint stock company at least 15 days prior to the general assembly meeting. These financial statements and consolidated financial statements shall continue to be made available at the headquarters and branches of the company for 1 year after the relevant general assembly meeting. During this period, each shareholder may request a copy of the income statement and balance sheet, at the expense of the joint stock company. The joint stock company may also provide this information in electronic environment in a way that does not interfere with obtaining information. Providing the relevant information and documents electronically shall be deemed to facilitate access to information [2, p. 633]. As a rule, the information provided by the passive right to obtain information is provided once a year. This information is general and retrospective. This information cannot fully satisfy the shareholders. Shareholders will not only want

to receive retrospective information. Shareholders will also want to be informed about the company's affairs, the board of directors' opinions about the company's affairs and the way the management body is supervised. Depending on the situation; it should be noted that shareholders have the right to information in cases such as internal corruption, difficulties in paying the debts of the company [1, p. 493].

C. Shareholders' Right to Obtain and Examine Information During the General Assembly Meeting

In the doctrine, the shareholders' right to obtain information during the general meetings is called the active right to obtain information. At least one of the members of the board of directors and independent auditors must attend the general assembly meetings of joint stock companies and are obliged to provide information to the shareholders. Members of the board of directors may request information regarding company's affairs, and auditors may request information regarding the manner and results of the audit. The information to be provided must be truthful. This is an obligation. It may be deemed sufficient for the information requests of more than one shareholder on the same subject to be provided once in a way that all of them can obtain information. This is the case in cases where verbal answers on the requested subject are sufficient. However, if the requested information requires the provision of certain documents, even if the requests are related to the same subject matter, the information cannot be deemed to have been provided unless the request of each shareholder is met in the manner required by this request. In this respect, it does not matter whether the information is provided in the general assembly or outside the general assembly. The joint stock company may not refuse the request by stating that the requested information was given information on a subject outside the general assembly. If any shareholder has been given information on a subject outside the general assembly. If any shareholder has been given information on a subject outside the general assembly due to his/her shareholding, the same information shall be given in the same scope and detail upon the request of another shareholder [2, p. 634]. For example, shareholders may be informed regarding the management, organisation, business strategy and general economic situation of the joint stock company [1, p. 493].

As a rule, the right to obtain information cannot be limited in terms of content. The limits of the right to obtain information are company secrets and company interests. The purpose of this limitation is that the

shareholders are not obliged to be loyal to the joint stock company [4, p. 422]. The concept of company secrets is divided into two categories in the doctrine: absolute company secrets and relative company secrets. Absolute company secrets are the secrets that the company that the company is under an absolute obligation not to disclose, either through a contract with third parties or by inference from general provisions. These secrets may never be disclosed to third parties and shareholders. These secrets are independent from the structure of the joint stock company and are outside the company's sphere of disposal. For example; the pricing principles of the company are absolute trade secrets. Providing information on whether a company carries out R&D activities is not an absolute company secret, but the technical details of R&D activities are absolute company secrets [5, pp. 584, 585]. Relative company secrets are outside the scope of absolute company secrets. The disclosure of these secrets is left to the assessment of the authorised bodies of company. As long as the legitimate interests of the company that need to be protected are not harmed, there is no harm in disclosure. For example, the goodwill of a joint stock company is a relative company secret [5, p. 585].

In order to examine the commercial books and correspondence of the joint stock company, which are relevant to the shareholders' questions, a resolution of the board of directors or the approval of the general assembly is required. If permission is granted, the examination shall be conducted through an expert. The subject of examination is generally commercial books and correspondence of the company. The relevant correspondence and relevant parts of the shareholder's question in the commercial books are examined. This means that not all commercial book and correspondence can be the subject to the examination [6, p. 69]. In this process, the company is under an obligation to provide the right to examination [7, p. 340]. This situation reveals the difference between the right to obtain information and the right to examination. In the exercise of the right to obtain information, it is sufficient for the shareholder to make a request. The shareholder is more active in the exercise of the right to examination [8, p. 10]. Therefore, the right to examination is more concrete than the right to obtain information [8, p. 10]. However, as a result, both rights help the shareholder to learn information regarding the joint stock company.

Another point to be emphasized regarding the right to examination is that this right may exercised outside the general assembly meeting. The shareholder's request for information and question may require a comprehensive examination of the company's commercial books and correspondence. It may even be necessary to carry out this examination with an expert who is not present at the general assembly meeting. For this reason, the right to examination cannot be restricted to be enjoyed only in the general assembly meeting [3, p. 224].

D. Right to Obtain and Examine Information

Shareholders whose requests for information and examination are left unanswered, unjustly rejected or postponed, and who consequently cannot obtain information from the company, may file a lawsuit is 10 days in cases where the request is explicitly rejected. In other cases, the period for filing a lawsuit is determined in the law as a reasonable period. The reason for determining the reasonable time for filing a lawsuit is the difficulty of determining the starting moment of the said situations [9, p. 174]. The decision to be rendered by the commercial court upon the application may also include the instruction to provide the information outside the general assembly and the form thereof. The commercial court's decision is final.¹ It can be deduced that the shareholder may not directly file a lawsuit to exercise the right to obtain and examine information [5, p. 537].

The minutes of the general assembly meeting play a very important role in the lawsuit filed for the right to information, because the request for information and questions are recorded in the minutes of the general assembly meeting. For this reason, the minutes of the general assembly meeting has a proof function in the right to information case [10, p. 60].

E. Special Auditor

Each shareholder may request the general assembly to clarify certain events through a special audit, if the right to obtain information or the right to examination has been previously exercised. As can be understood from this statement, the exercise of only one of the rights to obtain information and to examine is sufficient for the request for the appointment of a special auditor. In cases where the balance sheet or financial statements are not opened for examination, or the general assembly remains passive or reacts late to the request for information, the right to obtain information or the right to examination should be deemed to have been exercised [11, pp. 308, 309]. A special audit is a non-periodic activity that is carried out at a time to examine and clarify certain issues on a voluntary basis. Thanks to the special audit, shareholders have more information about the company. Thus, shareholders can exercise their rights more effectively in the general assembly. For example; thanks to the special audit, shareholders are informed about the situations that cause the liability of the members of the board of directors and independent auditors. However, a special auditor's report is not a prerequisite for filing a liability lawsuit [12, p. 261]. The request for the appointment of a special auditor is one of the exceptions to the principle of adherence to the agenda.

1. Appointment of Special Auditor

The request for the appointment of a special auditor shall either be approved or rejected by the

¹ Turkish Commercial Code Article 437.

general assembly. If the general assembly approves the special audit request, the company or each shareholder may request the appointment of a special auditor within 30 days before the commercial court where the company's head office is located. If the general assembly rejects the special audit request, minority shareholders or shareholders with a total nominal value of at least 1,000,000.00TL may request the appointment of a special auditor from the commercial court where the company's head office is located within 3 months. The persons requesting a special auditor must "*convincingly*" demonstrate that the founders or company organs have acted in violation of the statute or the articles of association, causing damage to the company or the shareholders. However, this criterion of being "*convincing*" should not be a high criterion in terms of proof. The claimant is already deprived of information. Therefore, the judge should look for a reasonable indication between the damage and the breach of duty. As a matter of fact, the first step of the special audit case is not a stage where the damage shall be proved. This is a situation that will be revealed in the special audit report. Therefore, the criterion of being "*convincing*" should neither be interpreted as a strict criterion that is too high, nor should it be insufficient for the acceptance of claims that are unfounded by the exercise of rights arising from shareholding [13, p. 160]. Consequently, in both cases, the commercial court will decide on the appointment of the special auditor. The reason for this is that the special auditor is more independent from the shareholders, especially in the event that the special auditor is appointed by the court instead of the majority shareholders [14, p. 142].

2. Qualifications of the Special Auditor

If the court deems the request for special audit appropriate, it shall appoint at least one independent expert as a special auditor by determining the subject of the audit upon the request. The qualifications of the special auditor depend on the subject of the

special audit. The appointed person must have an understanding of company affairs and have knowledge of economics and law. Lawyers, financial advisors, academicians, company consultants or engineers may be appointed as special auditors [15, p. 289].

The special auditor to be appointed must be independent from the company. In this way, the special auditor is not instructed by the company. This is a strict condition for the special auditor [15, p. 289].

3. Special Audit Report

Following his appointment and commencement of his duty, the special auditor starts his activities provided that he does not interrupt the company's business. The special auditor has Access to all kinds of information and documents related to the subject to the special audit throughout the examination. The necessary information and documents in these accessed information and documents are included in the special audit report. The special audit report shall not include matters that are not within the scope of the special audit report. Company secrets and information contrary to the interests of the company are not included in the special audit report [15, p. 289].

F. Conclusion

The right to obtain and examine information is an important right for shareholders. The right to obtain and examine information may be exercised outside and during the general assembly meeting. The limits of the right to obtain and examine information are company secrets and company interests. If the right to obtain or examine information is exercised, a special audit may be applied for. The special auditor shall issue a special audit report to provide information to the shareholders. However, this special audit report cannot contain company secrets and information contrary to the interests of the company, just like the limitations of the right to obtain and examine information.

References / Библиографический список

1. Oruç Hami Şener. Teorik ve Uygulamalı Ortaklıklar Hukuku. Ankara: Seçkin Press, 1st edition, 2012, 788 p. [in Turkish].
2. Hayri Bozgeyik. Pay Sahibinin Hakları ve Borçları, Şirketler Hukuku. Editor: Sami Karahan. Mimoza Press, 1st edition, 2012 [in Turkish].
3. Burak Sümer. Anonim Ortaklıkta Pay Sahibinin Bilgi Alma ve İnceleme Hakkı, PhD Thesis. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2022, 367 p. Available at: <https://www.collegesidekick.com/study-docs/13295633> [in Turkish].
4. Aydın Alber Yüce. Şirketler Hukuku. Ankara: Adalet Press, 2022, 8th edition, 749 p. [in Turkish].
5. Hasan Pulaşlı. Şirketler Hukuku Genel Esaslar. Ankara: Adalet Press, 2022, 8th edition, 896 p. [in Turkish].
6. Soner Altaş. Anonim Şirketler Hukuku. Ankara: Seçkin Yayınevi, 2023, 3rd edition, 616 p. [in Turkish].
7. Direnç Akbay. Yeni Türk Ticaret Kanununa Göre Anonim Ortaklıklar Hukukunda Azınlığın Bilgi Alma ve İnceleme Hakkı Yoluyla Korunması: PhD Thesis. Dokuz Eylül Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2017, 572 p. Available at: <https://tezara.org/theses/486522> [in Turkish].

8. Naciye Cansu Şahin Arslan. Anonim Şirketlerde Pay Sahibinin Bilgi Alma ve İnceleme Hakkı: Master Thesis. İbn Haldun Üniversitesi, Lisansüstü Eğitim Enstitüsü, İstanbul, 2024, 142 p. Available at: <https://tezara.org/theses/587826> [in Turkish].
9. Özlem İlbasmış Hızlısoy. Anonim Şirket Pay Sahibinin Bilgi Alma ve İnceleme Hakkı ile Bu Haklara İlişkin Mahkemeye Başvuru Hakkını İsviçre Borçlar Kanunu Revizyonunun Konuya İlişkin Getirdiği Yenilikler Çerçevesinde Yeniden Düşünmek. *YÜHFD* (Yeditepe University Faculty of Law Journal), 2024, vol. 21, no. 1, p. 149–184. Available at: <https://dergipark.org.tr/en/pub/yuhfd/issue/83831/1459978> [in Turkish].
10. Oğuz Atalay. Anonim Şirketlerde Bilgi Alma ve İnceleme Haklarının Mahkeme Aracılığı ile Kullanılması. *Dokuz Eylül Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*, 2015, vol. 16, special issue, pp. 53–76. Available at: https://www.academia.edu/104110601/Anonim_Sirketlerde_Bilgi_Alma_ve_Inceleme_Haklarinin_Mahkeme_Araciligiyla_Kullanilmasi [in Turkish].
11. Fevzi Topsoy. Anonim Şirket Pay Sahibinin Özel Denetim İsteme Hakkı. In: *Anonim Şirketlerde Bireysel ve Azınlık Pay Sahibi Hakları*, editor: Erol Ulusoy. Bilge Press, 2016, 2nd edition [in Turkish].
12. Mehmet Özdamar. Anonim Şirketlerde Özel Denetim. In: *Anonim Şirketlerde Bireysel ve Azınlık Pay Sahibi Hakları*, editor: Erol Ulusoy. Bilge Press, 2016, 2nd edition [in Turkish].
13. Gözde Engin Günay. Anonim Ortaklıklar Hukukunda Özel Denetim: PhD Thesis. Galatasaray: Galatasaray University Social Science Institute, 2018 [in Turkish].
14. Banu Zeren. Anonim Ortaklıkta Azınlığın Özel Denetçi Atanmasını Talep Hakkı: Master Thesis. Ankara: Ankara Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2010. Available at: <https://avesis.anadolu.edu.tr/yonetilen-tez/b48536ed-f1e2-4e88-bc0c-c3f14ff01b4b/anonim-ortaklikta-azinligin-ozel-denetci-atanmasini-talep-hakki> [in Turkish].
15. Hakan Çebi. Şirketler Hukuku. Ankara: Seçkin Yayınevi, 2020, 528 p. [in Turkish].

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-36-43

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.241

Дата поступления: 22.02.2025
рецензирования: 23.03.2025
принятия: 12.05.2025

Проблема унификации иных мер уголовно-правового характера

С. В. Суворова

ООО «Институт правовой защиты», г. Самара, Российская Федерация
E-mail: suvorovasvetlana.ipz@mail.ru

Аннотация: В статье проанализирован раздел VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» с позиции институционализации предусмотренных в нем мер. Рассмотрены возможности расширения законодательного перечня иных мер уголовно-правового характера. Предложено дополнить перечень иных мер уголовно-правового характера принудительными мерами воспитательного воздействия, а также запретом на занятие должности руководителя коммерческой организации или на приобретение статуса учредителя такой организации, индивидуального предпринимателя, а равно лишением такой должности и/или такого статуса применительно к специальному субъекту преступлений экономической направленности (при осуществлении предпринимательской деятельности). Рекомендуемая количественная характеристика последней меры – срок от 1 до 3 лет. Сделан вывод об унификации иных мер уголовно-правового характера в рамках восстановительных уголовно-правовых отношений путем выделения в качестве их общей и приоритетной характеристики цели компенсации ущерба, причиненного совершенным преступлением, либо устранения прямой или косвенной причины его совершения. Автор также приходит к выводу, что иные меры уголовно-правового характера не являются самостоятельным сложноструктурированным институтом уголовного права и что в каждой из глав раздела VI УК РФ закреплена свой соответствующий институт. В статье использованы результаты проведенного автором в 2024 году социологического опроса (анкетирования) на тему «Свойства субъекта преступления, подлежащие учету при назначении иных мер уголовно-правового характера». Были опрошены работники, специализирующиеся на вопросах уголовного права, среди которых 61 судья, 74 следователя, 180 сотрудников прокуратуры, а также 106 человек с юридическим образованием, но не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах; всего – 421 человек.

Ключевые слова: институт уголовного права; уголовная ответственность; иные меры уголовно-правового характера; судебный штраф; принудительные меры воспитательного воздействия; условное осуждение.

Цитирование. Суворова С. В. Проблема унификации иных мер уголовно-правового характера // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 36–43. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-36-43>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Суворова С. В., 2025

Светлана Владимировна Суворова – директор, ООО «Институт правовой защиты», 443095, Российская Федерация, г. Самара, ул. Димитрова, 1 а.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 22.02.2025
Revised: 23.03.2025
Accepted: 12.05.2025

Problem of unifying other criminal law measures

S. V. Suvorova

LLC «Institute of Legal Protection», Samara, Russian Federation
E-mail: suvorovasvetlana.ipz@mail.ru

Abstract: The article analyzes section VI of the Criminal Code of the Russian Federation «Other measures of a criminal-legal nature» from the perspective of institutionalization of the measures provided for in it. The possibilities of expanding the legislative list of other criminal law measures are considered. It is proposed to supplement the list of other criminal law measures with compulsory educational measures, as well as a ban on holding the position of head of a commercial

organization or acquiring the status of founder of such an organization, an individual entrepreneur, as well as the deprivation of such a position and/or such status in relation to a special subject of economic crimes (when carrying out entrepreneurial activities). The recommended quantitative characteristic of the last measure is a period of 1 to 3 years. The conclusion is made about the unification of other criminal law measures within the framework of restorative criminal law relations by highlighting as their common and priority characteristics the goal of compensating for the damage caused by the crime committed, or eliminating the direct or indirect cause of its commission. Another conclusion is that other criminal law measures are not an independent, complexly structured institution of criminal law; each of the chapters of section VI of the Criminal Code of the Russian Federation has its own corresponding institution. The article uses the results of a sociological survey conducted by the author in 2024 on the topic «Properties of the subject of a crime to be taken into account when prescribing other measures of a criminal-legal nature». Employees specializing in criminal law issues were interviewed, including 61 judges, 74 investigators, 180 employees of the prosecutor's office; 106 people with legal education, but not holding positions in the judicial system and law enforcement agencies; a total of 421 people.

Key words: institute of criminal law; criminal liability; other measures of a criminal-legal nature; judicial fine; compulsory educational measures; suspended sentence.

Citation. Suvorova S. V. *Problema unifikatsii inykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera* [Problem of unifying other criminal law measures]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 36–43. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-36-43> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interests.

© Suvorova S. V., 2025

Svetlana V. Suvorova – director, LLC «Institute of Legal Protection», 1 a, Dimitrova Street, Samara, 443095, Russian Federation.

В 2006 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнен разделом VI под названием «Иные меры уголовно-правового характера». По состоянию на 2006 г. данный раздел включал в себя главы о принудительных мерах медицинского характера и конфискации имущества (главы 15 и 15.1). В 2016 г. перечень иных мер уголовно-правового характера пополнен судебным штрафом (глава 15.2). А вот легального определения иных мер уголовно-правового характера до сих пор нет, значит, остается необъясненным объединение в один раздел настоящего Кодекса мер уголовно-правового характера, каждая из которых обладает присущими ей признаками и условиями назначения.

Поскольку в УК РФ регламентированы неодинаковые по своей правовой природе и целям иные меры уголовно-правового характера, это отличает их от института уголовного наказания. Последний объединяет нормы о различных видах мер государственного принуждения, но их однородность не вызывает сомнений. Все виды уголовного наказания назначаются по приговору суда за преступление, влекут предусмотренное уголовным законом ограничение конкретных прав и свобод виновного лица – права на свободу, собственность, труд и др., и имеют общую цель применения, которой является исправление осужденного.

Следует отметить, что другими задачами (не целями, так как цель одна) уголовного наказания определяются предупреждение совершения новых преступлений и восстановление социальной справедливости (в ч. 2 ст. 43 УК РФ они названы целями уголовного наказания, наравне с исправлением осужденного), что, по своей сути, является выражением компенсационного механизма уголовно-правового принуждения. Представляется, что более логично обсуждать предупреждение совершения новых преступлений и восстановление социальной справедливо-

сти как главные цели в связи с компенсационными возможностями в отношении не уголовного наказания, а иных мер уголовно-правового характера. Соответственно, следует показать проблему унификации иных мер уголовно-правового характера сквозь призму их реализации через восстановительные уголовно-правовые отношения с компенсационным механизмом в отношении тех прав и интересов, которым был причинен вред совершенным преступлением, прежде всего в отношении потерпевшего.

С целью определения общих и особенных характеристик иных мер уголовно-правового характера и их обоснования автором настоящей статьи был проведен социологический опрос (анкетирование) на тему «Свойства субъекта преступления, подлежащие учету при назначении иных мер уголовно-правового характера». В период с сентября по ноябрь 2024 года на территории Самарской области были опрошены работники, специализирующиеся на вопросах уголовного права, среди которых 61 судья, 74 следователя, 180 сотрудников прокуратуры; также 106 человек с юридическим образованием, но не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах; всего – 421 человек. Анкета включила в себя в том числе вопросы, касающиеся сути иных мер уголовно-правового характера, их влияния на виновного, особенностей назначения конфискации имущества и судебного штрафа, а также возможностей учета свойств субъекта преступления при этом.

Сама суть иных мер уголовно-правового характера в соотношении с уголовной ответственностью не имеет общего понимания. Если обратиться к результатам анкетирования, то на вопрос о сути иных мер уголовно-правового характера (*предложенные варианты ответов: это средство дифференциации уголовной ответственности; альтернатива уголовной ответственности;*

вариант освобождения от уголовной ответственности; альтернатива уголовного наказания; вариант освобождения от уголовного наказания; вариант освобождения от судимости; иные меры уголовно-правового характера являются разными, одни из них связаны с уголовной ответственностью, другие – нет) большинство респондентов трех опрашиваемых групп из четырех – 38,7 % судей (24 из 61), 28,8 % лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах (30 из 106) и 24,6 % сотрудников прокуратуры (44 из 180) – дали ответ об их разном характере, пояснив, что одни из них связаны с уголовной ответственностью, а другие нет. Большинство опрошенных следователей – 35,1 % (26 из 74) – считают иные меры уголовно-правового характера альтернативой уголовному наказанию. Следует отметить, что вариант ответа «освобождение от судимости» был выбран наименьшим числом опрошенных – 3,2 % лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах, 1,5 % сотрудников прокуратуры, 1,3 % судей и 1,3 % следователей, что показывает отсутствие общего восприятия иных мер уголовно-правового характера как средства освобождения от судимости. При этом большое количество респондентов (23,4 % следователей, 22,1 % сотрудников прокуратуры, 20 % лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах, и 16 % судей) признают иные меры уголовно-правового характера в качестве средства дифференциации уголовной ответственности.

Полученные результаты говорят о понимании правоприменителями значимости механизма дифференциации уголовной ответственности, немалую роль в котором играют иные меры уголовно-правового характера, тем или иным образом с ней связанные. Вместе с тем официально озвучиваемое объяснение иных мер уголовно-правового характера (на примере судебного штрафа) задачей уменьшения количества людей с судимостями поддержки в среде правоприменителей не получило.

В развитии уголовного законодательства в сфере иных мер уголовно-правового характера условно можно выделить несколько этапов. Первым из них следует считать само появление в 2006 г. указанного раздела в УК РФ с одновременным внесением в него конфискации имущества, изъятой из системы уголовных наказаний. Т. В. Непомнящая тогда отмечала, что с изменением юридической природы конфискации имущества она практически перестала назначаться судами [1, с. 145]. По мнению Ю. И. Сучкова, изъятие из числа уголовных наказаний конфискации имущества нельзя признать мерой своевременной и разумной [2, с. 194].

В настоящее время запрос на применение конфискации имущества по уголовным делам усилился. Случаев назначения конфискации имущества в качестве иной меры уголовно-правового характера становится все больше (особенно по делам о транс-

портных преступлениях). Согласно данным анкетирования, большинство респондентов всех групп (кроме следователей) придерживаются мнения, что конфискация имущества должна быть предусмотрена и как уголовное наказание, и как иная мера уголовно-правового характера. Эту позицию поддерживают 49,2 % опрошенных судей (30 из 61 чел.), 47,5 % сотрудников прокуратуры (86 из 180) и 41,9 % (44 из 106) лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах. А вот среди опрошенных следователей мнения разделились примерно поровну: 36,5 % (27 из 74) считают оправданным исключение конфискации имущества из системы уголовных наказаний и включение ее в перечень иных мер уголовно-правового характера, в то время как 37,8 % опрошенных (28 из 74) придерживаются мнения о необходимости двойного статуса конфискации имущества с отнесением ее и к уголовному наказанию, и к иным мерам уголовно-правового характера.

Следует отметить, что мнения об отнесении конфискации имущества как к уголовному наказанию, так и к иным мерам уголовно-правового характера придерживается также 38,1 % лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах (40 из 106), 35,8 % сотрудников прокуратуры (64 из 180) и 36,1 % судей (27 из 74). Количество респондентов, выбравших данный вариант ответа, близко в целом к количеству лиц, оправдывающих перевод конфискации имущества в перечень иных мер уголовно-правового характера.

Такие результаты говорят о том, что значительная часть юридического сообщества поддержала бы применение конфискации имущества как законного, так и незаконного происхождения, как имеющего отношение к совершенному преступлению, так и не имеющего связи с ним. Другими словами, ожидается, что достижение задач уголовного законодательства посредством конфискации имущества возможно при использовании ее в любом качестве – и уголовного наказания, и иной меры уголовно-правового характера. При этом анализ результатов проведенного анкетирования среди правоприменителей показывает, что большинство респондентов всех групп считают конфискацию имущества эффективной мерой уголовно-правового характера, поскольку это сдерживающий фактор при совершении преступления и мера восстановления справедливости. Такого мнения придерживаются 83,6 % судей (51 из 61), 81,1 % сотрудников прокуратуры (146 из 180), 78,5 % лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах (83 из 106), и 75,6 % следователей (56 из 74).

С течением времени перечень преступлений, за совершение которых может назначаться конфискация имущества, предусмотренный ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, постоянно расширяется, в него

включено много преступлений в сфере экономики (ст. 171.1, 171.2, 171.3, 171.4, 171.5, 174, 174.1, 183, 184, 186, 187, 189, 191.1, 201.1, 204 УК РФ). Представляется, что назначение конфискации имущества за совершение преступлений указанной категории в большей степени способствует восстановлению социальной справедливости, компенсируя ущерб, причиненный преступлением потерпевшему или государству. При анализе конфискации имущества как уголовно-правовой категории в первую очередь напрашивается мысль о логичности ее назначения при совершении мошенничества. В настоящее время большое число случаев мошенничества совершается с помощью средств связи (смартфонов) и персональных компьютеров (ноутбуков), следовательно, их конфискация как орудий преступления, а также изъятие имущества, в том числе денежных средств, полученных в результате совершения мошенничества, позволили бы предотвратить новые эпизоды мошенничества. Однако анализ судебной статистики за 2022–2023 гг., по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, показывает, что конфискация имущества при совершении различных видов мошенничества (статьи 159–159.6 УК РФ) назначается крайне редко – в 2022 году из 21 236 осужденных по данным статьям лишь 68 подверглись конфискации имущества, что составляет 0,3 %. В 2023 году процент несколько увеличился – 292 случая назначения конфискации имущества из 24 580 осужденных, что составляет 1,2 %, и это не меняет всей картины в целом. Примечательно, что около половины опрошенных судей – 41,9 % (26 из 61) затруднились с ответом на вопрос о причинах снижения частоты назначения конфискации имущества за мошенничество. Еще 25,8 % опрошенных судей (16 из 61), так же как 10,6 % опрошенных сотрудников прокуратуры (19 из 180), отметили в качестве причины этого снижения отсутствие статей Особенной части УК РФ, посвященных мошенничеству, в перечне преступлений, указанных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, а также отсутствие имущества, подлежащего конфискации.

Судебный штраф, дополнивший раздел VI УК РФ в 2016 г. и ознаменовавший начало второго этапа в развитии уголовного законодательства об иных мерах уголовно-правового характера, не внес ясности в понимание проблемы унификации иных мер уголовно-правового характера, поскольку данная мера уголовно-правового характера являлась и является единственной, применение которой влечет за собой освобождение от уголовной ответственности формально без учета личности виновного и его характеристик, а только лишь в соответствии с положительным послепреступным поведением и принятым им условием по оплате судебного штрафа. Согласно оценке Т. В. Кленовой и В. А. Лазаревой, до сих пор не произошла легитимизация судебного штрафа по целям и основанию, имеются нелогичность правовой регламентации порядка прекращения уголовного дела и

уголовного преследования и размытость пределов императивности соответствующих предписаний [3, с. 170, 174]. При этом значимость института судебного штрафа в уголовном праве отмечают по результатам анкетирования 78,3 % опрошенных судей, 41,7 % лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах, 40,5 % следователей и 24,6 % сотрудников прокуратуры. Обращает на себя внимание, что наибольшее значение судебному штрафу в системе мер уголовно-правового воздействия придается судьями, а наименьшее – представителями прокуратуры. Данные проведенного анкетирования свидетельствуют также о том, что 58,1 % судей (35 из 61) и 35 % лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах (37 из 106), называют наиболее целесообразным назначение судебного штрафа за преступления против собственности, тогда как 39,6 % опрошенных сотрудников прокуратуры высказались против назначения судебного штрафа в принципе (71 из 180). При этом большинство опрошенных респондентов во всех группах считают более правильным назначать за совершение преступлений в сфере экономики штраф как уголовное наказание, то есть с вынесением обвинительного приговора. Такой точки зрения придерживаются 68,3 % сотрудников прокуратуры (123 из 180), 67,2 % судей (41 из 61), 64,9 % следователей (48 из 74) и 46,2 % лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах (49 из 106). Назначение же судебного штрафа с освобождением от уголовной ответственности за совершение преступлений указанной категории поддерживают лишь 23 % судей (14 из 61), 19,8 % лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах (21 из 106), 4,1 % следователей (3 из 74) и всего 3,3 % сотрудников прокуратуры (6 из 180), традиционно занявших наиболее жесткую позицию в отношении виновного.

Не вызывает сомнения тот факт, что иные меры уголовно-правового характера, так же как и наказание, оказывают определенное влияние на положение лица, совершившего преступление. Согласно результатам проведенного социологического исследования, большинство опрошенных судей – 40 % (24 из 61) – считают, что положение такого лица может ухудшиться лишь при назначении конфискации имущества, тогда как, по мнению большинства опрошенных остальных трех групп – 50 % лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах (53 из 106), 47,3 % следователей (35 из 74) и 40,8 % сотрудников прокуратуры (73 из 180), – полагают, что в результате назначения любой из этих мер положение такого лица может ухудшиться. Среди опрошенных судей последний вариант ответа выбрали лишь 11 из 61 чел. (18,5 %). По-видимому, выбор указанного

варианта ответа подразумевал ухудшение положения виновного лица с имущественной точки зрения без учета фактов освобождения от уголовной ответственности и судимости. Такая точка зрения объединяет иные меры уголовно-правового характера с уголовным наказанием, которое по своей сути всегда ухудшает положение виновного лица.

Перечень иных мер уголовно-правового характера подвергался критике со стороны множества авторов, предлагающих его дополнение и изменение. Так, например, Е. Н. Бархатова, анализируя отдельные противоречия иных мер уголовно-правового характера, предлагает к ним отнести принудительные меры воспитательного воздействия, правда, при этом сама же подвергает сомнению данный тезис [4, с. 5]. Т. В. Непомнящая дополняет перечень мер уголовно-правового характера принудительными мерами воспитательного воздействия, условным осуждением и отсрочкой отбывания наказания [5, с. 119]. Ф. Р. Сундуков с А. Ю. Боковня относят к иным мерам уголовно-правового характера принудительные меры воспитательного воздействия, условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, освобождение от наказания, отсрочку отбывания наказания [6, с. 111]. Как считает К. Н. Карпов, иные меры уголовно-правового характера подразделяются на: меры безопасности, к которым он относит принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия; меры стимулирования правомерного постпреступного поведения, среди которых условное осуждение, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, условно-досрочное освобождение, отсрочка отбывания наказания; меры восстановления экономических (материальных) правоотношений, нарушенных в результате совершения преступлений, – «специальная конфискация имущества» (термин введен самим автором) [7, с. 8–9].

Представляется, что вопрос изменения/дополнения перечня иных мер уголовно-правового характера следует решать исходя из сущности данных мер. Как и наказание, иные меры уголовно-правового характера являются мерами уголовно-правового воздействия на лицо, признанное виновным в совершении преступления. Условное осуждение, условно-досрочное освобождение, отсрочка отбывания наказания относятся к мерам, непосредственно связанным с уголовным наказанием, с особым порядком его назначения, исполнения и освобождения от него, т. е. в своем содержании отражают не отличное от наказания воздействие на лицо, а компонент механизма реализации наказания. Соответственно, перечисленные уголовно-правовые меры применяются в тех же целях, что и уголовное наказание. Подтверждением нашей позиции явились результаты анкетирования, при анализе которых выяснилось, что идею о включении в перечень иных мер уголовно-правового

характера условного осуждения поддержало лишь 3,8 % опрошенных сотрудников прокуратуры (7 из 180) и 1,5 % лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах (2 из 106). Из 74 опрошенных следователей и 61 судьи ни один респондент не согласился с включением в перечень иных мер уголовно-правового характера условного осуждения. Следует отметить единство позиций большинства групп опрошенных относительно необходимости расширения имеющегося перечня: 46,2 % лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах (49 из 106), 43,7 % судей (27 из 61), 36,5 % сотрудников прокуратуры (66 из 180) и 35,7 % следователей (26 из 74) вообще не считают необходимым его расширение.

Важно отметить, что единым институтом могут быть объединены нормы, которые обладают определенным сходством по предмету и методу регулирования, а категории соответствующего института имеют общие черты и содержание, а также цели применения. С нашей точки зрения, иные меры уголовно-правового характера, предусмотренные действующим уголовным законодательством, не обладают перечисленными свойствами. Невозможно говорить об иных мерах уголовно-правового характера как об отдельном институте в системе уголовного права, и нельзя признать принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и судебный штраф его субинститутами. Подобного же мнения придерживается А. Н. Батанов, указывающий, что иные меры уголовно-правового характера не составляют единый институт уголовного права вследствие невозможности дать им общее определение и наличия ограниченного количества общих признаков [8, с. 153.].

Некоторые общие признаки для иных мер уголовно-правового характера, отличающие их от уголовного наказания, все же могут быть выделены. К сожалению, законодатель не признал общих начал в принудительных мерах воспитательного воздействия и принудительных мерах медицинского характера, разместив соответствующие главы в разные разделы УК РФ (разделы V и VI). Они могут назначаться как альтернатива наказанию, и их применение находится в прямой зависимости от признаков субъекта преступления. С одной стороны, раздел V, посвященный уголовной ответственности несовершеннолетних, содержит в себе нормы о видах и особенностях назначения наказания, применяемых к несовершеннолетним, сроках давности и погашения судимости для них. С другой стороны, представляется, что следствием совершения лицом общественно опасного деяния, завершенного УК РФ, является привлечение лица к уголовной ответственности и назначение ему справедливого наказания и/или иной меры уголовно-правового характера – конфискации имущества наряду с наказанием, судебного штрафа с освобождением от уголовной ответственности

либо принудительных мер медицинского характера по отношению к лицу, признанному невменяемым, а значит, не подлежащему привлечению к уголовной ответственности, либо по отношению к лицу, страдающему психическим расстройством, не исключающим вменяемости. Разделы III и VI УК РФ, посвященные наказанию и иным мерам уголовно-правового характера соответственно, должны содержать в себе все уголовно-правовые последствия для лица, привлеченного к уголовной ответственности. Наличие в российском уголовном законодательстве отдельного раздела, содержащего еще один вариант таких последствий, с нашей точки зрения, нарушает логику. В связи с этим считаем, что принудительные меры воспитательного воздействия также следует относить к иным мерам уголовно-правового характера, поместив соответствующие нормы в раздел VI УК РФ. Среди опрошенных респондентов данную позицию поддержали 17,9 % следователей (13 из 74), 14,2 % сотрудников прокуратуры (26 из 180), 10,6 % лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах (11 из 106) и 9,9 % судей (6 из 61).

А. Г. Безверхов акцентирует внимание на целесообразности использования уголовно-правовых способов и средств, достаточных для надежной защиты здоровых рыночных отношений, их применения в пределах уголовно-правового регулирования экономических отношений [9, с. 34]. Разделяя позицию этого автора, подчеркнем возможность и необходимость применения к субъектам преступлений в сфере экономики, помимо наказания, иных мер уголовно-правового характера. Необходимо обратить внимание на то, что множество преступлений в данной сфере совершаются лицами, обладающими статусом индивидуального предпринимателя, учредителя или руководителя коммерческой организации. Преступления в сфере экономики, совершаемые данными специальными субъектами, с нашей точки зрения, обладают повышенной степенью общественной опасности вследствие наличия у таких специальных субъектов особых полномочий по распоряжению имуществом коммерческой организации, найму и увольнению персонала, права на осуществление предпринимательской деятельности, что может повлечь за собой причинение большего ущерба, чем совершение преступлений этой группы общим субъектом.

В связи с этим считаем целесообразным дополнить перечень иных мер уголовно-правового характера запретом на занятие должности руководителя коммерческой организации или приобретение статуса учредителя такой организации, индивидуального предпринимателя, а равно лишением такой должности и/или такого статуса применительно к специальному субъекту преступлений экономической направленности (при осуществлении предпринимательской деятельности) на срок от 1 до 3 лет. Несмотря на новизну предложения,

оно находит своих сторонников. Среди опрошенных респондентов данную позицию поддержали 15,5 % следователей (12 из 74), 10,4 % сотрудников прокуратуры (19 из 180), 9,8 % лиц с юридическим образованием, не замещающих должностей в судебной системе и правоохранительных органах (10 из 106), и 8,5 % судей (5 из 61).

Н. И. Кузнецовой отстаивается точка зрения относительно приоритета компенсационной функции уголовного права в целом и уголовного наказания в частности [10, с. 11–12]. Нам представляется логичнее охарактеризовать с этой отправной позиции не уголовное наказание, а предлагаемый перечень иных мер уголовно-правового характера. Определенная унификация иных мер уголовно-правового характера возможна в рамках восстановительных уголовно-правовых отношений путем выделения в качестве их общей и приоритетной характеристики цели компенсации ущерба, причиненного совершенным преступлением, либо устранения прямой или косвенной причины его совершения. При этом иные меры уголовно-правового характера не являются самостоятельным сложноструктурированным институтом уголовного права, в каждой из глав раздела VI УК РФ закреплена свой соответствующий институт.

С нашей точки зрения, перечень иных мер уголовно-правового характера должен быть представлен принудительными мерами медицинского характера, принудительными мерами воспитательного воздействия, судебным штрафом, конфискацией имущества и запретом на занятие должности руководителя коммерческой организации или приобретение статуса учредителя такой организации, индивидуального предпринимателя, а равно лишением такой должности и/или такого статуса применительно к специальному субъекту преступлений экономической направленности (при осуществлении предпринимательской деятельности). Рекомендуемая количественная характеристика последней меры – срок от 1 до 3 лет. Применение любой из этих мер позволит в какой-то степени компенсировать ущерб, причиненный совершенным преступлением, либо восполнить определенный пробел, явившийся прямой или косвенной причиной его совершения. Так, назначение судебного штрафа с точки зрения действующего уголовного законодательства возможно, в том числе лишь при условии возмещения вреда либо заглаживания иным образом причиненного преступлением вреда. Назначение конфискации имущества позволит компенсировать имущественный ущерб, причиненный преступлением, путем изъятия имущества, приобретенного в результате совершения преступления. Принудительные меры медицинского характера при их применении компенсируют изъяны психического здоровья лица, в отношении которого такие меры назначены, тогда как принудительные меры воспитательного воздействия – изъяны в его воспитании. И наконец, назначение запрета на занятие должности руководи-

теля коммерческой организации или приобретение статуса учредителя такой организации, индивидуального предпринимателя, а равно лишение такой должности и/или такого статуса применительно к специальному субъекту преступлений экономической направленности (при осуществлении предпри-

нимательской деятельности) на срок от 1 до 3 лет компенсирует в определенной степени ущерб, причиненный нормальным экономическим отношениям и конкретным потерпевшим в результате преступления через невозможность причинить данный ущерб аналогичным образом в назначенный срок.

Библиографический список

1. Непомнящая Т. В. Проблемы назначения и исполнения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 2 (51). С. 145–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-naznacheniya-i-ispolneniya-konfiskatsii-imuschestva-kak-inoy-mery-ugolovno-pravovogo-haraktera?ysclid=m9s7vkhbr9515588643>.
2. Сучков Ю. И. Конфискацию имущества необходимо вернуть в уголовное законодательство Российской Федерации в виде меры наказания // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 16 декабря 2016 года / Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. С. 193–195. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29717194>. EDN: <https://elibrary.ru/zahvzl>.
3. Кленова Т. В., Лазарева В. А. Судебный штраф: проблема легитимизации по целям, основанию и порядку прекращения уголовного дела // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 2. С. 170–194. DOI: <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.2.170.194>.
4. Бархатова Е. Н. Иные меры уголовно-правового характера: отдельные противоречия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 21–2. С. 5–6. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44743805>. EDN: <https://elibrary.ru/mexxvs>.
5. Непомнящая Т. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 1. С. 114–121. DOI: [http://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1\(1\).114-121](http://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(1).114-121).
6. Сундуrow Ф. Р., Бокoвня А. Ю. Природа и признаки иных мер уголовно-правового характера // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 108–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-i-priznaki-inyh-mer-ugolovno-pravovogo-haraktera?ysclid=m9samhtizd582853800>.
7. Карпов К. Н. Иные меры уголовно-правового характера как средство противодействия совершению преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2011. 23 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19344964>. EDN: <https://elibrary.ru/qhimct>.
8. Батанов А. Н. Иные меры уголовно-правового характера – самостоятельный институт российского уголовного законодательства? // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 150–154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inye-mery-ugolovno-pravovogo-haraktera-samostoyatelnyy-institut-rossiyskogo-ugolovno-zakonodatelstva?ysclid=m9sdyqugf3641203444>.
9. Безверхов А. Г. К проблеме декриминализации экономических преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4 (18). С. 24–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22914373>. EDN: <https://elibrary.ru/thliaj>.
10. Кузнецова Н. И. Цели наказания за совершение экологических преступлений: от традиционных к новым // Вестник Югорского государственного университета. 2024. Т. 20, № 4. С. 10–16. DOI: <http://doi.org/10.18822/byusu20240410-16>.

References

1. Nepomnyashchaya T. V. *Problemy naznacheniya i ispolneniya konfiskatsii imushchestva kak inoi mery ugolovno-pravovogo kharaktera* [Problems of imposition and execution of property confiscation as other measure of criminal-legal nature]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Herald of Omsk University. Series: Law], 2017, no. 2 (51), pp. 145–150. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-naznacheniya-i-ispolneniya-konfiskatsii-imuschestva-kak-inoy-mery-ugolovno-pravovogo-haraktera?ysclid=m9s7vkhbr9515588643> [in Russian].
2. Suchkov Yu. I. *Konfiskatsiyu imushchestva neobkhodimo vozvratit' v ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii v vide mery nakazaniya* [Confiscation of property must be returned to the criminal legislation of the Russian Federation as a punishment]. In: *Zakon i pravoporyadok v tret'em tysyacheletii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kaliningrad, 16 dekabrya 2016 goda* [Law and order in the third millennium: proceedings of the International research and practical conference. Kaliningrad, December 16, 2016]. Kaliningrad: Kaliningradskii filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2017, pp. 193–195. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29717194>. EDN: <https://elibrary.ru/zahvzl> [in Russian].
3. Klenova T. V., Lazareva V. A. *Sudebnyi shtraf: problema legitimizatsii po tselyam, osnovaniyu i poryadku prekrashcheniya ugolovnogo dela* [Judicial Fine: Issue of Legitimization according to the Goals, Grounds and Procedure for Termination of a Criminal Case]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2024, vol. 17, no. 2, pp. 170–194. DOI: <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.2.170.194> [in Russian].

4. Barkhatova E. N. *Inye mery ugolovno-pravovogo kharaktera: ot del'nye protivorechiya* [Other criminal law measures: some contradictions]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*, 2021, no. 21–2, pp. 5–6. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44743805>. EDN: <https://elibrary.ru/mexxvs> [in Russian].
5. Nepomnyashchaya T. V. *Inye mery ugolovno-pravovogo kharaktera: ponyatie, yuridicheskaya priroda, sistema* [Other measures of criminal-legal nature: definition, legal nature, system]. *Pravoprimerenie* [Law Enforcement Review], 2017, vol. 1, no. 1, pp. 114–121. DOI: [http://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1\(1\).114-121](http://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(1).114-121) [in Russian].
6. Sundurov F. R., Bokovnya A. Yu. *Priroda i priznaki inykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera* [The Nature and Signs of other Measures of a Criminal Nature]. – *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology], 2022, no. 1, pp. 108–111. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-i-priznaki-inyh-mer-ugolovno-pravovogo-haraktera?ysclid=m9samhtizd582853800> [in Russian].
7. Karpov K. N. *Inye mery ugolovno-pravovogo kharaktera kak sredstvo protivodeistviya soversheniyu prestuplenii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08* [Other criminal law measures as a means of countering the commission of crimes: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.08]. Omsk, 2011, 23 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19344964>. EDN: <https://elibrary.ru/qhimct> [in Russian].
8. Batanov A. N. *Inye mery ugolovno-pravovogo kharaktera – samostoyatel'nyi institut rossiiskogo ugolovnogo zakonodatel'stva?* [Other measures of criminal law nature – an independent institute of Russian criminal legislation?]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2011, no. 5 (37), pp. 150–154. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/inye-mery-ugolovno-pravovogo-haraktera-samostoyatelnyy-institut-rossiyskogo-ugolovnogo-zakonodatelstva?ysclid=m9sdyqugf3641203444> [in Russian].
9. Bezverkhov A. G. *K probleme dekriminalizatsii ekonomicheskikh prestuplenii* [On the problem of decriminalization of economic crimes]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia], 2014, no. 4 (18), pp. 24–35. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22914373>. EDN: <https://elibrary.ru/thliaj> [in Russian].
10. Kuznetsova N. I. *Tseli nakazaniya za sovershenie ekologicheskikh prestuplenii: ot traditsionnykh k novym* [The purpose of punishment for environmental crimes: from traditional to new]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Yugra State University Bulletin], 2024, vol. 20, no. 4, pp. 10–16. DOI: <http://doi.org/10.18822/byusu20240410-16> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-44-50

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.14

Дата поступления: 16.01.2025
рецензирования: 19.02.2025
принятия: 12.05.2025

**Электронные доказательства в российском уголовном процессе:
проблемные вопросы**

С. В. Корнакова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Е. В. Чигрина

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
E-mail: ChigrinaEV@bgu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые проблемные аспекты, связанные с использованием электронных доказательств. Отмечается неоднозначность подходов ученых к вопросам о том, какое место занимает данный вид доказательств в имеющейся в уголовном процессе системе доказательств и можно ли отнести его к самостоятельному средству доказывания. Приводятся мнения ученых о видовом разнообразии электронных носителей информации, при этом подчеркивается, что электронные носители информации неразрывно связаны с той электронной информацией, которая в них содержится и без которой они утрачивают свою ценность и доказательственное значение. Обращается внимание на возможные сложности использования в доказывании электронных доказательств, которые вместе с тем не могут служить основанием для их невключения в систему доказательств. Делается вывод о необходимости пополнения уголовно-процессуального закона дефиницией электронных доказательств и закреплением порядка обращения с ними, для чего следует добавить в УПК РФ нормы, посвященные электронным доказательствам, электронным носителям, компьютерной информации, правилам фиксации, описи, изъятия электронных носителей информации.

Ключевые слова: доказывание; доказательства; система доказательств; вещественные доказательства; иные документы; электронные доказательства; виды электронных доказательств; носители электронной информации; оценка электронных доказательств.

Цитирование. Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Электронные доказательства в российском уголовном процессе: проблемные вопросы // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 44–50. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-44-50>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Корнакова С. В., Чигрина Е. В., 2025

Светлана Викторовна Корнакова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Байкальский государственный университет, 664011, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Елена Владимировна Чигрина – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Байкальский государственный университет, 664011, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.01.2025
Revised: 19.02.2025
Accepted: 12.05.2025

Electronic evidence in Russian criminal proceedings: problematic aspects

S. V. Kornakova

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

E. V. Chigrina

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
E-mail: ChigrinaEV@bgu.ru

Abstract: The article discusses some problematic aspects related to the use of electronic evidence in evidence. The ambiguity of scientists' approaches to the question of what place this type of evidence occupies in the evidence system available in the criminal process, as well as whether it can be attributed to an independent means of proof, is noted. The opinions of scientists on the species diversity of electronic media are given, while emphasizing that electronic media are inextricably linked to the electronic information they contain and without which they lose their value and evidentiary value. Attention is drawn to the possible difficulties of using electronic evidence in proving, which, at the same time,

cannot serve as a reason for their non-inclusion in the evidence system. It is concluded that it is necessary to update the criminal procedure law by defining electronic evidence and fixing the procedure for handling it, for which it is necessary to add to the Code of Criminal Procedure norms on electronic evidence, electronic media, computer information, rules for recording, inventory, and seizure of electronic media.

Key words: proving; evidences; evidence system; physical evidence; other documents; electronic evidence; types of electronic evidence; electronic information carriers; evaluation of electronic evidence.

Citation. Kornakova S. V., Chigrina E. V. *Elektronnyye dokazatel'stva v rossiiskom ugovolnom protsesse: problemnyye voprosy* [Electronic evidence in Russian criminal proceedings: problematic aspects]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 44–50. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-44-50> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declared no conflicts of interests.

© Kornakova S. V., Chigrina E. V., 2025

Svetlana V. Kornakova – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University, 11, Lenin Street, Irkutsk, 664011, Russian Federation.

Elena V. Chigrina – Candidate of Economic Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University, 11, Lenin Street, Irkutsk, 664011, Russian Federation.

Процесс расследования преступления осуществляется путем собирания, проверки и оценки доказательств и обоснования этими доказательствами выводов и решений по делу. Эта деятельность в уголовно-процессуальном законе охватывается понятием доказывания (ст. 85 УПК РФ).

Доказывание по уголовному делу представляет собой сложный познавательный процесс, включающий в себя изучение и анализ явлений и действий, которые уже произошли в прошлом. Человечество еще не нашло способов обратить время вспять и запечатлеть моменты прошлого, но при расследовании преступлений участники уголовного процесса могут воссоздать картину произошедшего с помощью «мелких» частиц. Такими частицами представляются доказательства, именно они являются единственным «орудием» познания преступного события и всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а также обстоятельств, имеющих значение для дела.

Безусловно, в современном уголовном процессе ключевую роль в установлении всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, играют доказательства. Они являются одним из самых сложных и наиболее важных элементов уголовного процесса, поэтому действующее уголовно-процессуальное законодательство уделяет значительное внимание регламентации их видов, особенностей собирания, проверки и оценки в процессе доказывания.

Вместе с тем некоторые вопросы, связанные с доказательствами в уголовно-процессуальной сфере деятельности, на протяжении ряда лет остаются нерешенными. В число подобных вопросов входит процессуальная регламентация изъятия, хранения и использования электронных доказательств как наиболее сложная в правовом понимании и регулировании. Учеными отмечается, что «продукты цифровизации в современном мире выступают важным источником доказательственной и поисковой информации» [1, с. 95], а стремительное развитие технических средств хранения информации на электронных носителях с необходимостью требует соответствующих изменений законодательства в отношении регламентации обращения с ними.

Анализ положений ч. 2 ст. 74 УПК РФ позволяет сделать вывод, что законодатель электронные носители информации не выделяет в отдельную разновидность. Между тем вопрос о том, какое место занимает данный вид доказательств, был и остается проблемным ввиду отсутствия единообразия точек зрения среди ученых и четкого законодательного определения данного понятия в нормах УПК РФ.

Так, по мнению ряда авторов, информацию, содержащуюся на электронных носителях, можно относить «к письменным доказательствам, к вещественным или к самостоятельным средствам доказывания» [2, с. 213; 3, с. 54]. При этом если рассматривать значение электронной информации в научном плане, то для отечественной доктрины такая информация «не вносит ничего нового в классическую систему доказательств» [4, с. 101]. Некоторые ученые в связи с этим полагают наиболее корректным внести изменения в УПК РФ путем обновления понятия «доказательство», указав, что информация в нем может быть и электронной [5, с. 972].

По мнению А. Р. Маламагамедовой, несмотря на некоторые специфические особенности, электронная информация, которая хранится на электронных носителях, может быть представлена как в качестве вещественного доказательства, так и иного документа. Данный автор также отмечает, что доказательственным значением обладают не технические или физические параметры электронного носителя информации, а сам факт нахождения сведений на носителе или конкретная содержащаяся в нем информация [6, с. 289].

Таким образом, электронные документы как доказательства можно относить к иным документам, о которых ведется речь в ч. 1–3 ст. 84 УПК РФ, а также к вещественным доказательствам в силу положений ч. 1, 2 ст. 81 и ч. 4 ст. 84 УПК РФ.

Напротив, В. А. Зацепина и Е. Ф. Лукьянчикова критикуют подход, в соответствии с которым информацию, содержащуюся на электронных носителях, относят к вещественным доказательствам или к иным документам, ввиду того что от указан-

ных доказательств они отличаются механизмом своего изъятия и необходимостью использования дополнительных технических средств (например, компьютерного устройства). С точки зрения данных авторов, этот вид доказательств следует определить в качестве самостоятельного вида, внеся соответствующие изменения в УПК РФ [7, с. 34].

При этом, как отмечает А. А. Количенко, еще одной особенностью электронной информации является возможность изменения сведений, находящихся на электронном носителе, без непосредственного воздействия на него (удаленно), а также то обстоятельство, что она может быть воспринята следователем, дознавателем или другими субъектами, осуществляющими расследование уголовного дела, при помощи специальных устройств [8, с. 81].

Анализ положений УПК РФ позволяет сделать вывод, что понятие «электронные носители информации» встречается (хотя и не раскрывается) в ст. 81, 81.1 и 82 УПК РФ, в которых определены особенности вещественных доказательств, установлены порядок отнесения предметов к вещественным доказательствам и особенности хранения вещественных доказательств, а также в некоторых других статьях УПК РФ.

Вопрос о видах разнообразия электронных носителей информации и выделении различных способов их фиксации также является предметом дискуссий. Среди ученых не сложилось единой точки зрения о классификации электронных носителей информации. В частности, классификация электронных носителей доказательственной информации осуществлена в монографии С. В. Зуева. Ученый предлагает классифицировать носители следующим образом:

– в первую группу электронных носителей доказательственной информации входят персональные информационно-технологические устройства (флэш-карты, карты памяти, ноутбуки, планшеты, смартфоны), которые являются устройствами главным образом личного пользования. Помимо традиционных средств электронных носителей информации, автор относит к данной группе банковские карты, которые также могут являться источником доказательственной информации по уголовному делу, например по делам о мошенничестве с использованием платежных карт, а также персональные страницы в социальных сетях;

– во вторую группу включаются информационные системы, предусматривающие использование различных баз данных, средств использования и накопления информации (например, системы контроля доступа, государственные информационные системы, охранные системы данных, банковские и платежные системы данных);

– к третьей группе электронных носителей доказательственной информации относятся информационные технологические устройства, которые озаглавлены общим понятием «сетевая инфраструктура». Наиболее важным и распространенным представителем данной группы является информационно-коммуникационная сеть

«Интернет», навигационные системы, локальные компьютерные сети, корпоративные компьютерные сети, а также облачные технологии хранения данных (такие как SkyDrive, Google Диск, Dropbox, iCloud и другие);

– четвертую группу электронных носителей доказательственной информации составляют информационные технологические устройства, которые озаглавлены общим понятием «системы информационной безопасности» (например, антивирусные программные обеспечения системы аутентификации и идентификации и др.);

– к пятой группе относятся устройства фиксации, имеющие своей целью борьбу с возможными правонарушениями (например, биометрические системы, системы криминалистической регистрации, видеонаблюдения, а также системы, которые позволяют предупреждать компьютерные атаки или направлены на ликвидацию последствий таких атак) [9, с. 33–35].

Также можно выделить классификацию электронных носителей информации с учетом такого основания, как способность информации к записи на те носители, которые могут быть записаны многократно, и носители, на которые цифровые сведения могут быть записаны только однажды [7, с. 34].

Вместе с тем многообразие видов носителей электронной информации не влияет на общий вывод, что, как отмечает С. Б. Россинский, «вещественным доказательством является предмет, но доказательственное значение имеет лишь сама информация – компьютерная информация, а не ее носитель» [10, с. 105]. В связи с этим ключевым моментом здесь является именно содержание информации любого электронного носителя. Электронные носители информации неразрывно связаны с той электронной информацией, которая в них содержится. Без этой информации они утрачивают свою ценность и доказательственное значение.

Таким образом, информация, содержащаяся на электронном носителе, имеет возможность выступать в качестве вещественного доказательства.

Во-первых, компьютерная информация может служить орудием преступления. Это означает, что она может быть использована для совершения незаконных действий, таких как хакерские атаки, мошенничество или распространение запрещенной информации [11, с. 154]. В этом случае информация сама по себе становится инструментом, который позволяет преступнику реализовать свои намерения.

Во-вторых, электронная информация может выступать в качестве предмета преступления. Например, это могут быть украденная база данных, личные данные граждан или финансовая информация, которые были незаконно извлечены у владельца. В таких ситуациях сама информация является объектом преступного посягательства, что делает ее важным элементом в рамках уголовного дела.

Кроме того, компьютерная информация может представлять собой след преступления. Такие следы могут быть критически важными для установления истины и выявления виновных.

Между тем законодатель в ч. 4 ст. 81 УПК РФ лишь указывает на существование электронного носителя информации без уточнения, что понимается под электронным носителем, и распространяет на него режим вещественного доказательства.

Так, например, согласно приговору № 1-243/2020 от 29 июля 2020 г. Октябрьского городского суда Республики Башкортостан, Д., работая специалистом офиса обслуживания и сферы продаж, использовала свое служебное положение в корыстных целях и скопировала из программы «1С» все личные данные клиентов, включая их лицевые счета, на компакт-диск. После этого, используя компакт-диск, она осуществила перевыпуск сим-карт клиентов, не имея соответствующего заявления, произвела модификацию компьютерной информации, получив возможность пользоваться лицевым счетом с находящимися на нем деньгами, принадлежавшими компании. В данном деле компакт-диск был приобщен к вещественным доказательствам¹.

Кроме этого, при постоянном увеличении объема цифровой информации органам предварительного расследования часто приходится сталкиваться с необходимостью анализа большого количества электронных данных, многие из которых могут быть несущественными для уголовного дела. Рассмотренная проблема подчеркивает важность развития технологий и методов анализа электронных доказательств. Во многих случаях необходимые для расследования уголовного дела сведения могут быть скрыты либо уничтожены, а проверка находящейся на электронных носителях информации может потребовать участия специалистов (например, программистов, специалистов IT-сферы).

Представляется, что использование специализированных программных средств, алгоритмов машинного обучения и технологий для фильтрации и выделения ключевой информации в деятельности дознавателей и следователей может значительно облегчить работу правоохранительных органов.

Также стоит подчеркнуть важность аутентификации и идентификации электронных носителей информации для того, чтобы определить подлинность первоисточника.

Возможность аутентификации и идентификации источников электронных доказательств является необходимым условием проверки достоверности доказательств по уголовному делу.

Идентификация представляет собой процесс определения или предоставления идентификационной информации, например имени пользователя или уникального номера.

Идентификацию следует рассматривать в качестве возможности установления лица, от которого был получен конкретный электронный документ.

Идентификация предусматривает использование биометрических данных, учетных данных пользователей, паролей, других идентификаторов для установления личности лица, которое создало тот или иной источник электронного доказательства или имело доступ к данным, хранящимся на нем.

Аутентификация, в свою очередь, представляет собой процесс проверки подлинности предоставленной идентификационной информации, то есть это подтверждение, что представленная информация верна и соответствует заявленной личности.

В целях аутентификации эксперты могут анализировать полученные данные, использовать криптографические и другие методы анализа и подтверждения подлинности данных [12, с. 211].

Таким образом, идентификация – это предоставление идентификационных данных, а аутентификация – это проверка подлинности этих данных. В отношении электронной безопасности оба процесса обычно используются вместе для обеспечения безопасности доступа к системам и данным.

В целом в настоящее время имеются следующие сложности, которые не позволяют разрешить вопрос о допустимости электронных доказательств, полученных в результате иных процессуальных действий, однозначным образом:

- несовершенство законодательного регулирования прав участников уголовного процесса по сборанию и представлению компьютерной информации для приобщения ее к уголовному делу в качестве доказательства;

- отсутствие четко обозначенных требований к компьютерной информации, которые позволили бы определить ее допустимость в качестве доказательства.

При рассмотрении проблемных вопросов оценки электронных доказательств необходимо обратить внимание на особенности проверки таких свойств, как достоверность и допустимость данных доказательств. В частности, важно учитывать тот факт, что развитие электронных и компьютерных технологий осуществляется стремительными темпами, существенно опережающими темпы развития нормативных правовых актов, в которых законодатель регулирует требования к формам электронных документов.

О достоверности информации, содержащейся в электронном доказательстве, можно сделать вывод на основании совокупной оценки различных доказательств, в том числе определения лиц, которые принимали участие в составлении электронного документа, и четкого установления правового положения данных лиц. Кроме того, правоохранительными органами должна быть осуществлена проверка признаков изменения содержания исходного файла или реквизитов электронного документа. Субъект доказывания должен проверить отсутствие любых искажений или возможных из-

¹ Приговор № 1-243/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-243/2020 URL.: <https://sudact.ru/regular/doc/eLKpELsMEF5w>.

менений в той информации, которая была представлена на электронном носителе.

Так, в Определении Конституционного Суда России от 22 марта 2012 г. № 560-О-О судом был сделан вывод о том, что при разрешении вопроса о фальсификации электронного документа необходимо проводить проверку в отношении исходной версии документа, а не его отображения на материальном носителе. Данный вывод обусловлен тем фактом, что процессуальные правила предусматривают под собой проверку подлинности формы доказательства, а не достоверности доказательства².

Электронный носитель в данном случае является возможностью для придания цифровой информации требуемой для ее доказательственной идентификации формы. Каждый электронный носитель доказательственной информации (жесткий диск, USB-накопитель или другое устройство хранения) обычно имеет уникальные серийные номера или идентификационные данные, которые могут использоваться для его идентификации.

Специфические характеристики файловых систем могут также использоваться для идентификации электронных носителей. Использование этих идентификационных меток может помочь в установлении подлинности и принадлежности электронной информации при представлении ее в качестве доказательства.

В уголовных делах, где рассматриваются преступления, совершенные в сфере компьютерной информации, важным значением обладает правильное установление технических характеристик и свойств электронных средств, которые преступник использует в целях совершения противоправного деяния. Субъект доказывания должен правильно установить в таких делах электронные доказательства и те компьютерные программы, которые были использованы для совершения противоправных действий.

² Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 560-О-О // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

Так, в рассмотренном Иркутским областным судом уголовном деле обвиняемый был признан виновным в совершении преступления, ответственность за которое наступает по ч. 1 ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных программ». Основным доказательством, признанным как судом первой инстанции, так и судом апелляционной инстанции, явилась обнаруженная на оптическом диске программа, которую антивирус определил в качестве вредоносной³.

Можно согласиться с точкой зрения В. А. Зацепиной и Е. Ф. Лукьянчиковой о том, что «электронная информация и информация, содержащаяся на электронных носителях информации, является достаточно сложной в процессе доказывания, поскольку такая информация не имеет формы и не воспринимается органами чувств человека» [7, с. 34].

Вместе с тем сложности использования в доказывании электронных доказательств, по справедливому мнению П. Г. Марфицина, не могут служить основанием для их невключения в систему доказательств, поскольку «сложности с проверкой и оценкой могут возникнуть с любым видом доказательств» [12, с. 109].

Как представляется, исходя из тенденций современности следует поддержать мнение ученых о необходимости дополнения уголовно-процессуального закона дефиницией электронных доказательств и закреплением порядка обращения с ними [13, с. 213], для чего следует добавить в УПК РФ нормы, посвященные электронным доказательствам, электронным носителям, компьютерной информации, правилам фиксации, описи, изъятия электронных носителей информации. Такие правила должны корреспондировать тем, что представлены в статье о вещественных доказательствах с учетом особенностей ст. 164.1 УПК РФ.

³ Апелляционное определение Иркутского областного суда от 17 августа 2023 г. по делу № 10-12939/2023 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

Библиографический список

1. Бессонов А. А. Современные информационные технологии на службе следствия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1. С. 94–100. DOI: <http://doi.org/10.17150/24116122.2022.1.94-100>.
2. Шестак В. А., Шайнурова Д. А. Электронные доказательства в современном уголовном процессе // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2021. № 1. С. 211–215.
3. Буфетова М. Ш. Электронный документ как разновидность вещественных доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 3. С. 47–55. DOI: <http://doi.org/10.17150/2411-6122.2023.3.47-55>.
4. Кукарникова Т. Э. Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 204 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002347382.
5. Скотникова М. М. Электронный документ как доказательство в российском уголовном процессе // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете – 2023: традиции и инновации: мат-лы междунар. научн.-практ. фестиваля (Иваново, 10–28 апреля 2023 г.). Иваново: Ивановский гос. университет, 2023. С. 972–978. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60901021>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lefvo>.

6. Маламагамедова А. Р. «Электронные доказательства» в уголовном процессе // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сб. тр. научн.-практ. конф. (Москва, 27 сентября 2024 г.). Москва, 2024. С. 287–292.
7. Зацепина В. А., Лукьянчикова Е. Ф. Необходимость электронных вещественных доказательств в уголовном процессе РФ // Проблемы научной мысли. 2022. Т. 2, № 12. С. 32–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49846731>. EDN: <https://elibrary.ru/fptvkw>.
8. Количенко А. А. Допустимость электронных доказательств в современном уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 80–85. DOI: <http://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-3-80-85>.
9. Зуев С. В. Основы теории электронных доказательств. Москва: Юрлитформ, 2019. 400 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37164033>. EDN: <https://elibrary.ru/cecpzy>.
10. Россинский С. Б. О роли вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: мат-лы междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 50-летию образования кафедры уголовного процесса (Краснодар, 17–18 марта 2022 г.) / отв. ред. В. А. Семенов: в 2 ч. Ч. 2. Краснодар, 2022. С. 102–112. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48229004>. EDN: <https://elibrary.ru/sjmwew>.
11. Коломинов В. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации как объект криминалистического познания // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 2 (8). С. 153–160. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-v-sfere-kompyuternoy-informatsii-kak-obekt-kriminalisticheskogo-poznaniya?ysclid=m9tl2vki3410558252>.
12. Kaneko H. Electronic Evidence in Civil Procedure in Japan // Digital Evidence and Electronic Signature Law Review. 2008. Vol. 5. P. 211–213. DOI: <https://doi.org/10.14296/deeslr.v5i0.1871>.
13. Марфицин П. Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 106–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-podhody-k-formulirovaniyu-ponyatiya-elektronnoe-dokazatelstvo-v-ugolovnom-sudoproizvodstve?ysclid=m9tld3mf5d301782430>.
14. Рябова О. В. О целесообразности включения дефиниции «электронные доказательства» в уголовно-процессуальный закон // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 211–216. DOI: <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-211-216>.

References

1. Bessonov A. A. *Sovremennyye informatsionnye tekhnologii na sluzhbe sledstviya* [The use of Information Technologies in Crime Investigation]. *Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings], 2022, no. 1, pp. 94–100. DOI: <http://doi.org/10.17150/24116122.2022.1.94-100> [in Russian].
2. Shestak V. A., Shainurova D. A. *Elektronnye dokazatel'stva v sovremennom ugolovnom protsesse* [Electronic evidence in modern criminal proceedings]. *Sledstvennaya deyatel'nost': nauka, obrazovanie, praktika*, 2021, no. 1, pp. 211–215 [in Russian].
3. Bufetova M. Sh. *Elektronnyi dokument kak raznovidnost' veshchestvennykh dokazatel'stv v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Electronic Document as a Type of Physical Evidence in Russian Criminal Proceedings]. *Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings], 2023, no. 3, pp. 47–55. DOI: <http://doi.org/10.17150/2411-6122.2023.3.47-55> [in Russian].
4. Kukarnikova T. E. *Elektronnyi dokument v ugolovnom protsesse i kriminalistike: dis. ... kand. jurid. nauk* [Electronic document in criminal procedure and criminalistics: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Voronezh, 2003, 204 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002347382/ [in Russian].
5. Skotnikova M. M. *Elektronnyi dokument kak dokazatel'stvo v rossiiskom ugolovnom protsesse* [Electronic document as an evidence in the Russian criminal procedure]. In: *Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' v klassicheskom universitete – 2023: traditsii i innovatsii: mat-ly mezhdunar. nauchn.-prakt. festivalya (Ivanovo, 10–28 aprelya 2023 g.)* [Scientific research activity at a classical university – 2023: traditions and innovations: materials of international research and practical festival (Ivanovo, April 10–28, 2023)]. Ivanovo: Ivanovskii gos. universitet, 2023, pp. 972–978. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60901021>. EDN: <https://www.elibrary.ru/levfvo> [in Russian].
6. Malamagamedova A. R. «Elektronnye dokazatel'stva» v ugolovnom protsesse [«Electronic evidence» in criminal proceedings]. In: *Ugolovnaya politika Rossii na sovremennom etape: sostoyanie, tendentsii, perspektivy: sb. tr. nauchn.-prakt. konf. (Moskva, 27 sentyabrya 2024 g.)* [Criminal policy of Russia at the present stage: state, trends, prospects: collection of works of research and practical conference (Moscow, September 27, 2024)]. Moscow, 2024, pp. 287–292 [in Russian].
7. Zatsepina V. A., Lukyanchikova E. F. *Neobkhodimost' elektronnykh veshchestvennykh dokazatel'stv v ugolovnom protsesse RF* [The need for electronic physical evidence in the criminal process of the Russian Federation]. *Problemy nauchnoi mysli*, 2022, vol. 2, no. 12, pp. 32–35. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49846731>. EDN: <https://elibrary.ru/fptvkw> [in Russian].

8. Kolichenko A. A. *Dopustimost' elektronnykh dokazatel'stv v sovremennom ugovnom protsesse* [The admissibility of electronic evidence in modern criminal proceedings]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 3 (95), pp. 80–85. DOI: <http://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-3-80-85> [in Russian].
9. Zuev S. V. *Osnovy teorii elektronnykh dokazatel'stv* [Fundamentals of the theory of electronic evidence]. Moscow: Yurlitinform, 2019, 400 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37164033>. EDN: <https://elibrary.ru/cecpzy> [in Russian].
10. Rossinsky S. B. *O roli veshchestvennykh dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve* [On the role of material evidence in criminal proceedings]. In: *Aktual'nye problemy sudebnoi, pravookhranitel'noi, pravozashchitnoi, ugovno-protsessual'noi deyatel'nosti i natsional'noi bezopasnosti: mat-ly mezhdunar. nauchn.-prakt. konf., posvyashch. 50-letiyu obrazovaniya kafedry ugovnogo protsessa (Krasnodar, 17–18 marta 2022 g.). Otv. red. V. A. Sementso: v 2 ch. Ch. 2* [Semenov V. A. (ed.) Current issues of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure activities and national security: proceedings of the international research and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the formation of the Department of Criminal Procedure (Krasnodar, March 17–18, 2022): in 2 parts. Part 2]. Krasnodar, 2022, pp. 102–112. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48229004>. EDN: <https://elibrary.ru/sjrnwe> [in Russian].
11. Kolominov V. V. *Moshennichestvo v sfere komp'yuternoi informatsii kak ob'ekt kriminalisticheskogo poznaniya* [Swindle in the field of computer information as object of criminalistics cognition]. *Sibirskie ugovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings], 2015, no. 2 (8), pp. 153–160. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-v-sfere-kompyuternoy-informatsii-kak-obekt-kriminalisticheskogo-poznaniya?ysclid=m9tl2vkia3410558252> [in Russian].
12. Kaneko H. Electronic Evidence in Civil Procedure in Japan. *Digital Evidence and Electronic Signature Law Review*, 2008, vol. 5, pp. 211–213. DOI: <https://doi.org/10.14296/deeslr.v5i0.1871>.
13. Marfikin P. G. *Nekotorye podkhody k formulirovaniyu ponyatiya «elektronnoe dokazatel'stvo» v ugovnom sudoproizvodstve* [Several approaches to the formulation of the concept of «electronic evidence» in criminal proceedings]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 3 (39), pp. 106–109. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-podhody-k-formulirovaniyu-ponyatiya-elektronnoe-dokazatelstvo-v-ugovnom-sudoproizvodstve?ysclid=m9tlj5j6584775652> [in Russian].
14. Ryabova O. V. *O tselesoobraznosti vklucheniya definitsii «elektronnye dokazatel'stva» v ugovno-protsessual'nyi zakon* [On the expediency of including the definition of «electronic evidence» in the Criminal Procedure Law]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 2 (58), pp. 211–216. DOI: <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-211-216> [in Russian].

**К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА ШЕЙФЕРА СЕМЕНА АБРАМОВИЧА**
**TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTHDAY
OF PROFESSOR SHEIFER SEMYON ABRAMOVICH**

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-51-57

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.13

Дата поступления: 16.01.2025
рецензирования: 19.02.2025
принятия: 12.05.2025

Концепция формирования доказательств и упрощенные процедуры

Ю. В. Кувалдина

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: iyli79@mail.ru

Аннотация: Автор задался целью ответить на вопрос об актуальности для особых порядков судебного разбирательства разработанной профессором С. А. Шейфером концепции формирования доказательств. Для достижения поставленной цели проанализированы особенности доказывания в особых порядках. Автор приходит к выводу, что концепция актуальна для досудебного производства, предшествующего особым порядкам, закрепленным главами 40 и 40.1 УПК, хотя отмечает, что материалы предварительного следствия по делу, по которому с обвиняемым заключено соглашение, состоят не только из собранных самим следователем доказательств, но и из сведений, которые получены вне рамок выделенного дела. Сокращенное дознание данной концепции не следует, так как в качестве доказательств выступает полученная неследственным путем информация. В самих особых порядках непосредственное доказывание фрагментарно осуществляется, хотя в большей части заменяется изучением судьей материалов уголовного дела. Вследствие этого суд испытывает значительные трудности в формировании представления о доказанности обвинения.

Ключевые слова: сокращенное дознание; согласие с обвинением; досудебное соглашение о сотрудничестве; особый порядок судебного разбирательства; доказывание; формирование доказательств; исследование доказательств.

Цитирование. Кувалдина Ю. В. Концепция формирования доказательств и упрощенные процедуры // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 51–57. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-51-57>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кувалдина Ю. В., 2025

Юлия Владимировна Кувалдина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.01.2025
Revised: 19.02.2025
Accepted: 12.05.2025

Concept of evidence formation and simplified procedures

Yu. V. Kuvaldina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: iyli79@mail.ru

Abstract: The author set the goal to answer the question about the relevance of the concept of evidence formation developed by Professor S. A. Sheifer for special procedures of judicial proceedings. To achieve this goal, the author analyzed the features of proof in special procedures. The author comes to the conclusion that the concept is relevant for pre-trial proceedings preceding special procedures enshrined in Chapters 40 and 40.1 of the Code of Criminal Procedure, although he notes that the materials of the preliminary investigation of a case for which an agreement was concluded with the accused consist not only of evidence collected by the investigator himself, but also of information obtained outside the framework of the selected case. The abbreviated inquiry of this concept does not follow, since information obtained by non-investigative means serves as evidence. In the special procedures themselves, direct proof is carried out fragmentarily, although for the most part it is replaced by the judge studying the materials of the criminal case. As a result, the court experiences significant difficulties in forming an idea of the proof of the charge.

Key words: abbreviated inquiry; agreement with the prosecution; pre-trial cooperation agreement; special procedure of trial; proving; formation of evidence; examination of evidence.

Citation. Kuvaldina Yu. V. *Kontseptsiya formirovaniya dokazatel'stv i uproshchennye protsedury* [Concept of evidence formation and simplified procedures]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 51–57. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-51-57> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interests.

© Kuvaldina Yu. V., 2025

Yulia V. Kuvaldina – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

С именем профессора Семена Абрамовича Шейфера связано развитие концепции формирования доказательств. Сущность концепции заключается в том, что «готовых доказательств в природе не существует, а есть лишь следы, оставленные исследуемым событием в окружающем мире и несущие информацию о нем, которые воспринимаются субъектом доказывания, преобразуются им по форме и в таком виде закрепляются в материалах дела, становясь доказательствами в уголовно-процессуальном смысле» [1, с. 114–116]. При этом в своих трудах профессор разрабатывал именно следственную концепцию формирования доказательств, согласно которой доказательствами признаются собранные путем производства следственных действий и удостоверенные следователем сведения. Сведения, полученные следователем в результате поисково-познавательной деятельности и представленные им в суд, последний использует в качестве готовых доказательств для обоснования итогового решения по делу. Возникает вопрос: применима ли эта концепция, которая разрабатывалась много десятилетий назад для советского уголовного процесса, к современным процедурам, причем не обычным, а упрощенным?

Предварительное расследование, предшествующее рассмотрению дела судом в порядке, основанном на признании подсудимым своей вины и его согласии с предъявленным обвинением, подчиняется классическим канонам доказывания. Следователь, используя традиционный инструмент – следственные действия, – собирает (формирует), проверяет и оценивает доказательства, подтверждающие вину лица в совершении преступления, и другие обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Непроцессуальная информация – предметы и документы, предоставленные следователю участниками уголовного судопроизводства, материалы оперативно-розыскной деятельности, также наделяются статусом доказательств, если следователь их получил или истребовал, осмотрел и приобщил к делу. Данный алгоритм действий следователя по процессуализации информации, хотя в законе и не закреплен, на практике давно стал привычным способом собирания доказательств, который в науке получил название «пассивной» формы получения доказательств [2, с. 19].

Особенности, предусмотренные гл. 40 УПК, связаны со стадией судебного разбирательства. По мнению некоторых ученых, опасность этого порядка состоит именно в отсутствии доказывания. Так, Т. Г. Морщакова, высказываясь об особом порядке

судебного разбирательства, отмечает: «...думать нужно не о том, удовлетворит ли потерпевшего решение государственной судебной инстанции... думать нужно обо всех нас, потому что посадить могут каждого, если доказательства не нужны» [3]. Другие ученые полагают, что доказывание в этом случае и не нужно. Например, В. А. Лазарева указывает, что отсутствие у подсудимого возражений против рассмотрения дела в особом порядке означает, что «он подтверждает обоснованность привлечения его к уголовной ответственности теми доказательствами, которые имеются в материалах дела. Тем самым он признает и сами доказательства, с которыми имел возможность ознакомиться... и которые мог оспорить» [4, с. 82]. Поэтому суду нет необходимости собранные в ходе предварительного расследования доказательства проверять и оценивать, они презюмируются допустимыми и достоверными. Представляется, что такой вариант решения вопроса о доказывании в особом порядке судебного разбирательства вполне логичен.

Однако нельзя забывать о положении закона, которое и теоретиков, и практиков ставит в тупик. Согласно части 7 ст. 316 УПК, суд постановляет обвинительный приговор, только если убедится в обоснованности и доказанности обвинения. Чтобы это требование выполнить, суд должен иметь возможность исследовать эти доказательства традиционным для судебного заседания способом – непосредственно, устно и с участием сторон. Такой возможностью суд в особом порядке не обладает. Однако означает ли это, что доказывание в особом порядке нет или оно специфично? Конечно, к деятельности, осуществляемой в особом порядке, трудно применить понятия классической теории доказательств. Вместе с тем эта деятельность не лишена свойственной доказыванию в его классическом понимании познавательной сущности. Можно выделить следующие особенности доказывания в особом порядке. Во-первых, оно осуществляется посредством единоличного изучения и предварительной оценки судьей имеющихся в материалах дела доказательств, которые начинаются в стадии подготовки дела к судебному заседанию и завершаются в совещательной комнате при постановлении приговора. Очевидно, что вывод о соответствии установленных органами предварительного расследования фактических обстоятельств данной им же юридической формулировке и квалификации содеянного суд должен сделать уже на этой стадии. В противном случае он должен назначить судебное заседание в общем порядке. В частности, в пункте 3

Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 60 от 5 декабря 2006 г. «О применении судами особого порядка разбирательства уголовных дел» указано, что предусмотренные главой 40 УПК условия являются условиями постановления приговора, а не назначения судебного заседания в особом порядке. В этой связи при наличии ходатайства обвиняемого о рассмотрении дела без проведения судебного заседания в общем порядке и отсутствии обстоятельств, препятствующих этому, суд принимает решение о назначении судебного заседания в особом порядке. Единственным препятствием для этого может являться только необоснованность и недоказанность обвинения. Сами же условия для постановления приговора в особом порядке устанавливаются судом уже при рассмотрении дела по существу.

Во-вторых, в судебном заседании не проводится в общем порядке исследование и оценка доказательств, собранных по делу (ч. 5 ст. 316 УПК). Здесь возникает сразу несколько вопросов. Что такое исследование доказательств? Доказывание в целом или его элемент? Если элемент, то еще один, наряду с собиранием, проверкой и оценкой, или так законодатель именуется проверкой или собиранием и проверкой доказательств вместе? Эти вопросы вызывают и продолжают вызывать острые дискуссии. Сам профессор С. А. Шейфер полагал, что выделение исследования как элемента процесса доказывания лишает самостоятельного значения собирание и проверку доказательств и, кроме того, не учитывает концепцию формирования доказательств [5, с. 84]. А. М. Ларин считал, что доказывание – это и есть исследование [6, с. 8–9]. В. А. Лазарева, напротив, отмечает, что термин «исследование» является более точным, чем «проверка» [7, с. 28], а С. Б. Россинский выделяет исследование не вместо процесса доказывания, а как еще один элемент этого процесса [8, с. 49–50]. В данном вопросе позволим согласиться с мнением профессора Р. С. Белкина, который писал, что исследование – это познание содержания доказательства и проверка его достоверности [9, с. 223–224]. С учетом этого положения части 5 ст. 316 УПК можно понимать таким образом, что суд непосредственно не собирает и не проверяет доказательства. Вместе с тем фрагменты доказывания в непосредственной форме в особом порядке все же присутствуют.

Согласно части 5 статьи 316 УПК, судом могут, а точнее, должны быть исследованы некоторые из обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК, – смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства, а также обстоятельства, характеризующие личность, поскольку без их установления невозможно вынести справедливый приговор. Исследование доказательств необходимо и для принятия решения по заявленному гражданским истцом в уголовном процессе иску, а также для решения вопроса о допустимости доказательств, который может возникнуть как по инициативе сторон, так и самого суда. При этом основанием для перехода в общий порядок является не сама

подача такого ходатайства участниками процесса, а результат его рассмотрения судом. Исключение доказательства как недопустимого может привести суд к заключению о недостаточности доказательств для вывода о виновности лица в совершении преступления.

Как указано в пункте 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2006 № 60, «исследование всех указанных обстоятельств может проводиться всеми предусмотренными процессуальным законом способами, в том числе путем исследования имеющихся в деле и дополнительно представленных сторонами материалов, а также допроса свидетелей по этим обстоятельствам». Иными словами, в отношении этих обстоятельств собирание и проверка доказательств могут осуществляться в общем порядке.

В определенной мере можно даже говорить о доказывании в особом порядке обстоятельств, образующих главный факт, т. е. состав преступления. Главным образом это происходит при проверке судьей наличия такого условия постановления приговора в особом порядке, как отказ обвиняемого от оспаривания обвинения ввиду согласия с ним. Проверка соблюдения этого условия, судья получает от подсудимого информацию, на основе которой также формируется судейское внутреннее убеждение о его виновности и отсутствии самооговора. Несогласие подсудимого с обвинением в отдельных случаях может означать необоснованность обвинения. Этим и объясняется установленное законом полномочие суда по собственной инициативе переходить из особого в общий порядок судебного разбирательства.

Вместе с тем статус информации, которую суд получает от подсудимого, неясен. Часть 4 ст. 316 УПК говорит об опросе судьей подсудимого. Вместе с тем, согласно пункту 11.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 60, судья должен получить от подсудимого согласие с фактическими обстоятельствами содеянного и их юридической оценкой, а также полное признание вины в совершении преступления. Поэтому присоединяемся к мнению тех ученых, которые полагают, что такая информация должна быть облечена в форму показаний. Поэтому статью 316 УПК следует дополнить обязанностью суда допросить подсудимого [10, с. 8].

Реализуется ли концепция формирования доказательств в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК? Конечно, нет. Но, впрочем, она не реализуется и в общем порядке судебного разбирательства. Лишь приобщая к материалам дела представленные сторонами в судебное заседание предметы и документы, а также участвуя в допросе участников судебного заседания, суд становится субъектом формирования доказательств. В остальных случаях суд «работает» уже с готовыми продуктами познавательной деятельности следователя: протоколами следственных действий, а также экспертов и специалистов – заключениями и имеющимися в деле вещественными доказатель-

ствами, которые созданы самим преступлением. Оглашение доказательств в общем порядке, а именно это и подразумевается под непосредственным исследованием протоколов следственных действий, иных документов и заключений сведущих лиц, как отмечает С. Б. Россинский, «по своей внутренней (познавательной) сущности мало чем отличается» [11, с. 43] от единоличного изучения судьей доказательств по делу, рассматриваемому в особом порядке. Добавим, что изучение даже в большей степени обеспечивает проверку достоверности и допустимости доказательств, чем оглашение, которое, по сути, позволяет лишь уяснить их содержание. Оценка достоверности доказательств производится судом в обоих случаях позже при вынесении решения в совещательной комнате. Поэтому положение ч. 5 ст. 316 УПК о том, что суд в общем порядке не проводит оценку доказательств, не следует понимать так, что суд не оценивает доказательства с точки зрения их относимости, допустимости, достаточности и достоверности. Различие общего и особого порядков судебного разбирательства будет состоять только в том, что в первом случае суд обязан отразить оценку доказательств в своем итоговом решении.

Рассмотренные особенности доказывания характерны и для рассмотрения по существу дела, поступившего в суд с досудебным соглашением о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК). Вместе с тем имеются и некоторые дополнения.

Основанием заключения в досудебном производстве соглашения о сотрудничестве является зафиксированная в ходатайстве обвиняемого об этом готовность совершить действия в целях содействия следствию. К таким действиям ч. 2 ст. 317.1 УПК относит активное содействие расследованию и раскрытию преступления, изобличению соучастников преступления, розыску имущества, добытого преступным путем. Одновременно все эти действия уголовным законом признаются смягчающими ответственность обстоятельствами (п. «и» ч. 1 ст. 61), которые входят, согласно п. 6 ч. 1 ст. 317.1 УПК, в предмет доказывания по делу. Таким образом, предмет доказывания по делу, по которому с обвиняемым заключено соглашение, как бы расширяется, конкретизируется за счет обстоятельств, связанных с выполнением обвиняемым обязательств и соблюдением условий заключенного с ним прокурором соглашения. Очевидно, что эти обстоятельства устанавливаются традиционным способом – с помощью нормативно установленных видов доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК), собранных путем производства следственных действий, в том числе тех, в которых пообещал принять участие обвиняемый и по результатам которых следствие получает признание обвиняемым своей вины в совершении преступления(й), информацию о соучастниках и их роли в совершении преступления(й), о преступлениях, совершенных другими лицами, местах сокрытия трупов, орудий преступления, похищенного имущества и т. д. При этом следователь направляет прокурору для подтверждения выполнения этих

действий обвиняемым само уголовное дело, содержащее классические доказательства – протоколы следственных действий, показания и др., и, как указано в ч. 1 ст. 317.5 УПК, еще какие-то материалы. Иными словами, законодатель исходит из возможности установления обстоятельств, подтверждающих сотрудничество обвиняемого со следствием, не только доказательствами из перечня, установленного ч. 2 ст. 74 УПК. В пункте 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» указано, что сотрудничество может подтверждаться материалами оперативно-розыскной деятельности, материалами доследственной проверки, которая проводится по сообщенной обвиняемым, заключившим соглашение, информации, материалами других уголовных дел, производство по которым стало возможным благодаря сотрудничеству (копии постановлений о возбуждении уголовного дела, постановлений о признании лица обвиняемым, приговоров, вынесенных в отношении соучастников). Эти материалы, будучи созданными должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование по другим уголовным делам, а также оперативно-розыскную деятельность, используются по выделенному делу в качестве готовых доказательств. Очевидно, что свойством допустимости доказательства они не обладают. Их достоверность тоже проверить сложно. Единственным надежным материалом, подтверждающим выполнение обвиняемым соглашения в полном объеме, могут служить вступившие в законную силу приговоры, вынесенные по тем уголовным делам, которые были возбуждены в результате сотрудничества обвиняемого со следствием.

С такой же двойственностью материалов сталкивается суд, на который в особом порядке возлагается обязанность убедиться в обоснованности и доказанности обвинения, с одной стороны, и установить характер, пределы, значение сотрудничества, а также степень угрозы личной безопасности, которой подвергался сотрудничающий со следствием обвиняемый (ч. 4 ст. 317.7 УПК), – с другой. Первая группа материалов – классические доказательства, полученные в рамках выделенного дела путем производства следственных действий. Суд имеет возможность ознакомиться с протоколами этих следственных действий и убедиться в соблюдении установленных законом правил собирания и оформления по их результатам материалов, а значит, и в допустимости их использования для обоснования вывода о виновности подсудимого и исполнения им обязательств, взятых по соглашению. Кроме того, суд обладает и возможностью с соблюдением предусмотренного ст. 240 УПК правила о непосредственности исследования доказательств проверить полученные и закрепленные в материалах дела следователем сведения путем участия в судебном заседании в допросе подсудимого, который, согласно ч. 3.1 ст. 317.7 УПК, является обязательным.

Предмет допроса при этом охватывает как материальные (пункты 1–4 ст. 73 УПК), так и процессуальные вопросы (ч. 4 ст. 317.7 УПК). Вторая группа – материалы, полученные вне рамок выделенного уголовного дела. Как отмечает А. В. Боярская, «...положения действующего законодательства не дают возможности понять, какова их юридическая природа, кто и как их получает, оформляет...» [12, с. 105]. Суд в отношении этих материалов обладает не очень действенным средством их непосредственной проверки: в судебном заседании эти материалы оглашаются сторонами, а суд их заслушивает.

Таким образом, в процедуре, урегулированной гл. 40.1 УПК, законодателем предпринята попытка закрепить новый вид доказательства – сведения, полученные и зафиксированные в процессуальном порядке, хотя и в рамках других уголовных дел, возбужденных благодаря сотрудничеству обвиняемого по выделенному делу со следствием. Очевидно, что не только у судьи, но и у самого следователя по выделенному делу не может быть уверенности в допустимости и достоверности этих сведений ввиду отсутствия в законе норм, закрепляющих критерии и познавательные средства их проверки. Поскольку все эти сведения созданы не самим следователем, осуществляющим производство по выделенному делу, данная попытка законодателя может рассматриваться как идущая вразрез с концепцией формирования доказательств и свидетельствующая о появлении нового подхода к доказыванию.

Еще дальше законодатель пошел в процедуре сокращенного дознания и следующего за ним особого порядка судебного разбирательства (гл. 32.1 УПК). По сути, российский нормотворец пересмотрел привычные для теоретиков и практиков понятия классической теории доказательств. Так, появились: новый вид доказательства – неследственное; новые способы его получения – административный, оперативный, следственный; новый предмет доказывания – усеченный; обусловленные им новые, ограниченные событием преступления, виной, характером и размером вреда, причиненного преступлением, пределы доказывания (ст. 226.5 УПК). Дознаватель доказательства не формирует, поскольку освобожден от обязанности производить следственные действия. Само доказывание смещено в стадию возбуждения уголовного дела, в ходе которой дознаватель собирает информацию в объеме, позволяющем сделать вывод об установлении предмета доказывания и достижении его пределов.

Ученые, не соглашаясь с данными новшествами, высказывают различные предложения, направленные на «примирение» новой процедуры и классической теории доказательств. Во-первых, критикуется расширение перечня способов следственной проверки, закрепленного в ч. 1 ст. 144 УПК в редакции Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ. Как справедливо указывал в С. А. Шейфер, «такой спектр познавательных приемов является чрезмерно широким и выходит за пределы решения ограничен-

ной познавательной задачи стадии – выявления признаков преступления» [13, с. 163]. Считаем, что за следователем и дознавателем в ходе следственной проверки нужно сохранить полномочия по осуществлению неотложных по своему характеру следственных действий – всех видов осмотра, освидетельствования и назначения экспертизы, истребования документов, а также дачи органам дознания обязательных к исполнению письменных поручений о производстве оперативно-розыскных мероприятий. Полученные с использованием данных процессуальных способов материалы вполне достаточны для того, чтобы следователь и дознаватель смогли сформировать внутреннее убеждение о наличии объективных признаков преступления, дающих основание для принятия решения о возбуждении уголовного дела, но никак не для обвинения лица в совершении преступления. Во-вторых, хотя бы в одной из двух стадий – предварительном расследовании или судебном разбирательстве – доказывание должно осуществляться полноценно, по общим правилам, установленным законом. Сейчас же в стадии судебного разбирательства согласно ст. 226.9 УПК исследуются лишь доказательства, которые дознаватель указал в обвинительном постановлении, и то их исследование сводится к оглашению доказательств. Даже подсудимый, обязательно присутствующий в судебном заседании, не допрашивается. Суд ограничивается заслушиванием показаний, которые он давал в ходе досудебного производства.

Поэтому стоит поддержать ученых, которые указывают на разумность применения общего порядка судебного разбирательства по делам, расследование по которым проводилось в форме сокращенного дознания. В противном случае суд лишен возможности проверить допустимость и достоверность предоставленных дознавателем сведений, которыми обосновывается обвинение, поскольку эти сведения получены и закреплены без соблюдения требований, предъявляемых законом к производству следственных действий. Как отмечает В. А. Лазарева, «...в результате судебного разбирательства, построенного на началах... гласности, равноправия сторон и непосредственности, материалы такого (упрощенного) дознания способны обрести статус полноценных, то есть судебных доказательств...» [14, с. 41]. По сути, речь идет об обновленной концепции формирования доказательств, где уже главную роль субъекта, создающего доказательства, играет суд.

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало, что концепция формирования доказательств не уживается с современными упрощенными процедурами, предусмотренными действующим процессуальным законом. Однако отказ от нее в уголовном судопроизводстве чреват нарушением прав личности, защита которой является его прямым назначением. Поэтому законодатель должен быть осторожен в продвижении новых средств доказывания.

Библиографический список

1. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. Москва: Норма: Инфра-М, 2019. 192 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=359496&ysclid=m9tmndiuk989370745>.
2. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе: монография. Москва, 1964. 179 с. URL: <https://ru.z-library.sk/book/3263195/4873c0/Вопросы-общей-теории-судебных-доказательств-в-советском-уголовном-процессе.html?dsource=recommend>.
3. Морщакова Т. Г. «Особый порядок» реально может посадить реально невиновных // Информационно-правовой портал «Закония». URL: <https://www.zakonia.ru/blog/osobyj-porjadok-realno-mozhet-posadit-realno-nevinovnykh>.
4. Лазарева В. А. Проблемы оценки допустимости доказательств по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением // Глаголь правосудия. 2016. № 2 (12). С. 78–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-otsenki-dopustimosti-dokazatelstv-po-ugolovnomu-delu-postupivshemu-v-sud-s-obvinitelnym-postanovleniem?ysclid=m9tpth3bfu7678502>.
5. Шейфер С. А., Николаева К. А. К вопросу о структуре доказывания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 82–87. DOI: <http://doi.org/10.17223/22253513/20/10>.
6. Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. Москва, 1966. 155 с. URL: <https://ru.z-library.sk/book/6120738/099c19/Работа-следователя-с-доказательствами.html?dsource=recommend>.
7. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. Москва, 2015. 359 с. URL: <https://urait.ru/book/dokazyvanie-v-ugolovnom-processe-381121>.
8. Россинский С. Б. Собрание доказательств vs исследование доказательств в контексте шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя) // Юридический Вестник Самарского университета. 2024. Т. 10, № 3. С. 47–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-47-54>.
9. Белкин Р. С. Избранные труды. Москва, 2009. 768 с.
10. Андреева О. И., Лось С. Л., Рукавишников А. А., Трубникова Т. В. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 5–9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32309226>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yiiiikv>.
11. Россинский С. Б. Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 40–48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25774766>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vsatnn>.
12. Боярская А. В. Особенности доказывания, осуществляемого в рамках особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2 (45). С. 104–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dokazyvaniya-osuschestvlyаемого-v-ramkah-osobogo-poryadka-sudebnogo-razbiratelstva-pri-zaklyuchenii-dosudebnogo?ysclid=m9tub6o4t6745133228>.
13. Шейфер С. А. Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в связи с принятием Ф3-23 от 4 марта 2013 года // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 160–165. URL: <https://elpub.ru/elpub-article/vnsu/585>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21742206>. EDN: <https://elibrary.ru/shukgx>.
14. Лазарева В. А. Сокращенное дознание и вопросы доказательного права // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 1. С. 37–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sokraschennoe-doznanie-i-voprosy-dokazatel'nogo-prava>.

References

1. Sheifer S. A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoi, sudebnoi i prokurorskoj vlasti* [Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial authorities]. Moscow: Norma: Infra-M, 2019, 192 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/document?id=359496&ysclid=m9tmndiuk989370745> [in Russian].
2. Arseniev V. D. *Voprosy obshchei teorii sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse: monografiya* [Issues of the general theory of judicial evidence in Soviet criminal process: monograph]. Moscow, 1964, 179 p. Available at: <https://ru.z-library.sk/book/3263195/4873c0/Вопросы-общей-теории-судебных-доказательств-в-советском-уголовном-процессе.html?dsource=recommend> [in Russian].
3. Morshhakova T. G. «*Osobyi poryadok*» *real'no mozhet posadit' real'no nevinovnykh* [«Special order» can really imprison the really innocent]. Retrieved from the information and legal portal «Zakonia». Available at: <https://www.zakonia.ru/blog/osobyj-porjadok-realno-mozhet-posadit-realno-nevinovnykh> [in Russian].
4. Lazareva V. A. *Problemy otsenki dopustimosti dokazatel'stv po ugolovnomu delu, postupivshemu s obvinitel'nym postanovleniem* [The problems of assessment admissibility of the evidence in a criminal case, that will go to the court with an indictment regulation]. *Glagol' pravosudiya*, 2016, no. 2 (12), pp. 78–83. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-otsenki-dopustimosti-dokazatelstv-po-ugolovnomu-delu-postupivshemu-v-sud-s-obvinitelnym-postanovleniem?ysclid=m9tpth3bfu7678502> [in Russian].

5. Shafer S. A., Nikolaeva K. A. *K voprosu o strukture dokazyvaniya* [On the structure of the burden of proof]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Tomsk State University Journal of Law], 2016, no. 2 (20), pp. 82–87. DOI: <http://doi.org/10.17223/22253513/20/10> [in Russian].
6. Larin A. M. *Rabota sledovatelja s dokazatel'stvami* [Investigator's work with evidences]. Moscow, 1966, 155 p. Available at: <https://ru.z-library.sk/book/6120738/099c19/Работа-следователя-с-доказательствами.html?dsource=recommend> [in Russian].
7. Lazareva V. A. *Dokazyvanie v ugolovnom protsesse: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. 5-e izd., pererab. i dop.* [Evidence in criminal proceedings: textbook for Bachelor's programme and Master's programme. 5th edition, revised and enlarged]. Moscow, 2015, 359 p. Available at: <https://urait.ru/book/dokazyvanie-v-ugolovnom-processe-381121> [in Russian].
8. Rossinskiy S. B. *Sobiranie dokazatel'stv vs issledovanie dokazatel'stv v kontekste sheiferovskoi teorii sledstvennykh deistvii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Uchitelya)* [Collection of evidence VS examination of evidence in the context of Shafer theory of investigative actions (on the 100th anniversary of the Teacher's birthday)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 47–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-47-54> [in Russian].
9. Belkin R. S. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, 2009, 768 p. [in Russian].
10. Andreyeva O. I., Lon S. L., Rukavishnikova A. A., Trubnikova T. V. *Vektor napravleniya dal'neishego razvitiya ugolovnogo sudoproizvodstva* [Vector of the direction of further development of criminal legal proceedings]. *Ugolovnoe pravo*, 2017, no. 4, pp. 5–9. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32309226>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ymlkv> [in Russian].
11. Rossinskiy S. B. *Osobyi poryadok sudebnogo razbiratel'stva kak orma dokazyvaniya obstoyatel'stv ugolovnogo dela: vozrazheniya opponentam* [Special trial order as one of the arguments to prove the circumstances of the criminal case: objection against opponents]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2016, no. 4, pp. 40–48. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25774766>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vsatnn> [in Russian].
12. Boyarskaya A. V. *Osobennosti dokazyvaniya, osushchestvlyаемого v ramkakh osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve* [Peculiarities of proof performed within a framework of special procedure of the trial while making a pre-trial agreement about cooperation]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia], 2012, no. 2 (45), pp. 104–107. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dokazyvaniya-osuschestvlyаемого-v-ramkah-osobogo-poryadka-sudebnogo-razbiratel'stva-pri-zaklyuchenii-dosudebnogo?ysclid=m9tu6bo4t6745133228> [in Russian].
13. Sheifer S. A. *Transformatsiya stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela v svyazi s prinyatiem FZ-23 ot 4 marta 2013 goda* [Transformation stage of criminal proceedings in connection with the adoption of FZ-23 from March 4, 2013]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences], 2014, no. 2 (17), pp. 160–164. Available at: <https://elpub.ru/elpub-article/vnsu/585>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21742206>. EDN: <https://elibrary.ru/shukgx> [in Russian].
14. Lazareva V. A. *Sokraschennoe doznanie i voprosy dokazatel'nogo prava* [The abbreviated inquiries and the questions of evidentiary law]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute], 2015, no. 1, pp. 37–43. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sokraschennoe-doznanie-i-voprosy-dokazatel'nogo-prava> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-58-65

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.14

Дата поступления: 18.01.2025
рецензирования: 26.02.2025
принятия: 12.05.2025

Собирание и исследование доказательств: каковы критерии их разграничения?

С. Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация: В статье освещаются результаты очередного этапа научных изысканий автора, проводимых в отношении феномена исследования доказательств как одного из непреложных компонентов деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, других участников уголовного судопроизводства, направленной на установление имеющих значение для уголовных дел обстоятельств и обоснование соответствующих правоприменительных актов. Для понимания подлинной роли исследования доказательств проводится его сравнение с другим компонентом доказывания – собиранием доказательств. Обращается внимание, что в реальной практической деятельности исследовательские приемы нередко предрасположены к настолько сильному слиянию с процессуально-созидательными приемами по собиранию соответствующих доказательств, что их разграничение является достаточно сложной задачей. И в этой связи критерии для разграничения собирания и исследования доказательств предлагается усматривать в различном предназначении указанных компонентов доказывания, обуславливающих разные по смыслу, характеру и содержанию приемы работы дознавателей, следователей, судей, других участников уголовного судопроизводства. Роль собирания доказательств предлагается усматривать в накоплении полезных для нужд доказывания предметов, документов, нематериальных сведений путем их юридического преобразования в установленные законом и пригодные к использованию информационные активы, тогда как роль исследования доказательств – в должном восприятии, изучении и анализировании таких активов

Ключевые слова: доказательства; доказывание; исследование доказательств; оглашение доказательств; проверка доказательств; следственные действия; собирание доказательств; уголовно-процессуальное познание.

Цитирование. Россинский С. Б. Собирание и исследование доказательств: каковы критерии их разграничения? // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 58–65. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-58-65>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Россинский С. Б., 2025

Сергей Борисович Россинский – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.01.2025
Revised: 26.02.2025
Accepted: 12.05.2025

Accumulation and monitoring of evidence: what are the criteria for distinguishing them?

S. B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Abstract: The article highlights the results of the next stage of the author's scientific research, which was conducted in relation to the phenomenon of evidence monitoring as one of the mandatory components of the activities of preliminary investigation bodies, the prosecutor's office, the court, and other participants in criminal proceedings, which is aimed at establishing circumstances that are significant for criminal cases and substantiating the relevant law enforcement acts. To understand the true role of evidence monitoring, it is compared with another component of proof – the accumulation of evidence. It is noted that in real practical activities, monitoring techniques are often so closely merged with procedural and creative techniques for accumulating relevant evidence that their distinction is a rather complex task. And in this regard, the criteria for distinguishing between the accumulation and monitoring of evidence are proposed to be seen in different purposes of these components of proof, which determine the different in meaning, nature and content techniques of the police, investigators, judges, and other participants in criminal proceedings. The role of evidence accumulation is proposed to be seen in the accumulation of objects, documents, and intangible information useful for the needs of proof

by means of their legal transformation into information assets established by law and suitable for use, while the role of evidence monitoring is in the proper perception, study, and analysis of such assets.

Key words: evidence; proving; evidence monitoring; disclosure of evidence; verification of evidence; investigative actions; evidence accumulation; criminal procedural knowledge.

Citation. Rossinskiy S. B. *Sobiranie i issledovanie dokazatel'stv: kakovy kriterii ikh razgranicheniya?* [Accumulation and monitoring of evidence: what are the criteria for distinguishing them?]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 58–65. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-58-65> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Rossinskiy S. B., 2025

Sergey B. Rossinskiy – Doctor of Laws, professor, chief researcher of the sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10, Znamenka Street, Moscow, 119019, Russian Federation.

Введение

В третьем номере Юридического вестника Самарского университета за 2024 год была опубликована моя статья «Собирание доказательств vs исследование доказательств в контексте шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя)» [1]. Статья посвящалась 100-летию со дня рождения известного ученого-правоведа позднесоветского и начала постсоветского периодов, одного из крупнейших специалистов в сфере уголовно-процессуального доказывания в целом и собирания доказательств в частности, «отца-основателя» признанной юридической общественностью теории следственных действий [2; 3] профессора С. А. Шейфера – одного из моих наставников, настоящего Учителя, сумевшего вызвать непреложную увлеченность своей излюбленной научной проблематикой, человека, с которым посчастливилось быть знакомым и находиться не только в деловых, но и подлинно дружеских отношениях в течение более чем полутора десятков лет.

В статье рассматривались наиболее вероятные причины, которые привели к наблюдаемому в настоящее время доктринальному и нормативному смешению различных компонентов работы органов предварительного расследования, суда, других участников уголовного судопроизводства с доказательствами – их собиранием и исследованием. Эти причины связывались с некоторыми шероховатостями, упущениями, а точнее, лакунами и недосказанностями шейферовской теории следственных действий как одного из прикладных воплощений возникшей несколькими годами ранее так называемой кибернетической (информационной) концепции доказывания, фактически предполагающей сведение всей работы с доказательствами лишь к информационному процессу [4, с. 62; 5, с. 73], то есть к накоплению, верификации и рейтингованию неких информационных активов (читай – к собиранию, проверке и оценке доказательств), но почему-то без потребности в их исследовании (!) и дальнейшем использовании в качестве аргументационных ресурсов.

В завершение статьи обращалось внимание на необходимость постепенного разрешения данных проблем. Более того, были спрогнозированы

возникающие перед учеными-процессуалистами, в первую очередь учениками и последователями С. А. Шейфера, перспективы серьезных доктринальных изысканий: указывалось о вскрытии целого пласта практически неизведанных направлений научной работы, состоящей во всестороннем и детальном рассмотрении феномена исследования доказательств как одного из полноценных компонентов уголовно-процессуального доказывания, в том числе в выявлении и осмыслении его сущностных признаков и отличий собирания и проверки доказательств.

Одновременно говорилось о собственных намерениях принять посильное участие в таких изысканиях. И в этой связи на протяжении последних месяцев предпринимались попытки подступиться к реализации столь претензионных научных замыслов. Первым итогом работы в данном направлении и посвящена настоящая статья.

Почему исследование доказательств нельзя признавать фрагментом их собирания?

За последние годы мне уже неоднократно доводилось заявлять об автономном характере исследования доказательств, рассматривать его в качестве полноценного компонента уголовно-процессуального доказывания. Об исследовании заявлялось как о необходимом атрибуте работы с любыми доказательствами, существующем наряду (!) с их собиранием, проверкой и оценкой. А его предназначение связывалось с сугубо познавательной деятельностью дознавателей, следователей, прокуроров, судей, прочих субъектов доказывания, с улавливанием ими поступающих информационных сигналов [6, с. 26].

В чем-то схожие позиции ранее высказывались и учеными-криминалистами. Например, Р. С. Белкин соотносил познание и исследование доказательств как целое и часть, то есть считал его (исследование) разновидностью познавательной деятельности [7, с. 48]. В. П. Василенко, признавая исследование одним из этапов работы с доказательствами, увязывал его с извлечением и осмыслением полезной для нужд доказывания информации [8, с. 67]. Близкие по смыслу суждения можно встретить и в других публикациях. Хотя существуют и несколько иные точки зрения, пред-

полагающие попытки отождествления феномена исследования доказательств лишь с судебно-экспертной практикой, в первую очередь с экспертными исследованиями потенциальных вещественных доказательств [9, с. 83].

Конечно, идеи об автономности исследования доказательств, о потребности в его признании отдельным, самостоятельным компонентом уголовно-процессуального доказывания, на первый взгляд, могут показаться достаточно надуманными, не имеющими никакого смысла. Ведь установленная ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ / Кодекс) структура доказывания, сводящаяся к хорошо известной трехчленной формуле: «собрание доказательств → проверка доказательств → оценка доказательств», – будто и так предполагает возможность улавливания субъектами-познавателями различных информационных сигналов, как бы «считывания» закодированных в них гносеологических посылов. Вроде бы подобные познавательные потребности вполне удовлетворимы путем собирания доказательств, а иногда – их проверки, часто выполняемой с помощью сходных с тем же собиранием когнитивно-установочных приемов.

Однако такое впечатление обманчиво. В результате обстоятельного и вдумчивого погружения в проблематику уголовно-процессуального доказывания в целом, детального изучения и анализа феноменов собирания и исследования доказательств в частности возникает убежденность в невозможности поглощения одним (собранием) другого (исследования) – существенные, в некотором смысле даже методологические различия между ними начинают представляться вполне очевидными. Становится ясно, что собирание доказательств надлежит отождествлять не с познанием, а лишь с накоплением дознавателями, следователями, судами либо экспертами (!) востребованных для нужд доказывания предметов, документов, нематериальных сведений путем их юридического преобразования в установленные Кодексом информационные активы, пригодные к использованию для аргументации приговоров либо других правоприменительных актов. Иными словами, собирание доказательств – это не столько про улавливание субъектами-познавателями информационных сигналов, не столько про «считывание» закодированных в них гносеологических посылов, сколько про их юридическое превращение в допустимые средства доказывания, то есть про их своеобразную процессуальную сертификацию с одновременным включением в общий массив доказательственного материала.

Правда, ввиду гносеологического многообразия подлежащих такому собиранию объектов, различных источников их происхождения оно (собрание) может осуществляться посредством либо формирования доказательств, либо их приобщения к уголовному делу. Так, под формированием надо понимать осуществляемую путем производства следственных и судебных действий, судебных экспертиз (то есть в условиях юридической формы,

юридического «ритуала») процессуальную деятельность, направленную на возникновение новых информационных активов: показаний, экспертных заключений, результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий. Тогда как приобщением доказательств следует считать несколько иной юридический «ритуал» – процедуру формального признания допустимыми средствами доказывания: вещественными доказательствами, алиасными (иными) документами, заключениями специалиста – предметов и документов, первоначально появляющихся за рамками уголовно-процессуальных правоотношений и лишь затем попадающих на стол к следователю (дознавателю) либо в зал судебного заседания в состоянии фактической готовности к использованию по назначению.

Замысел настоящей статьи вовсе не подразумевает очередного изложения авторской позиции о дифференциации средств уголовно-процессуального доказывания на формируемые и так называемые паратусные (собираемые посредством приобщения к уголовному делу). Тем более, у меня нет никаких намерений затевать очередной раунд соответствующей полемики с оппонентами – этой материи посвящены многие другие публикации. Однако хотелось бы еще раз обратить внимание на весьма важный нюанс – на вынужденное признание некогда допущенной ошибки (изначально о признании этой ошибки было заявлено в той самой, вышеупомянутой статье «Собрание доказательств vs исследование доказательств в контексте шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения учителя)»). Ведь прежде формирование доказательств казалось чем-то, предполагающим полную интеграцию улавливания субъектами-познавателями информационных сигналов, «считывания» закодированных в них гносеологических посылов с их накоплением посредством юридического преобразования в допустимые информационные активы, то есть некое слияние «когнитивности» и «ритуальности» в абсолютно неразделимую, как бы монолитную общность. Тогда как приобщение доказательств к материалам дознавательского, следственного или судебного производства (в еще более ранних публикациях оно называлось просто собиранием доказательств) представлялось чем-то сугубо процедурно-накопительским, тотальным воплощением «ритуальности», начисто лишенным какой-либо примеси «когнитивности».

Вместе с тем в итоге дальнейших изысканий и раздумий постепенно наступило уразумение некоторой несправедливости данной точки зрения – появилось осознание потребности в ее частичном пересмотре. Конечно, сами по себе следственные и судебные осмотры, допросы, эксперименты, другие предусмотренные Кодексом познавательно-направленные действия, в том числе судебные экспертизы, продолжают по-прежнему видаться имеющими достаточно сложную, интеграционную природу – позволяющими, с одной стороны, улавливать различ-

ные сигналы, «считывать» закодированные в них гносеологические послы, а с другой – одновременно преобразовать их в юридически пригодные для нужд доказывания (допустимые) информационные активы. Однако подобное слияние «когнитивности» с «ритуальностью» больше не представляется главным отличием формирования доказательств от введения предметов и документов в досудебное или судебное производство в качестве паратусных средств доказывания. Напротив, возникла уверенность, что сама по себе «когнитивность» не присуща ни формированию доказательств, ни их приобщению к уголовному делу. Другими словами, собиранию доказательств как одному из легально определенных компонентов доказывания, как начальному элементу предусмотренной ст. 85 УПК РФ трехчленной формулы никакие детерминированные гносеологическими закономерностями восприятия, изучения, анализа полезной информации познавательные приемы просто несвойственны!

И формирование доказательств, и приобщение в качестве таковых к уголовному делу различных предметов и документов – это не более чем разные способы юридической сертификации накапливаемых информационных активов, сопровождаемой их признанием пригодными к использованию, то есть допустимыми средствами уголовно-процессуального доказывания. И следовательно, критерии для дифференциации таких способов надлежит усматривать не столько в наличии / отсутствии познавательных приемов, фрагментов «когнитивности», сколько в гносеологическом многообразии подлежащих процессуально «освоению» сведений, в различных источниках их происхождения. Формирование нужно ассоциировать с изначально «бесформенными», хаотично запечатленными в объективной реальности либо человеческой памяти фрагментами ценной информации, подлежащей превращению в показания, экспертные заключения или результаты (протоколы) следственных либо судебных действий в ходе производства соответствующих процессуально-созидательных действий: осмотров, обысков, допросов, предъявлений для опознания, судебных экспертиз и т. д., – то есть путем создания, «сотворения» новых информационных продуктов. Приобщение, в свою очередь, надлежит увязывать с возникшими, в частности созданными вне уголовно-процессуальных правоотношений и затем попадающими в распоряжение дознавателя, следователя, суда, предметами либо документами, в связи с чем нуждающимися в юридической легализации, осуществляемой посредством их формального признания паратусными доказательствами и введения в общую доказательственную массу, но не в качестве когнитивного сырья либо полуфабрикатов, а в качестве находящихся в готовности к использованию изделий.

И, таким образом, представляется, что подлинно познавательные приемы, подлинные фрагменты «когнитивности», сводящиеся не к накоплению и сертификации информационных активов, а к вос-

приятию, анализируемому, изучению ценных для нужд доказывания сведений, то есть к улавливанию субъектами-познавателями поступающих информационных сигналов, к «считыванию» закодированных в них гносеологических послы, свойственны не столько собиранию, сколько другому необходимому компоненту работы с доказательствами – их исследованию. Именно оно (исследование) сводится к вербальной либо невербальной перцепции «следов преступления» (следов в широком смысле – как любых материальных либо идеальных отражений объективной реальности). Именно оно состоит в постижении и осмыслении дознавателями, следователями, прокурорами, защитниками, судьями, другими субъектами доказывания содержания накопленных (накапливаемых) либо только предполагаемых к накоплению информационных активов, в распознавании и должном усвоении их внешних и внутренних признаков, свойств, атрибутов, к формированию на основе воспринятого контента соответствующих мысленных образов. Именно результаты исследования доказательств во многом способствуют их проверке, надлежащей оценке, обеспечивают возможность их использования по назначению.

Другое дело, что в реальной практической деятельности сугубо познавательные (читай – исследовательские) приемы нередко предрасположены к слиянию с одновременно осуществляемыми процессуально-созидательными приемами по накоплению (читай – собиранию) соответствующих доказательств в единые общности, предполагающие вышеупомянутую интеграцию «когнитивности» и «ритуальности». Причем особо высокой степенью смешения когнитивных улавливаний субъектами-познавателями информационных сигналов, «считываний» закодированных в них гносеологических послы с их юридическими преобразованиями в пригодные к использованию в качестве средств доказывания информационные активы, несомненно, характеризуются следственные и судебные действия, а также судебные экспертизы. В этой связи четкое практическое разграничение фрагментов собирания и исследования доказательств, их аккуратное «раскладывание по полочкам» являются достаточно сложной задачей. И хотя теоретические критерии для такого разграничения представляются вполне понятными и очевидными, указанная задача, увы, оказалась не под силу подавляющему большинству специалистов. На сегодняшний день испытать гордость за внесение определенной лепты в ее разрешение, да и вообще за распознавание разницы между собиранием и исследованием доказательств могут очень немногие, не обремененные стереотипами ученые [10, с. 21–22; 11, с. 188].

Почему исследование доказательств лучше заметно в судебном производстве по уголовному делу?

Невзирая на достаточно пренебрежительное отношение законодателя к феномену исследова-

ния доказательств, утверждать о полном нормативном забвении этого компонента доказывания все же не приходится – ему уделяется некоторое внимание в «судебных» нормах уголовно-процессуального права. Так, в ст. 240 УПК РФ устанавливается требование о непосредственности судебного исследования доказательств (!), а в ст. 274 УПК РФ – его порядок (очередность); в ст. 291 УПК РФ говорится об окончании судебного исследования доказательств (!), а в ст. 389.13 УПК РФ – об «апелляционном» исследовании доказательств (!), не попавших в зону внимания суда первой инстанции. В статье 246 УПК РФ предусматриваются возможности участия в судебном исследовании доказательств (!) государственного (частного) обвинителя, а в ст. 249 УПК РФ – встречные правомочия защитника и т. д. Более того, исходя из смысла закона, именно ему (исследованию) уготована роль одного из базовых компонентов судебного доказывания. Тогда как судебному собиранию доказательств, по сути, придается лишь второстепенное значение – невзирая на множество нормативных «намёков» и «подсказок», о суде как о субъекте собирания доказательств прямо говорится только в ч. 1 ст. 86 УПК РФ.

Согласиться с таким нормативным подходом достаточно сложно. Однако причины его возникновения вполне объяснимы – по всей видимости, феномен судебного исследования доказательств привлек внимание законодателя (читай, авторов-разработчиков Кодекса) ввиду заметности для «невооруженного глаза», то есть предрасположенности к выявлению, обнаружению и пониманию глубоко не погруженными в проблематику уголовно-процессуального доказывания лицами. Ведь в ходе судебных разбирательств уголовных дел либо прочих относящихся к исключительному ведению суда вопросов достаточно часто возникают потребности не столько в получении новых, сколько в перцепции, изучении, анализировании уже имеющихся, накопленных ранее информационных активов, в первую очередь доказательственных материалов, собранных посредством досудебных производств. Более того, будучи подчинено известным условиям реализации судебной власти: устности, гласности, обеспечению доступа к правосудию и др., – судебное исследование доказательств нуждается в достаточно четкой формализации, в связи с чем может осуществляться лишь в установленном законом порядке. Для решения подобных задач предусматриваются специальные, нехарактерные для стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования процессуально-когнитивные действия: оглашение прежних показаний подсудимых, потерпевших, свидетелей, экспертных заключений, протоколов следственных действий, прочих документов, осмотры вещественных доказательств и т. д. Несвязанность всех этих сугубо когнитивных приемов с собиранием доказательств, то есть с накоплением предметов, документов, сведений путем их юридического преобразования в допустимые информационные

активы, представляется достаточно очевидной. И таким образом, по всей вероятности, законодатель просто не смог проигнорировать надобность нормативной регламентации приемов судебного исследования доказательств – оно слишком сильно бросалось и продолжает бросаться в глаза, слишком выделялось и продолжает выделяться на общем фоне механизмов доказывания. К слову, точно такие же ошибки присущи и многим научным публикациям, в которых феномен исследования доказательств связывается исключительно с судебными стадиями уголовного судопроизводства [12, с. 31].

Вместе с тем достаточно близкие по предназначению, направленные на решение схожих когнитивных задач, но присущие не судебному, а досудебному производству познавательные приемы оказались для законодателя, равно как и для подавляющего большинства ученых-процессуалистов, не столь очевидными. Они не привлекли к себе правотворческого внимания, в связи с чем не получили какого-либо нормативного отражения в положениях доказательственного права – исходя из смысла закона, должностным лицам органов предварительного расследования, а в некоторой степени и защитникам, и другим невластным субъектам уголовно-процессуальных правоотношений предписано работать с доказательствами в четком соответствии с установленной ст. 85 УПК РФ трехчленной формулой.

В частности, пока что еще очень немногим специалистам удавалось подметить, что надобность в исследовании предварительно собранных и уже находящихся в уголовном деле доказательств может быть свойственна не только механизмам судебного познания, что одними лишь «судебными» правоотношениями эти потребности не ограничены! Мало кому посчастливилось уразуметь характерность точно таких же или, по крайней мере, весьма схожих когнитивных задач для досудебного производства, осознать и осмыслить постоянно присущую работе дознавателей, следователей, а также их процессуальных «визави» необходимость восприятия, изучения, анализирования ранее накопленных информационных активов. Кроме того, не были учтены познавательные приемы, состоящие в превентивном восприятии, изучении и анализировании дознавателями и следователями каких-либо предметов и документов еще до их признания пригодными к использованию паратусными доказательствами и приобщения к уголовному делу – именно в целях установления наличия либо отсутствия оснований для принятия соответствующих решений.

Но тем не менее такие потребности – это вполне обычные реалии правоприменительной практики; они возникают и, следовательно, нуждаются в удовлетворении по всем уголовным делам, по крайней мере по подавляющему большинству находящихся в производстве органов предварительного расследования. Ведь любому дознавателю либо следователю приходится знакомиться с со-

держанием поступающих в его ведение экспертных заключений, алиасных (иных) документов, материалов, содержащих результаты непроцессуальной, в первую очередь оперативно-розыскной, деятельности, прочих информационных активов. Каждому из них надлежит изучать протоколы и другие материалы осуществленных без его непосредственного участия следственных действий, в том числе «перешедшие по наследству» от ранее ведущих соответствующие дела дознавателей и следователей, сформированные коллегами в порядке исполнения «отдельных поручений» и т. д. Тогда как обвиняемым, защитникам, потерпевшим, другим невластным субъектам доказывания желательно в пределах своих полномочий знакомиться с накопленными информационными активами для уяснения перспектив дальнейшего производства по уголовному делу в целом и определения вектора своего поведения в частности. В противном случае ни проверить, ни оценить на предмет относимости, допустимости, достоверности, ни продуктивно использовать все эти материалы для нужд доказывания станет просто невозможным.

Правда, ввиду принципиально иных по сравнению с судебным разбирательством полуинквизиционных условий дознавательской и следственной деятельности – ее камеральности (кабинетности), относительной тайности, письменности, «следственной автократии» и т. п. – для удовлетворения всех указанных когнитивных потребностей кака-либо существенная формализация соответствующих познавательных приемов просто не нужна. Вряд ли кому-то могут показаться разумными некие предусмотренные законом требования, вынуждающие дознавателя или следователя, уподобляясь суду, громко оглашать самому себе «в тиши кабинета» только что полученное экспертное заключение, материал, содержащий результаты оперативно-розыскной деятельности, или какой-либо иной документ. Поэтому такие потребности подлежат удовлетворению в необремененном особыми юридическими гарантиями, то есть достаточно свободном режиме, обычно сводящемся к банальному прочтению либо просмотру соответствующих документов (к визуальному обследованию соответствующих предметов) в любое удобное время – как бы в перерывах между процессуальными действиями.

Вместе с тем существуют и некоторые исключения – прямо предусмотренные законом процедуры, сводящиеся к ознакомлению обвиняемых, защитников, потерпевших, других правомочных субъектов с материалами уголовных дел и не предполагающие столь свободный процессуальный режим досудебного исследования доказательств. Ввиду понятных причин данные механизмы не могут обойтись без некоторой формализации, без обременения рядом юридических гарантий, способствующих как обеспечению правовой защищенности указанных лиц, так и снижению рисков злоупотребления предоставленными им процессуальными возможностями. В этой связи «предсудебные» ознакомления со всеми материалами уго-

ловных дел четко регламентируются ст. 216–218 УПК РФ, а «текущие» ознакомления с некоторыми документами, например с заключениями эксперта, осуществляются в режиме, предполагающем правовую преемственность по отношению к данным положениям закона.

Выводы

Завершая настоящую статью, хотелось бы еще раз задаться вопросом, вынесенным в ее наименование и, следовательно, предопределившим ее предмет: каковы критерии разграничения собирания и исследования доказательств? Думается, что, опираясь на итоги проведенных изысканий, ответить на него достаточно просто.

Резюмируя все вышесказанное, можно с уверенностью заявить, что, несмотря на достаточно тесное переплетение фрагментов собирания и исследования доказательств в правоприменительной практике, на сложности в выявлении и распознавании параметров для их разграничения, особенно в досудебном производстве по уголовному делу, такие критерии все же существуют. Они связаны с сугубо индивидуальными ролями, собственными предназначениями указанных компонентов доказывания, обуславливающими разные по смыслу, характеру и содержанию приемы работы дознавателей, следователей, судей, других участников уголовного судопроизводства. И в этой связи поглощение исследования доказательств их собиранием, равно как и наоборот, представляется невозможным.

Собирание доказательств состоит не в познании, а лишь в накоплении уполномоченными субъектами полезных для нужд доказывания предметов, документов, нематериальных сведений путем их юридического преобразования в установленные законом и пригодные к использованию по назначению (допустимые) информационные активы, то есть в своеобразной процессуальной сертификации с одновременным включением в общий массив доказательственного материала. Тогда как исследование доказательств, напротив, выполняет не процедурно-накопительскую, а именно когнитивную роль – заключается в улавливании субъектами-познавателями различных информационных сигналов, в «считывании» закодированных в них гносеологических посылов, то есть в должном восприятии, изучении и анализировании собранных либо подлежащих собиранию доказательственных активов в целях их дальнейшей проверки, оценки на предмет относимости, допустимости, достоверности, а также продуктивного использования в качестве средств доказывания.

И наконец, в качестве научного постскриптума хотелось бы обратить внимание на невозможность детального освещения в рамках настоящей, к слову, весьма ограниченной в объеме статьи многих других нуждающихся в доктринальном осмыслении проблем, связанных с феноменом исследования доказательств по уголовному делу. Их рассмотрение планируется в самом обозримом будущем.

Библиографический список

1. Россинский С. Б. Собрание доказательств vs исследование доказательств в контексте шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя) // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 47–54. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-47-54>.
2. Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. Москва: ВЮЗИ, 1972. 130 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47373121>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jupkkw>.
3. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. Москва: Юрлитинформ, 2001. 208 с. URL: https://www.studmed.ru/view/sheyfer-sa-sledstvennye-deystviya-sistema-i-processualnaya-forma_87b4df0811c.html.
4. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. Москва: Юристъ, 2009. 174 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19781240>. EDN: <https://elibrary.ru/qqwrxz>.
5. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Москва: Проспект, 2009. 376 с. URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392146949.html>.
6. Россинский С. Б. Собрание, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 24–27. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29115723>. EDN: <https://elibrary.ru/yndpyz>.
7. Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Москва: Наука, 1966. 295 с.
8. Василенко В. П. Исследование доказательств на предварительном следствии. Москва: Академия МВД СССР, 1978. 134 с.
9. Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. Москва: Издательство Московского университета, 1989. 182 с.
10. Жусипбекова А. М. Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3 (35). С. 19–23. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49535708>. EDN: <https://elibrary.ru/hesqfg>.
11. Конин В. В. Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 185–191. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68507520>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mzvmbo>.
12. Васяев А. А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе. Москва: Юрлитинформ, 2016. 472 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25072960>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vclrud>.

References

1. Rossinskiy S. B. *Sobiranie dokazatel'stv vs issledovanie dokazatel'stv v kontekste sheyferovskoi teorii sledstvennykh deistvii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Uchitelya)* [Collection of evidence VS examination of evidence in the context of the Shafer theory of investigative actions (on the 100th anniversary of the Teacher's birthday)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 47–54. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-47-54> [in Russian].
2. Shafer S. A. *Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse* [Nature and methods of collecting evidence in Soviet criminal proceedings]. Moscow: VYuZI, 1972, 130 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47373121>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jupkkw> [in Russian].
3. Shafer S. A. *Sledstvennye deystviya. Sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow: YurLitinform, 2001, 208 p. Available at: https://www.studmed.ru/view/sheyfer-sa-sledstvennye-deystviya-sistema-i-processualnaya-forma_87b4df0811c.html [in Russian].
4. Orlov Yu. K. *Problemy teorii dokazatel'stv v ugovnom protsesse* [Problems of the theory of evidence in criminal proceedings]. Moscow: Yurist', 2009, 174 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19781240>. EDN: <https://elibrary.ru/qqwrxz> [in Russian].
5. Dolya E. A. *Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Formation of evidence based on the results of operational-search activities]. Moscow: Prospekt, 2009, 376 p. Available at: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392146949.html> [in Russian].
6. Rossinsky S. B. *Sobiranie, formirovanie i issledovanie dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve: problemy razgranicheniya* [The gathering, formation and study of evidence in criminal proceedings: problems of differentiation]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2017, no. 5, pp. 24–27. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29115723>. EDN: <https://elibrary.ru/yndpyz> [in Russian].

7. Belkin R. S. *Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv* [Collection, investigation and evaluation of evidence]. Moscow: Nauka, 1966, 295 p. [in Russian].
8. Vasilenko V. P. *Issledovanie dokazatel'stv na predvaritel'nom sledstvii* [Study of evidence during preliminary investigation]. Moscow: Akademiya MVD SSSR, 1978, 134 p. [in Russian].
9. Samygin L. D. *Rassledovanie prestuplenii kak sistema deyatelnosti* [Investigation of crimes as a system of activity]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1989, 182 p. [in Russian].
10. Zhussipbekova A. M. *Issledovanie dokazatel'stv kak element dokazyvaniya po ugovnomu delu* [Investigation of evidence as an element of proving in a criminal case]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation], 2022, no. 3 (35), pp. 19–23. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49535708>. EDN: <https://elibrary.ru/hesqfg> [in Russian].
11. Konin V. V. *Issledovanie dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve: diskussionnye voprosy* [Evidence Research in Criminal Proceedings: Controversial Issues]. *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova* [Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov], 2024, no. 2 (99), pp. 185–191. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68507520>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mzvmbo> [in Russian].
12. Vasyaev A. A. *Teoriya issledovaniya dokazatel'stv v rossijskom ugovnom processe* [Theory of evidence research in Russian criminal procedure]. Moscow: Yurlitinform, 2016, 472 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25072960>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vcrlud> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-66-71

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.137.2

Дата поступления: 25.01.2025
рецензирования: 26.02.2025
принятия: 12.05.2025

Сокращенное дознание: современные реалии

Л. А. Сержантова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: lidia.yarigina@mail.ru

Аннотация: Автором дается анализ дознания в сокращенной форме как одной из разновидностей компромиссных и одновременно особых упрощенных процедур уголовного судопроизводства. Приведенный практический анализ процедуры главы 32.1 УПК РФ дает основание говорить о тенденции по значительному снижению случаев расследования и разрешения уголовных дел в сокращенной форме дознания. Однако для упрощенных компромиссных форм разрешения уголовно-правового конфликта имеется целый ряд предпосылок и запросов практики. Проведенный ретроспективный анализ отечественного законодательства выявил необходимые условия и формы расследования малозначительных преступлений, совершенных в условиях очевидности. Показаны значительные сходства дознания преступлений небольшой тяжести по положениям Устава Уголовного судопроизводства 1864 года и протокольной формы досудебной подготовки материалов уголовного дела 1964 года. Обоснована необходимость передачи проверочных материалов из стадии возбуждения уголовного дела по малозначительным преступлениям непосредственно мировому судье. Предлагаются две формы расследования таких преступлений в зависимости от условий очевидности.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме; протокольная форма досудебной подготовки материалов уголовного дела; непроцессуальная деятельность; упрощение и оптимизация; очевидные и малозначительные преступления; Устав Уголовного судопроизводства; упрощение уголовно-процессуальной формы.

Цитирование. Сержантова Л. А. Сокращенное дознание: современные реалии // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 66–71. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-66-71>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сержантова Л. А., 2025

Лидия Александровна Сержантова – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 25.01.2025
Revised: 26.02.2025
Accepted: 12.05.2025

Shortened inquiry: modern realities

L. A. Serzhantova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: lidia.yarigina@mail.ru

Abstract: The author provides an analysis of the inquiry in an abbreviated form as one of the types of compromise and at the same time special simplified procedures of criminal proceedings. The given practical analysis of the procedure of Chapter 32.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation gives grounds to speak about the tendency to significantly reduce the cases of investigation and resolution of criminal cases in the abbreviated form of inquiry. However, there are a number of prerequisites and requests of practice for simplified compromise forms of resolution of criminal-legal conflict. The conducted retrospective analysis of domestic legislation revealed the necessary conditions and forms of investigation of minor crimes committed under obviousness conditions. Significant similarities are shown between the inquiry of minor crimes according to the provisions of the Charter of Criminal Procedure of 1864 and the protocol form of pre-trial preparation of criminal case materials of 1964. The need to transfer verification materials from the stage of initiation of a criminal case on minor crimes directly to the justice of the peace is substantiated. Two forms of investigation of such crimes are proposed depending on the obviousness conditions.

Key words: inquiry in abbreviated form; protocol form of pre-trial preparation of materials of a criminal case; non-procedural activity; simplification and optimization; obvious and minor crimes; the Charter of Criminal Procedure; simplification of the criminal procedural form.

Citation. Serzhantova L. A. *Sokrashchennoe doзнание: sovremennye realii* [Shortened inquiry: modern realities]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 66–71. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-66-71> [in Russian].

Information on the conflict of interests: the author declared no conflicts of interests.

© Serzhantova L. A., 2025

Lidiya A. Serzhantova – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Сокращенная форма дознания была введена в 2013 году как один из вариантов компромиссной процедуры уголовно-процессуального судопроизводства России. Компромиссные процедуры предполагают достижение между сторонами обвинения и защиты консенсуса в разрешении возникшего уголовно-правового конфликта. Современными российскими учеными компромиссные процедуры исследуются достаточно подробно [1–3]. Помимо этого, дознание в сокращенной форме выступает одной из разновидностей особых упрощенных порядков уголовного судопроизводства.

По процедуре главы 32.1 УПК РФ обвиняемый соглашается с предъявленным ему обвинением, характером и размером причиненного преступления, вредом, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела, в обмен на снижение размера возможного максимального наказания наполовину. Также не должно быть возражений потерпевшего от преступления лица по данной форме расследования. Законодатель предусмотрел одновременное упрощение досудебного и судебного этапов расследования преступлений. Так, по задумке законодателя, дознаватель должен лишь установить главный факт – событие преступления, характер и размер причиненного им вреда, виновность лица в совершении преступления, – произведя неотложные следственные и иные процессуальные действия (ст. 226.5 УПК РФ). Предполагается, что в качестве доказательств по таким уголовным делам могут быть использованы материалы доследственной проверки, полученные способами, закрепленными в ст. 144 УПК РФ. Таким образом, дознаватель может не допрашивать лиц, если от них ранее были получены объяснения. За исключением обязательных случаев, появилась возможность вместо назначения судебной экспертизы использовать заключение специалиста из стадии возбуждения уголовного дела. Значительным образом упрощение связано именно с изменением подходов законодателя к доказыванию по уголовным делам, расследованным в сокращенной форме дознания.

Судебное следствие производится в усеченном порядке: приговор постановляется на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, а также дополнительных данных о личности подсудимого (ст. 226.9 УПК РФ).

С момента введения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в 2013 г. сокращенного дознания прошло более 10 лет. Это достаточно солидный срок для подведения промежуточных итогов и анализа состояния практики по данной упрощенной процедуре.

С момента введения данной упрощенной процедуры наблюдалась тенденция к постепенному увеличению применения главы 32.1 УПК РФ: в 2013 г. на территории России было 0,6 % случаев от общего количества уголовных дел, расследованных в форме дознания; в 2014 г. – 12,8 %; в 2015 г. – 13,7 %; в 2016 г. – 20,1 % случаев.

Результаты опросов дознавателей органов внутренних дел РФ по Самарской области в проводимом нами ранее исследовании были таковыми: в 2013 году половина (50 %) опрошенных сотрудников применяли сокращенную форму дознания, в 2017 году уже 100 % опрошенных сотрудников осуществляли расследование в сокращенной форме дознания [4, с. 12–13].

Однако статистика последних пары лет говорит об обратной тенденции. На территории страны уже в 2021 г. стала наблюдаться динамика по снижению количества расследованных в сокращенной форме уголовных дел. Так, в 2021 г. лишь 6,6 % уголовных дел, находящихся в производстве дознавателей, расследовались в форме сокращенного дознания [5, с. 119]. На территории Самарского региона в 2022 г. дознанием МВД России в суд для рассмотрения по существу направлено 6 290 уголовных дел, из них только 612 уголовных дел расследовано в сокращенной форме дознания, что составляет 9,7 %. В порядке ст. 237 УПК РФ возвращено 22 уголовных дела, из них 7 дел, окончательных в сокращенной форме, ввиду изменения позиции подсудимого. В 2023 г. дознанием МВД в суд для рассмотрения по существу направлено 5 934 уголовных дела, из них 529 было расследовано в сокращенной форме дознания, что составляет 8,9 %. В порядке ст. 237 УПК РФ возвращено 18 уголовных дел, из них 3 дела, окончательных в сокращенной форме, ввиду изменения позиции подсудимого.

Также наблюдается тенденция по еще большему сокращению перечня составов преступлений, расследование по которым проводилось в сокращенной форме. На территории Самарской области в 2022 г. из 612 уголовных дел, расследованных в сокращенной форме: по ст. 119 УК РФ (Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) – 39, по ст. 158 УК РФ (кража) – 97, по ст. 264.1 УК РФ (управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость) – 189, по ст. 322.3 УК РФ (фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации) – 105. В 2023 г. из 529 уголовных дел, расследованных в сокращенной форме: по ст. 119 УК РФ – 36, ст. 158 УК РФ – 63, ст. 264.1 УК РФ – 161, ст. 322.3 УК РФ – 99. Таким образом, всего по 4 составам преступле-

ний в настоящее время применяется сокращенное дознание на территории Самарской области (по данным прокуратуры Самарской области).

Проведенный опрос сотрудников прокуратуры и судей Самарской области также подтвердил тенденцию по значительному снижению количества расследованных и рассмотренных по правилам главы 32.1 УПК РФ уголовных дел на территории Самарского региона.

В то же время большинство исследователей сходятся во мнении, что упрощенные (сокращенные, ускоренные) формы производства по уголовным делам обусловлены целями процессуальной экономии, сокращением времени производства по уголовному делу, приближением возмездия за совершенное преступление к моменту совершения преступления, реализацией задачи социального умиротворения кратчайшим путем и т. п. [6; 7]. Кроме того, современное быстрое информационное общество требует ответа также в максимально короткие сроки.

Появление в УПК РФ глав 40, 40.1 и 32.1 является вполне объяснимой и логичной тенденцией последовательного упрощения уголовного судопроизводства с целью его оптимизации и удешевления [8]. Если процедуры глав 40 и 40.1 УПК РФ проявили себя как достаточно удобные и скорые на практике, то сокращенное дознание не оказалось таковым при имеющемся объективном запросе практики на оптимизацию и упрощение. Проводимые исследования также показали, что сокращенное дознание более быстрым не оказалось. Происходят дублирование опросов, допросов участников уголовного дела, повторные осмотры места происшествия. Кроме того, законодатель закрепил в ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ такое положение, что в обвинительном постановлении указываются все те же обстоятельства, что и в обвинительном акте, которым оканчивается дознание в общем порядке. Отсюда следует вывод, что дознаватель должен собрать полный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу из ст. 73 УПК РФ. Так в чем же простота сокращенного дознания?

Она заключается в усеченных пределах доказывания по уголовному делу: дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств (ст. 226.5 УПК РФ). Однако, как уже было показано на статистических данных, процедура главы 32.1 УПК РФ имеет крайне малую популярность у правоприменителей. Таким образом, при имеющихся объективных потребностях в упрощении практика отказывается расследовать уголовные дела в сокращенной форме дознания. Попытаемся разобраться в возникшем противоречии и предложить пути его разрешения.

Одним из основных критических замечаний правоприменителей до настоящего времени остается риск отказа подозреваемого от процедуры

сокращенного дознания на любом этапе, вплоть до удаления суда в совещательную комнату для принятия решения по делу и возвращения уголовного дела для проведения расследования в общей форме дознания. Это будет учитываться как негативный показатель качества работы правоохранительных органов и возможные риски утраты следов преступления в связи с прошествием времени с момента совершения преступления. Практика в самом начале применения главы 32.1 УПК РФ находила выход: судьи, применяя правила ч. 6 ст. 316 УПК РФ, переходили в общий порядок судебного разбирательства при наличии обстоятельств ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ. Представляется, что в этом есть смысл, так как доказательства на предварительном расследовании в форме сокращенного дознания собираются в значительном объеме. Однако, рассуждая далее, нам видится все же другой путь решения запросов практики на упрощение, и он кроется в предыдущем историческом опыте.

Понимая необходимость более простого порядка установления обстоятельств по малозначительным и очевидным преступлениям, законодатель в положениях Устава уголовного судопроизводства 1864 года предусмотрел следующую процедуру. По малозначительным преступлениям и проступкам, которые стали подсудны мировому судье, полиция путем проведения непроцессуальных действий устанавливала всю первичную информацию с закреплением ее в едином акте с приложением к нему всего собранного в результате дознания материала в виде вещественных доказательств, справок, иных документов [9, с. 5]. По уголовным делам, отнесенным к компетенции мировых судей, акты, составленные полицией в процессе дознания, могли быть положены в основу судебного приговора [10]. Для передачи материалов дела мировому судье полиция ограничивалась сбором самых общих сведений: 1) когда и где преступление совершено, 2) на кого падает подозрение и какие на то есть обстоятельства, 3) имеются в виду гражданский истец или свидетели, 4) место жительства всех указанных лиц (ст. 50 Устава Уголовного судопроизводства 1864 года). Если лицо было застигнуто на месте преступления, то его немедленно доставляли к мировому судье. Полиция передавала сообщение о случившемся мировому судье, только убедившись, что преступление действительно имело место и подозрение падает на конкретное лицо. По таким малозначительным очевидным делам дознание проводилось довольно быстро с уведомлением прокурора и мирового судьи о случившемся в течение суток (ст. 250–251 УУС). Судебное разбирательство в случае согласия лица с предъявленным ему обвинением отличалось усеченным форматом с исследованием только имеющих в деле доказательств. Если подсудимый отказывался признавать вину, происходили допрос свидетелей со стороны обвинения и защиты, допрос самого подсудимого. Затем суд переходил к исследованию других доказательств, имеющих в материалах

дела. Мировой судья лично производил осмотры, освидетельствования, обыски; производство следственных действий в крайних случаях, когда мировой судья собственноручно не мог их произвести (ст. 91, 92, 105, 106 УУС), поручалось полиции [11, с. 100]. Таким образом, по очевидно малозначительным преступлениям неформальное дознание в короткие сроки устанавливало необходимую информацию с передачей дела мировому судье. Если подсудимый не отрицал свою вину, то в суде исследовались лишь те доказательства, которые были указаны в акте, составленном полицией, с постановлением приговора. В случае несогласия лица с предъявленным обвинением мировой судья проводил полноценное судебное разбирательство с возможностью сбора дополнительных материалов уголовного дела.

В значительной мере этот опыт послужил базой для советского законодателя при формировании протокольной формы досудебной подготовки материалов уголовного дела как еще одной простой процедуры расследования малозначительных преступлений. Протокольная форма досудебной подготовки материалов уголовного дела появилась как ответ на очередной запрос практики, нуждающейся в более простой процедуре по очевидным преступлениям небольшой тяжести, в связи с превращением дознания из проверочной непроцессуальной деятельности в один из формализованных видов предварительного расследования. В УПК РСФСР в 1966 г. появилась глава 34, регулирующая процедуру протокольной формы расследования, которая полюбилась практикам и действовала вплоть до принятия нового УПК РФ 2001 г. Данная упрощенная процедура также допускала передачу материалов проверки сообщения о преступлении непосредственно в суд, минуя формализованное предварительное расследование. Весь собранный органами дознания материал по окончании досудебной подготовки материалов включался в один документ (протокол), содержащий сведения обо всех значимых для возбуждения дела и предъявления лицу обвинения обстоятельствах. Уголовное дело рассматривалось судом в общем порядке.

Ныне действующий УПК РФ 2001 г. в первоначальной редакции предусматривал дознание как более простую форму предварительного расследования, но все же проводимую по всем процессуальным правилам предварительного расследования, что не отвечало потребностям практики в скорости и неформальности расследования очевидных преступлений.

Осознавая это, законодатель вновь попытался придать дознанию по очевидным преступлениям некоторую долю неформальности, введя главу 32.1 УПК РФ. Он объединил две стадии в сокращенном дознании – возбуждение уголовного дела и предварительное расследование – и максимально упростил судебное разбирательство. Но, как было обозначено выше, допустил ряд серьезных неточностей в построении простой модели расследования.

В связи с вышеизложенным с целью преодоления непринятия практикой сокращенной формы дознания предлагается следующий порядок расследования преступлений небольшой тяжести, совершенных в условиях очевидности, когда лицо не отрицает своей вины.

Видится вполне обоснованным выделение двух способов упрощенного расследования в зависимости от явности совершенного преступления.

Первый вид процедуры может выглядеть следующим образом. Если имеются основания из ч. 1 ст. 91 УПК РФ и если подозреваемый соглашается со вменяемой ему виной, то лицо вместе с возможными очевидцами преступления может быть доставлено сотрудниками полиции к мировому судье не позднее чем за 8 часов до истечения 48-часового срока задержания. Сотрудником органа дознания составляется протокол задержания, в котором, помимо информации, указанной в ч. 2 ст. 92 УПК РФ, отражаются основная суть произошедших событий, контактные данные очевидцев. В качестве приложения к протоколу задержания должны быть приобщены результаты личного обыска, все иные вещественные доказательства, производимые фото- и видеоматериалы.

В отличие от максимально простого и скорого досудебного производства, судебное разбирательство у мирового судьи должно быть проведено в полном объеме. На наш взгляд, следует максимально использовать дореволюционный опыт ведения дел мировыми судьями, а также административные процессы. Мировой судья должен проявлять максимальную активность в сборе и изучении недостающих материалов дела путем проведения следственных и иных процессуальных действий – допросов, оглашения материалов дела, проведения осмотров, назначения судебных экспертиз в случае их необходимости и других.

Следует подчеркнуть, что в этих процедурах должен обязательно принимать участие адвокат как гарант законности проводимых в отношении подозреваемого действий, а также необходимо согласие последнего с данным более простым порядком расследования уголовного дела.

Возможно, следует подумать о закреплении определенного перечня составов преступлений, не представляющих значительной общественной опасности и не предусматривающих в качестве наказания лишения свободы, по которым допустим такой порядок расследования и разрешения уголовно-правового конфликта.

Вторая простая форма расследования преступлений видится следующим образом. В случае если не удастся собрать все необходимые материалы в столь короткие сроки, которые указаны при описании первой упрощенной процедуры расследования, дознавателю следует произвести проверку сообщения о преступлении различными непроцессуальными средствами, закрепленными в настоящее время в ч. 1 ст. 144 УПК РФ без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Данных по своей сущности оператив-

но-розыскных и административно-полицейских способов установления обстоятельств дела вполне достаточно для установления основных событий преступления, которое также будет являться малозначительным и достаточно очевидным. При этом следует максимально ограничиться от проведения различных следственных действий с их строгой процессуальной формой и не допустить дальнейшего расширения законодателем перечня следственных действий в проверочной стадии уголовного судопроизводства. Гарантии и права участников процесса должны соответствовать их фактическому статусу. Полученные неследственным путем материалы уголовного дела будут считаться допустимыми доказательствами в случае их проверяемости, соответствия конституционным принципам уголовного процесса, а также в том случае, если процедура получения данных материалов полностью соответствует положениям законов, регулирующих их получение.

По итогам проведения проверки сообщения о преступлении должно быть составлено обвинительное постановление, выступающее актом возбуждения уголовного дела и уголовного пре-

следования. Данная проверочная процедура может быть осуществлена в десятидневный срок. Поступившие в суд материалы уголовного дела должны быть рассмотрены в полном объеме.

Выводы

В связи с вышеизложенным, обозначим основные выводы. Для расследования несложных преступлений, не имеющих большого общественного значения, совершенных в условиях очевидности, сложной процессуальной формы уголовного судопроизводства объективно не требуется. Предшествующий исторический опыт ясно подсказывает, какой должна быть такая процедура. Дознание в сокращенной форме, не найдя отклика на практике, требует своего реформирования. Думается, что предложенные в работе варианты расследования малозначительных очевидных преступлений найдут более широкое применение в деятельности правоохранительных органов и будут отвечать их потребностям в процессуальной экономии и оптимизации, но не в ущерб основным правам и свободам человека и гражданина.

Библиографический список

1. Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара: СамГУ, 2011. 284 с. URL: https://kalinovskiy-k.narod.ru/b/kuvaldina_2011/index.html.
2. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2002. 542 с. URL: <https://djvu.online/file/1jiBkws5O5kM2>.
3. Маркелов А. Г. Идея уголовно-процессуального компромисса при производстве дознания в сокращенной форме. Москва, 2024. 343 с. DOI: <https://doi.org/10.23681/708803>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mibsur>.
4. Ярыгина Л. А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме: монография. Москва: Юрлитинформ, 2018. 200 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32454261>. EDN: <https://www.elibrary.ru/urergjg>.
5. Миронова А. В. Проблемы эффективности применения дознания в сокращенной форме // Актуальные проблемы теории практики уголовного процесса: сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. Н. С. Диденко. Ростов-на-Дону, 2023. С. 117–122. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50736337>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wfsise>.
6. Качалова О. В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография. Москва: Юрлитинформ, 2016. 242 с. URL: <https://www.iaaj.net/node/1915>.
7. Каретников А. С. Нужен ли особый порядок судебного рассмотрения уголовных дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве? // Законность. 2013. № 11. С. 27–32. URL: <http://pressa-lex.ru/?p=316>.
8. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкин. Москва: Статут, 2016. СПС «КонсультантПлюс». URL: https://znanium.ru/catalog/document?id=66647&from_similar=1.
9. Муравьев Н. В. Инструкция чинам полиции округа С.-Петербургской судебной палаты по обнаружению и исследованию преступлений. Санкт-Петербург: Тип. М.П.С. (А. Бенке), 1884. 127 с. URL: https://fictionbook.ru/author/agent_pdf/instrukciya_chinam_policii_okruga_s_pete/.
10. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Санкт-Петербург, 1995. 660 с. URL: <https://djvu.online/file/P00AnjihlfgXI>.
11. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1867. 374 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=255554&ysclid=m9wp5mo8o0506875873>.

References

1. Kuvaldina Yu.V. *Predposylki i perspektivy razvitiya kompromissnykh sposobov razresheniya ugolovno-pravovykh konfliktov v Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Prerequisites and prospects for the development of compromise methods

- of resolving criminal and legal conflicts in Russia: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Samara: SamGU, 2011, 284 p. Available at: https://kalinovsky-k.narod.ru/b/kuvaldina_2011/index.html [in Russian].
2. Golovko L.V. *Al'ternativy ugovnomu presledovaniya v sovremennom prave* [Alternatives to criminal prosecution in modern law]. Saint Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2002, 542 p. Available at: <https://djvu.online/file/1jiBkws5O5kM2> [in Russian].
3. Markelov A. G. *Ideya ugovno-protsessual'nogo kompromissa pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoi forme* [Idea of criminal and procedural compromise in the production of inquiry in an abbreviated form]. Moscow, 2024, 343 p. DOI: <https://doi.org/10.23681/708803>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mibsur> [in Russian].
4. Yarygina L. A. *Dokazyvanie pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoi forme: monografiya* [Proof in the production of inquiry in an abbreviated form: monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2018, 196 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32454261>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ypepjj> [in Russian].
5. Mironova A. V. *Problemy effektivnosti primeneniya doznaniya v sokrashchennoi forme* [Problems of the efficiency of using an abbreviated form of inquiry]. In: *Aktual'nye problemy teorii praktiki ugovnogo protsesssa: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Otv. red. N. S. Didenko* [Didenko N. S. (ed.) Topical issues of the theory of practice of criminal procedure: collection of materials of the International research and practical conference]. Rostov-on-Don, 2023, pp. 117–122. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50736337>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wfsise> [in Russian].
6. Kachalova O. V. *Vidy uskorenogo proizvodstva v rossiiskom ugovnom protsesse: monografiya* [Types of fast track procedure in Russian criminal proceedings: monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2016, 242 p. Available at: <https://www.uaaj.net/node/1915> [in Russian].
7. Karetnikov A. S. *Nuzhen li osoby poryadok sudebnogo rassmotreniya ugovnykh del v otnoshenii lits, zaklyuchivshikh dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve?* [Is a Special Procedure of Judicial Examination of Criminal Cases in Relations to Persons Entered into a Pre-Trial Agreement on Cooperation Required?]. *Zakonnost'*, 2013, no. 11, pp. 27–32. Available at: <http://pressa-lex.ru/?p=316> [in Russian].
8. *Kurs ugovnogo protsesssa. Pod red. L. V. Golovko* [Golovko L. V. (Ed.) Course of criminal procedure]. Moscow: Statut, 2016. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://znanium.ru/catalog/document?id=66647&from_similar=1 [in Russian].
9. Muravyov N. V. *Instruktsiya chinam politsii okruga S.-Peterburgskoi sudebnoi palaty po obnaruzheniyu i issledovaniyu prestuplenii* [Instructions for police officers of the St. Petersburg Judicial Chamber District on the detection and investigation of crimes]. Saint Petersburg: Tip. M.P.S. (A. Benke), 1884, 127 p. Available at: https://fictionbook.ru/author/agent_pdf/instrukciya_chinam_policii_okruga_s_pete/ [in Russian].
10. Cheltsov-Bebutov M. A. *Kurs ugovno-protsessual'nogo prava* [Course of criminal procedure law]. Saint Petersburg, 1995, 660 p. Available at: <https://djvu.online/file/P00AnjihlfgXI> [in Russian].
11. Kvachevsky A. A. *Ob ugovnom presledovanii, doznanii i predvaritel'nom issledovanii prestuplenii po Sudebnym ustavam 1864 goda. Ch. 2* [On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes under the Judicial Statutes of 1864. Part 2]. Saint Petersburg, 1867, 374 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/document?id=255554&ysclid=m9wp5mo8o0506875873> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-72-83

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.132

Дата поступления: 11.02.2025
рецензирования: 18.03.2025
принятия: 12.05.2025

Вопрос о процессуальных функциях следователя в научном наследии профессора С. А. Шейфера (к 100-летию со дня рождения Учителя)

А. А. Тарасов

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aatar@mail.ru

Аннотация: Профессор С. А. Шейфер как один из наиболее известных теоретиков предварительного следствия и уголовного процесса в целом в своих научных трудах последовательно настаивал на том, что единственной уголовно-процессуальной функцией следователя является функция расследования, то есть всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Он, как и многие другие авторы, воспринял негативно отнесение следователя в УПК РФ 2001 г. к числу участников уголовного судопроизводства на стороне обвинения, усиление роли руководителя следственного органа за счет заметного ослабления процессуальной роли прокурора в досудебном производстве по уголовным делам. Научная позиция С. А. Шейфера по поводу процессуальной функции следователя, соотношения следственной и обвинительной властей в уголовном процессе, особенностей взаимодействия следователя с другими участниками расследования всегда отличалась фундаментальностью проработки и надежностью аргументации, что сохраняет ее актуальность, теоретическую и практическую значимость в течение длительного времени.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальные функции; доказывание по уголовным делам; всестороннее; полное и объективное исследование обстоятельств дела; следователь; досудебное производство; предварительное расследование; предварительное следствие; обвинение; прокурор; руководитель следственного органа; суд.

Цитирование. Тарасов А. А. Вопрос о процессуальных функциях следователя в научном наследии профессора С. А. Шейфера (к 100-летию со дня рождения Учителя) // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-72-83>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Тарасов А. А., 2025

Александр Алексеевич Тарасов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Институт права, Уфимский университет науки и технологий, 450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.02.2025
Revised: 18.03.2025
Accepted: 12.05.2025

Issue of the procedural functions of an investigator in the scientific heritage of professor S. A. Sheifer (on the 100th anniversary of the Teacher's birth)

A. A. Tarasov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation
Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: aatar@mail.ru

Abstract: Professor S. A. Sheifer, as one of the most famous theorists of preliminary investigation and criminal procedure in general, consistently insisted in his scientific works that the only criminal procedural function of the investigator is the function of investigation, that is, a comprehensive, complete and objective researcher of the circumstances of a criminal case. He, like many other authors, negatively perceived the classification of an investigator in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001 as a participant in criminal proceedings on the side of the prosecution, strengthening of the role of the head of an investigative body due to a noticeable weakening of the procedural role of the prosecutor in pre-trial proceedings in criminal cases. The scientific position of S. A. Sheifer in relation to the procedural function of an investigator, the relationship between the investigative and prosecutorial authorities in criminal proceedings, the specifics of the investigator's interaction with other participants in the investigation has always been distinguished by the fundamental nature of its elaboration and the reliability of its argumentation, which maintains its relevance, theoretical and practical significance for a long time.

Key words: criminal process; criminal proceedings; criminal procedural functions; evidence in criminal cases; comprehensive; complete and objective investigation of circumstances of the case; investigator; pre-trial proceedings; preliminary investigation; preliminary investigation; prosecution; prosecutor; head of the investigative body; court.

Citation. Tarasov A. A. *Vopros o protsessual'nykh funktsiyakh sledovatelya v nauchnom nasledii professora S. A. Sheifera (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Uchitelya)* [Issue of the procedural functions of an investigator in the scientific heritage of professor S. A. Sheifer (on the 100th anniversary of the Teacher's birth)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-72-83> [in Russian].

Information on the conflict of interests: the author declared no conflicts of interests.

© Tarasov A. A., 2025

Alexander A. Tarasov – Doctor of Laws, professor, head of the Department of Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, 32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

В названии статьи термин «функция» использован во множественном числе, притом что профессор С. А. Шейфер всегда считал следователя носителем единственной, специфичной только для него процессуальной функции расследования, т. е. всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Эта нарочитая неточность в названии статьи использована с целью демонстрации сложности объекта исследования: любые категоричные утверждения здесь требуют от автора специальных оговорок относительно того, что именно имеется в виду. С. А. Шейфер сознательно использует в отношении следователя небесспорные с точки зрения общей теории права и теории уголовного процесса понятия: 1) «следственная власть» – при известном и устоявшемся разделении ветвей государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную; 2) «функция расследования» – при наличии столь же устоявшейся классификации уголовно-процессуальных функций, различающей обвинение (уголовное преследование), защиту и разрешение уголовного дела (отправление правосудия). После принятия действующего УПК РФ 2001 г. отдельного объяснения потребовал еще один тезис: следователь отнесен законодателем к числу участников уголовного судопроизводства на стороне обвинения, что уже на законодательном уровне определило его процессуальную функцию как обвинительную.

Понимая это, С. А. Шейфер снабжает свои утверждения характерными оговорками: «власть современного следователя остается властью следственной (“судебно-следственной”), какой она была в прошлом, не совпадающей с властью обвинительной» [1, с. 131]. Таким образом, находится специфическое место «следственной власти» в трехчленной классификации ветвей государственной власти – власть следователя, по мнению С. А. Шейфера, тяготеет к власти судебной и является «судебно-следственной». Аналогично решается и вопрос о процессуальной функции следователя: «соответственно, и процессуальная функция следователя – это не уголовное преследование, а всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела. Следует признать, что эта функция (расследования) выходит за пределы три-

ады, характеризующей состязательное построение отечественного уголовного процесса (ст. 15 УПК), но не противоречит ему, поскольку сама включает в себя элементы состязательности, требующие дальнейшего укрепления» [1, с. 132]. И далее – «возникает ожидающая своего решения научная проблема – приведение в соответствие всех четырех функций» [1, с. 133]. Применительно к следователю традиционной триады уже недостаточно – необходимо выделение четвертой процессуальной функции расследования – объективного исследования обстоятельств дела. Четырехчленная классификация уголовно-процессуальных функций поддержана и другими авторами в новейших научных исследованиях [2, с. 324–325].

Концепция выглядит достаточно стройной и принципиально приспособляемой к традиционным представлениям об уголовно-процессуальных функциях и о властных полномочиях в системе уголовного судопроизводства. Рассмотрим далее отдельные детали этой концепции в контексте двух обязательных элементов досудебного производства по уголовным делам. Во-первых, подозрение и обвинение как неперенные спутники властной правоприменительной деятельности формируются и обосновываются именно следователем. Во-вторых, объективное исследование обстоятельств уголовного дела осуществляется следователем во взаимодействии с прокурором, выполнение которым функции обвинения от имени государства мало кем из специалистов когда-либо ставилось под сомнение. Об отдельных исключениях из этого правила советских времен будет сказано ниже.

Идея нейтрального по отношению к сторонам статуса следователя и осуществления им особой, исследовательской функции, в какой-то мере унаследованной современным носителем следственной власти от дореволюционного российского судебного следователя, отстаивалась С. А. Шейфером всегда [1, с. 25]. При этом и в отношении Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. он верно отмечал, что «помимо чисто исследовательской деятельности, фактически совпадающей с деятельностью суда, то есть с осуществлением судебной власти, нетрудно, как отмечалось ранее, обнаружить в деятельности судебного следователя и элементы обвинитель-

ного характера, напоминая обвинительную деятельность следователя в современном виде» [1, с. 51]. С. А. Шейфер обращал внимание и на то, что ведущими российскими учеными конца XIX – начала XX века В. К. Случевским, И. Я. Фойницким, М. В. Духовским отмечались и активное вмешательство прокурора как носителя власти обвинительной в деятельность следователя, и приобретение следственной деятельностью розыскных (или инквизиционных) черт. Это не хорошо и не плохо. Это факт объективной действительности, позволивший И. Я. Фойницкому во втором томе самого известного его научного сочинения выделять особый параграф 169, название которого сегодня способно вызвать как минимум недоумение, – «Суд как возбудитель обвинения» [3, с. 22–24]. Между тем речь идет о вполне рядовых случаях обнаружения преступления или «его ближайших последствий» самим судебным следователем, который, как известно, был действительным членом окружного суда, а также при «объявлениях частных лиц», обращенных к судебному следователю, и «при сообщениях полиции и других административных властей» или в случаях явки с повинной [3, с. 24]. Нечто подобное делает и современный следователь, который еще и обязан провести проверку сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ. Как бы ни называлось «начатие следствия» (как по Уставу 1864 г.) или «возбуждение уголовного дела» (как в современном законе) и какими бы проверочными действиями оно ни сопровождалось, это все равно будет «возбуждение обвинения», то есть иницирование самим следователем начала уголовного преследования. И это обстоятельство не лишает следователя (дореволюционного судебного или современного – не важно) объективности в исследовании юридически значимых обстоятельств дела. И. Я. Фойницкий в названном параграфе рассматривает также и полномочие мирового судьи на возбуждение обвинения в соответствии с п. 3 ст. 42 Устава уголовного судопроизводства. И здесь тоже, как видим, никакого конфликта между фактом принадлежности к органам судебной власти и иницированием обвинения автором не усматривается.

С. А. Шейфер в ряде своих работ тоже не усматривал противоречия между осуществлением уголовного преследования и объективным исследованием обстоятельств дела, но принципиально возражал против законодательного отнесения современного следователя к участникам процесса со стороны обвинения. В работе 2010 г. он пишет: «...в законе пора определить действительную функцию следователя и дознавателя, а также руководителя следственного органа, причисленных к стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ). Заметим, что, если функция прокурора в законе определена, о функции этих лиц можно лишь гадать. Трудно утверждать, что их деятельность, особенно при нынешней регламентации предварительного расследования, не носит обвинительного характера:

именно следователь формулирует и предъявляет обвинение, он и дознаватель составляют завершающие акты уголовного преследования – обвинительное заключение и обвинительный акт. Фактически они осуществляют уголовное преследование (п. 55 ст. 5 УПК РФ) и принимают решение о доказанности вины обвиняемых, наличии оснований для передачи дела в суд. Во многом такова же и деятельность РСО. Однако нельзя считать их деятельность свободной от объективного и непредвзятого определения ее направления и оценки полученных результатов.

Каков же выход? Полагаем, что в рамках действующей процессуальной формы следует отказаться от одностороннего определения деятельности следователя и дознавателя как только обвинительной, добавив к положениям закона, определяющим статус этих лиц (ст. 38 и 41 УПК РФ), отсутствующее там указание на их функцию и уточнив содержание последней: они осуществляют уголовное преследование, сочетая его с всесторонним, полным и объективным исследованием обстоятельств дела» [4, с. 226–227].

В более поздней монографии тоже по проблемам уголовно-процессуального доказывания С. А. Шейфер высказывается на этот счет более радикально. «На наш взгляд, функции уголовного преследования (обвинения) и расследования (т. е. объективного исследования обстоятельств дела) несовместимы и по существу антагонистичны. В психологическом плане следователь, руководствуясь этими двумя началами, не может не испытывать состояние внутренней раздвоенности, порожденной противоречивыми требованиями закона... установленная законом процессуальная функция следователя в отечественном уголовном процессе – уголовного преследования – требует кардинального преобразования в направлении присущей ему функции – объективного исследования обстоятельств дела. Лишь при доказанности вины лица за этим правомерно последует уголовное преследование против него» [5, с. 23–24]. Эта мысль здесь дополнительно аргументируется ссылками на уголовно-процессуальное законодательство других государств постсоветского пространства. Так, в ч. 3 ст. 60 УПК Республики Казахстан сказано, что следователь принимает меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и начинает уголовное преследование, «когда добыты достаточные доказательства вины» [5, с. 22]. То есть, как видим, по мнению С. А. Шейфера, до какого-то момента уголовно-процессуальная деятельность следователя не является уголовным преследованием, а после него является. Однако что считать моментом «доказанности вины»? Судя по авторскому контексту, это момент привлечения конкретного лица в качестве обвиняемого. Однако разве после этого момента следователь перестает быть объективным исследователем обстоятельств дела? Антагонизм между уголовным преследованием и объективным исследованием обстоя-

тельств дела с этого момента исчез? Скорее всего, нет. И следователь с этого момента вполне совмещает обе функции: и обвинения, и объективного расследования.

Вместе с тем С. А. Шейфер справедливо настаивает на активной роли прокурора как бесспорного обвинителя в предварительном следствии, что объективно снимает со следователя как исследователя обстоятельств дела как минимум какую-то часть «обвинительной нагрузки». С. А. Шейфер поддерживал идею, закрепленную на постсоветском пространстве только в законодательстве Молдовы, – составление обвинительного заключения прокурором. «Именно прокурор как носитель обвинительной власти должен обобщить результаты исследовательской деятельности следователя и, если они убедительно говорят о виновности обвиняемого, составить итоговый акт расследования и обосновать в нем свою позицию как будущего государственного обвинителя» [5, с. 24–25]. Идея более активного вовлечения именно прокурора как будущего государственного обвинителя в формулирование обвинения, причем даже на более ранних, чем составление обвинительного заключения, этапах, объяснимо находит все больше сторонников. Профессор А. Н. Халиков – один из наиболее известных специалистов по проблемам досудебного производства, имеющий многолетний опыт следственной, прокурорской и адвокатской практической работы, высказывает и аргументирует созвучную и идущую еще дальше мысль о целесообразности предъявления обвинения именно прокурором по каждому уголовному делу на основании проекта, составленного следователем [6, с. 320]. Столь непривычное для современной практики предложение вполне соответствует отстаиваемой С. А. Шейфером много лет идее необходимости полного распоряжения прокурором предъявляемым, обосновываемым, направляемым в суд и поддерживаемым в судебном разбирательстве обвинением. Следователь при таком подходе остается объективным исследователем обстоятельств дела, а прокурор реализует собственную, прокурорскую, то есть обвинительную, власть.

Здесь не преследуется цель выявлять какие-то противоречия в авторских позициях и в системах их аргументации, а уж тем более не ставится под сомнение фундаментальность проработки и глубокая личная прочувствованность С. А. Шейфером вывода о необходимости считать следователя нейтральным по отношению к сторонам в процессе субъектом, ответственным за всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела. Профессор С. А. Шейфер был и остается одним из самых крупных отечественных теоретиков уголовного процесса, доказывания в нем и предварительного расследования. Здесь мы лишь подчеркиваем сложность и многогранность объекта исследования, в отношении которого любая категоричность суждений влечет возникновение новых вопросов, на которые, как правило, очень непросто ответить и законодателю, и теоре-

тикам. Так было в советские и первые постсоветские годы, так это есть и в современных условиях, когда уже накоплен значительный законодательный, практический и исследовательский опыт. Обратимся к истории вопроса.

М. А. Чельцов в своем знаменитом учебнике 1951 г. издания, говоря о функции обвинения, прямо закрепляет ее только за прокурором, но при этом указывает, что она «состоит в собирании доказательств совершения преступления определенным лицом, в изобличении обвиняемого в ходе расследования и в судебном разбирательстве, в обосновании уголовной ответственности обвиняемого. Она начинается с постановления о привлечении в качестве обвиняемого и завершается произнесением обвинительной речи в суде» [7, с. 30]. До этого сказано, что функцию обвинения осуществляет обвинитель, которым может быть представитель государства или общественности (государственный или общественный обвинитель) – и то и другое явно не следователь. Здесь М. А. Чельцов пишет о «советском прокуроре». Об осуществлении следователем функции обвинения либо какой-то другой ни здесь, ни где-либо еще в этом учебнике прямо не сказано, хотя очевидно, что и постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносит именно следователь, и доказательства по уголовному делу собирает тоже он, хотя и сам прокурор по советскому уголовно-процессуальному закону тоже имел право собирать доказательства. Термин «стороны» М. А. Чельцов употребляет только применительно к судебному заседанию [7, с. 31], в котором следователь, как известно, не участвует. Освещение вопроса о субъектах процессуальной деятельности в целом автор завершает лаконичной фразой: «В стадии предварительного следствия субъектами процессуальной деятельности являются прокурор, следователь, обвиняемый и потерпевший» [7, с. 32]. Вопрос об уголовно-процессуальной функции следователя остается открытым.

В более позднем своем учебнике 1962 г. М. А. Чельцов уже на основании УПК РСФСР 1960 г. утверждает, что «единственная функция следователя в советском уголовном процессе – функция расследования», содержание которой определено здесь же со ссылкой на ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., согласно которой следователь обязан «принимать все меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства» [8, с. 95]. Именно эта идея, напомним, практически в тех же выражениях, только совсем в других законодательных условиях, отстаивается и С. А. Шейфером. Однако здесь обратим внимание на другое. М. А. Чельцов свое утверждение о процессуальной функции следователя снабжает характерным подстрочным примечанием: «Расходится с законом утверждение проф. М. С. Строговича о

том, что следователь в советском уголовном процессе осуществляет три процессуальные функции: уголовное преследование, защиту и решение дела (Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 126 и сл.)» [8, с. 95]. Вопрос о процессуальных функциях следователя уже тогда, в период формирования последнего советского уголовно-процессуального законодательства, был остро дискуссионным. Дискуссионным настолько, что получил отражение в обоих вузовских учебниках уголовного процесса, каждый из которых можно считать классическим. Спор между двумя классиками теории советского уголовного процесса представляет профессиональный интерес и сегодня.

В последнем советском УПК РСФСР 1960 г., так же, как и в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., понятия «стороны», как известно, не было вовсе, да и распределения участников процесса по сторонам тоже, понятно, не было. При этом в советской учебной и научной литературе вопрос о процессуальных функциях следователя решался очень по-разному, что в контексте нашего исследования заслуживает отдельного внимания.

В непосредственной временной близости к началу действия нового УПК РСФСР Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин в монографии 1965 года, которую несколько поколений советских юристов на полном основании считали «настольной книгой», пишут: «...в советском уголовном процессе предварительное следствие считается несудебной процессуальной деятельностью. Для нас неприемлемы те конструкции предварительного следствия, при которых оно ведется так называемыми следственными судьями или судебными следователями. Эти по существу лжедемократические концепции, которые в прошлом были известны дореволюционному русскому уголовному судопроизводству, а в настоящее время применяются во Франции и ряде других буржуазных стран, зиждутся на противопоставлении следствия дознанию, ведут к смешению функций следственных и судебных учреждений и не обеспечивают законности и качества расследования уголовных дел... развитие советского уголовно-процессуального законодательства пошло по пути создания специальных следственных органов, обособленных от судебных установлений. Не имели достаточного основания попытки А. Я. Вышинского и некоторых других юристов расценивать деятельность этих органов как судебную. <...> В ходе предварительного следствия никаких судебных функций не выполняется. Положения не меняет то обстоятельство, что предварительное следствие может оканчиваться прекращением уголовного дела. При вынесении такого постановления дело не разрешается по существу... органы следствия просто признают несостоятельной постановку вопроса об уголовной ответственности соответствующего лица, сами аннулируют предъявленное ими же обвинение» [9, с. 33–34].

Опустив традиционную для советской юридической полемики идеологическую составляющую, выделим три авторских утверждения, имеющих значение в контексте нашего изложения: 1) следственная деятельность принципиально отличается от судебной; 2) следователь, прекращая уголовное дело, в отличие от суда, вовсе не разрешает это дело, а аннулирует собственное обвинение; 3) судебный следователь, равно как и следственный судья – неприемлемые для отечественного уголовного процесса процессуальные участники, которые не способны обеспечить качество и законность расследования. Нетрудно заметить, что именно вокруг этих вопросов ведутся основные дискуссии по поводу процессуальной функции следователя и его роли в отечественном процессе до настоящего времени. Заметим также, что и функцию обвинения Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин на следователя не возлагают.

Существенно позднее А. М. Ларин в книге, специально посвященной процессуальным функциям на предварительном расследовании, возрождает раскритикованную в 1960-е годы М. А. Чельцовым концепцию М. С. Строговича о совмещении в деятельности следователя функций уголовного преследования, защиты и разрешения уголовного дела [10, с. 109]. Кроме того, А. М. Ларин придерживается максимально широкого взгляда на сами уголовно-процессуальные функции и включает в число процессуальных функций следователя также «обеспечение прав участвующим в деле лицам и охрану их интересов» и процессуальное руководство расследованием [10, с. 109]. Сегодня представляется очевидным, что следователь как должностное лицо государства, в производстве которого находится уголовное дело, обязан обеспечивать охрану прав и законных интересов всех участвующих в этом деле лиц, но тогда, в середине 1980-х гг., об этом говорилось как об особой функции следователя. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на специфическую деталь концептуального подхода и М. С. Строговича, и А. М. Ларина: в одном лице совмещаются две очевидно противоположные процессуальные функции – обвинение (уголовное преследование) и защита. С. А. Шейфер видел признаки антагонизма между куда менее несовместимыми между собой направлениями юридической деятельности – уголовным преследованием и объективным исследованием обстоятельств дела. Допустимость возложения на одного представителя государства одновременно двух противоположных процессуальных функций – обвинения и защиты – выглядит куда более необычно.

Вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг. – это тот период российской истории, названный когда-то «перестройкой», для которого был характерен интенсивный поиск путей демократизации, «очеловечивания» всех сфер общественной жизни, и сфера уголовного судопроизводства не была исключением. Приведем характерные для того времени суждения В. М. Савицкого, касающиеся

ся интересующего нас вопроса об уголовно-процессуальных функциях и сторонах в уголовном процессе: «...сторона остается пустым звуком, банальным терминологическим вывертом, если рядом с ней, вплотную к ней, охватывая ее, не будет использована для законодательства, теории и практики уголовного судопроизводства такая емкая, динамически напряженная правовая категория, как *состязательность... сторона обвинения* обращается к суду с просьбой признать подсудимого виновным, а противоположная *сторона защиты* выдвигает перед судом просьбу (опять-таки по классической схеме) оправдать подсудимого. И в том, и в другом случае наличие сторон обусловлено принципиальной противоположностью их позиций, хотя в отдельных ситуациях эта противоположность практически может сглаживаться <...> и даже исчезать вовсе (когда, например, подсудимый полностью признает себя виновным в предъявленном прокурором обвинении)» [11, с. 240–241]. «“Сторона” – это спорящий, конфликтующий участник процесса, доказывающий перед судом справедливость своих утверждений и опровергающий доводы другого участника процесса, другой стороны... поведение одной стороны продиктовано поведением другой. Взаимообусловлено не только поведение, но и само существование сторон. Одна сторона – не сторона» [11, с. 242–243].

Таким образом, разговор о сторонах в уголовном процессе, не прекращающийся в науке до сих пор [12], закономерно переводится в русло его состязательности. В. М. Савицкий убежден, что состязательность – это принцип советского уголовного процесса, несмотря на отсутствие в советском уголовно-процессуальном законе термина «состязательность», как и самого термина «принципы» [11, с. 247–251], и, отдавая дань времени, утверждает, что «революционная перестройка» диктует «необходимость нормативного закрепления принципа состязательности» [11, с. 266].

В равной мере В. М. Савицкий справедливо критикует и отрицание частью советских ученых принципа состязательности за его якобы «буржуазный характер», и утверждение профессора В. И. Баскова – наиболее известного советского специалиста по прокурорскому надзору – о том, что прокурор как представитель органа надзора не может быть стороной наряду с подсудимым и защитником [11, с. 252]. Сейчас подобный взгляд на роль прокурора в уголовном процессе трудно даже представить: именно прокурор, утверждая обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление, инициирует судебное разбирательство по конкретному обвинению, которое поддерживается тоже сотрудником прокуратуры, выступающим в статусе государственного обвинителя. Факт отнесения его к стороне обвинения сегодня не оспаривается уже никем. Однако в контексте вопроса о процессуальных функциях следователя и о возможности считать его участником процесса на стороне обвинения обратим внимание на следующие соображения В. М. Савицкого:

«Сторона прокурор или не сторона – это вопрос первостепенный, ответ на него предопределяет наличие или отсутствие другой стороны, а тем самым и общую характеристику уголовной процедуры... В советском уголовном процессе обвинение и защита – коррелятивные, соотносительные понятия, одно не существует без другого, и в этом смысле они органически взаимообусловлены» [11, с. 247–251]. Иными словами, защита невозможна без обвинения, а участников процесса со стороны защиты не может быть без участников процесса со стороны обвинения. Сказанное В. М. Савицким прямо относится только к судебному разбирательству, применительно к которому он и анализирует принцип состязательности советского уголовного процесса. Но эта мысль имеет прямое отношение к основному предмету и нашего изложения: участие в досудебном производстве по уголовному делу стороны защиты в лице обвиняемого, подозреваемого и их защитников прямо обусловлено участием в нем же и стороны обвинения в лице государственных органов, которые выдвигают и обосновывают подозрение и обвинение от имени государства. И А. М. Ларин мотивировал возложение на следователя функции обвинения в 1986 г., когда в советском уголовно-процессуальном законе не было деления государственных органов на стороны и не был закреплен принцип состязательности, именно этим – необходимостью обеспечить право на защиту и возможность защищаться лицу, подвергающемуся уголовному преследованию [10, с. 29–37]. Правда, он же, как отмечалось, возлагал на следователя осуществление двух противоположных процессуальных функций – обвинения и защиты. Полагаем, что законодательным основанием для такого решения проблемы обеспечения права на защиту было то, что защитник по большинству уголовных дел допускался к участию в них только с момента окончания предварительного следствия и предъявления материалов законченного следственного производства обвиняемому для ознакомления. Лишь в исключительных случаях – по делам в отношении несовершеннолетних обвиняемых или лиц, которые в силу физических или психических недостатков не могли самостоятельно осуществлять свою защиту, – защитник допускался с момента предъявления обвинения, то есть тоже не с самого начала расследования. А. М. Ларин, будучи следователем прокуратуры с многолетним опытом, защитившим во время практической работы и кандидатскую, и докторскую диссертации и горячо отстаивавший в науке идеи гуманизации уголовного процесса, его состязательности и презумпции невиновности, был убежден, что именно на следователе лежит обязанность обеспечить обвиняемому возможность защищаться от необоснованного обвинения. Это и позволяет провести объективное расследование и привлечь к уголовной ответственности действительно виновного, то есть того, чья виновность несомненно доказана. Такая позиция заслуживает безусловного уважения.

Однако нельзя не заметить и некоторой противостественности в возложении на одного субъекта двух прямо противоположных функций. Скорее исключением, чем правилом, выглядит следователь, способный ежедневно преодолевать собственную субъективную уверенность в чьей-то виновности, да еще и готовый в любой момент пересматривать собственные ответственные решения (о возбуждении уголовного дела, о задержании подозреваемого, об избрании ему меры пресечения, о привлечении в качестве обвиняемого и т. д.) для того, чтобы осуществлять функцию защиты столь же искренне, как он ведет расследование. В массе своей практика явно не такова. Думается, что именно поэтому внешне привлекательная идея возложения на следователя функции защиты встретила в советские и первые постсоветские годы немало противников, особенно среди ученых – представителей адвокатского сообщества [13, с. 38], тоже имевших представление о реальной правоприменительной практике.

С. А. Шейфер, отстаивая идею единственной функции следователя – функции расследования, в равной мере не принимал позицию А. М. Ларина в части возложения на следователя функций как обвинения, так и защиты. Однако при этом С. А. Шейфер, тоже имевший опыт практической следственной работы, с обязанностью следователя объективно вести расследование связывал и его обязанность обеспечить право на защиту при производстве любых процессуальных действий и принятии любых процессуальных решений, в том числе и тех, которые прямо обусловлены уголовным преследованием конкретного лица. В учебном пособии 1986 г. С. А. Шейфер пишет: «В целях обеспечения права обвиняемого на защиту следователь обязан: а) своевременно вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого, четко сформулировать и своевременно предъявить обвинение» [14, с. 29]. Институт привлечения в качестве обвиняемого в целом С. А. Шейфер рассматривал как способ обеспечения права обвиняемого на защиту, но не как выполнение следователем функции защиты. И с этим нельзя не согласиться, особенно сейчас, когда в ч. 1 ст. 11 УПК РФ прямо закреплена обязанность следователя не только разъяснить права подозреваемым и обвиняемым, но и обеспечивать их реализацию. При этом в действующем УПК РФ следователь назван среди участников процесса со стороны обвинения, то есть функцию защиты он по определению не выполняет.

Однако вернемся к размышлениям С. А. Шейфера о совместимости, а точнее, о несовместимости выполняемой следователем функции расследования с функцией уголовного преследования (обвинения), прямо предписанной ему сегодня законодателем. Приведем точные цитаты из его сочинений разных лет, чтобы показать, что позиция эта менялась в зависимости от контекста изложения.

С. А. Шейфер в монографии 2013 г. называет «методологически ошибочным и логически

несостоятельным» отождествление уголовного преследования и всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ссылка по тексту: Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник / под ред. В. А. Лазаревой и А. А. Тарасова. М.: Юстиция, 2012. С. 152) [1, с. 121]. Позиция, как видим, бескомпромиссная. При этом в более ранней статье, написанной в соавторстве с одним из редакторов названного учебника, С. А. Шейфер не отрицает возможности совмещения обоих направлений в деятельности следователя: «Полагаем, что в рамках действующей процессуальной формы логичнее было бы отказаться от одностороннего определения деятельности следователя и дознавателя как только обвинительной, добавив к положениям закона, определяющим статус этих лиц (ст. 38 и 46 УПК), указание на их функцию и уточнив содержание последней: они осуществляют уголовное преследование от имени государства (по аналогии со ст. 37 УПК – о прокуратуре) на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела» [15, с. 417.] В том-то и дело, что между осуществлением уголовного преследования от имени государства и всесторонним, полным и объективным исследованием юридически значимых обстоятельств уголовного дела нет и никогда не было рокового противоречия. Следователь обязан предъявить обвинение только тому лицу, в отношении которого он собрал доказательства, достаточные для его обвинения, как это предусмотрено в ч. 1 ст. 171 действующего УПК РФ. Здесь, правда, нельзя не сделать оговорку об очевидно более точной формулировке аналогичной нормы в УПК РСФСР 1960 г. (ч. 1 ст. 143) о наличии достаточных доказательств «для предъявления обвинения» конкретному лицу, чем подчеркивается предварительность и принципиально возможная опровержимость вывода следователя о виновности этого лица в совершении преступления на момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Однако даже независимо от редакционного качества этой формулировки представляется очевидным, что как минимум с этого момента следователь точно осуществляет уголовное преследование конкретного человека, не переставая при этом всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела. Полагаем, что единственный вывод из сказанного таков: необходимо признать, что уголовное преследование от имени государства вполне совместимо с объективным исследованием обстоятельств уголовного дела. Более того, законное уголовное преследование возможно только на основе такого объективного доказывания юридически значимых обстоятельств.

О. С. Морозова в кандидатской диссертации 2024 г. так же, как С. А. Шейфер и многие другие авторы до нее, настаивает на неправомерности отнесения следователя к участникам процесса со стороны обвинения, подчеркивая исследователь-

ский характер процессуальной деятельности следователя. Но при этом О. С. Морозова абсолютно правомерно утверждает, что уголовное преследование фактически осуществляется с гораздо более раннего момента – не то что еще до предъявления обвинения конкретному лицу, но и еще до возбуждения уголовного дела, что требует предоставления права на защиту и возможности защищаться тому, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении [16, с. 14–15, 35, 129, 132–133 и др.]. Все правильно. Только кто же осуществляет это фактическое уголовное преследование, если не следователь, проводящий проверку в порядке ст. 144 УПК РФ? И здесь выявляется та же проблема: уголовное преследование есть, а осуществлять его как бы некому. Думается, что так просто не бывает. Фактическое уголовное преследование с самого начала, то есть с момента получения сообщения о преступлении и проведения первого проверочного процессуального действия, осуществляет следователь, который обязан быть объективным исследователем фактических обстоятельств и на этапе проверки сообщения о преступлении, и в процессе расследования по возбужденному уголовному делу.

Довольно схожие соображения В. М. Савицкий когда-то высказывал и о прокуроре – несомненном участнике уголовного процесса со стороны обвинения: «Однако будучи стороной-обвинителем, прокурор не должен быть односторонним. Иными словами, свою одностороннюю, обвинительную функцию в суде он обязан выполнять всесторонне – так следует ставить и решать вопрос» [11, с. 259]. В. М. Савицкий решительно критиковал позицию М. А. Чельцова, не признававшего, что суд как арбитр разрешает спор между сторонами, т. к. этим якобы «выхолащивается подлинная политическая сущность уголовного процесса как формы классовой борьбы» (Ссылка: Чельцов М. А. О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию // Учен. зап. ВЮЗИ. 1958. Вып. 6. С. 88–89) [11, с. 259]. И далее: «Искажает политическую сущность советского уголовного процесса, по моему глубокому убеждению, как раз отрицание состязательного его характера, недопущение возможности спора между обвинителем и обвиняемым» [11, с. 261].

Здесь вновь подчеркнем, что корректировка позиций ученых с течением времени и по мере накопления законодательного и правоприменительного опыта – явление закономерное, которое объясняется главным образом сложностью исследуемого объекта и противоречивостью процессов реформирования отечественной системы уголовной юстиции.

Профессор И. Л. Петрухин, всю жизнь отстаивавший идеи презумпции невиновности, независимой судебной власти, состязательности правосудия и равенства сторон обвинения и защиты перед нейтральным по отношению к сторонам судом, писал в 1981 г.: «Одно из проявлений ведущей роли суда в системе уголовного процесса

– институт возвращения дел на дополнительное расследование. Вопросы законности и полноты расследования, обсуждаемые судом (ст. 222 УПК РСФСР), во многом аналогичны вопросам, которые решает прокурор по делу, поступившему с обвинительным заключением (с. 213 УПК РСФСР). Соответственно, аналогичны и основания, по которым прокурор и суд возвращают дела для дополнительного расследования со своими указаниями (п. 2 ст. 214; ст. 232 УПК РСФСР).

Таким образом, возвращение дела на дополнительное расследование – это специфическая форма процессуального руководства, осуществляемого судом, когда нужно восполнить упущения прокурора» [17, с. 105]. Читать это сегодня несколько непривычно: суд, сочтя обвинение недоказанным, в силу презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) обязан истолковать все сомнения, которые не удалось устранить в ходе судебного разбирательства, в пользу обвиняемого и постановить оправдательный приговор, а вовсе не «восполнять упущения прокурора». Почти через два десятилетия в монографии 1999 г. И. Л. Петрухин выявляет и аргументированно критикует все случаи возложения на суд обвинительной функции по советскому уголовно-процессуальному закону, каковых было немало: допустимость рассмотрения дела публичного обвинения без участия государственного обвинителя, обязанность суда разрешить дело по существу после отказа прокурора от обвинения и т. д. [18, с. 160]. Профессора И. Л. Петрухина нельзя обвинить в непоследовательности. Просто взаимоотношения государства, общества и личности в переломный период российской истории – с середины 1980-х гг. до начала 2000-х – менялись радикально, а вслед за этим менялись и научные представления о них. Перемены эти до сих пор не закончились и едва когда-нибудь закончатся. Во всяком случае, обсуждение процессуальной деятельности суда после отказа государственного обвинителя от обвинения продолжают в науке до сих пор, хотя вопрос этот кажется однозначно решенным в законе (ч. 7 ст. 246 УПК РФ) [19].

В силу многолетних изменений и дополнений закона сегодняшний институт возвращения уголовного дела прокурору, изначально задуманный как уголовно-процессуальный аналог возвращения искового заявления истцу в гражданском процессе, все больше напоминает советское возвращение дела судом на дополнительное расследование [20, с. 136–138]. И это тоже современная российская реальность, которую уже нельзя игнорировать, как бы к ней ни относился конкретный исследователь. Институт возвращения судом дела прокурору уместно вспомнить в контексте глобальной реформы предварительного следствия, произошедшей в июне 2007 г.

С. А. Шейфер был среди тех специалистов, которые с самого начала отнеслись негативно к перераспределению властных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа. В результате реформы следователь оказал-

ся в структуре органов исполнительной власти [1, с. 90–91] и, как верно выразился Л. В. Головкин, «полицизировавшись», т. е. полностью оторвался от идей правосудия [21, с. 266]. Прокурор же как будущий государственный обвинитель утратил не только полномочия по процессуальному руководству расследованием и личному участию в собирании доказательств, но и возможность самостоятельно распоряжаться обвинением, что выглядело совсем уж нелогично [1, с. 96–98]. Аналогичные соображения высказывала и В. А. Лазарева после реформы предварительного следствия 2007 г., подчеркивая, как и С. А. Шейфер, что прокурору должно быть возвращено его право собственным решением прекратить уголовное дело или изменить обвинение [22, с. 14–15].

Весьма своеобразная трансформация произошла в процедуре утверждения обвинительного заключения. По советскому УПК РСФСР 1960 г. оно должно было направляться следователем (независимо от его ведомственной подчиненности) немедленно после его подписания самим следователем прокурору (ст. 207 УПК РСФСР). Прокурор, утверждая обвинительное заключение, принимал решение о направлении этого дела в суд. Уже в те годы, когда по закону не требовалось согласовывать обвинительное заключение с начальником следственного отдела, следователи органов внутренних дел получали подпись своего непосредственного начальника на обвинительных заключениях, что означало согласование итогового документа предварительного следствия с ним.

Сегодня такое согласование стало обязательным для всех следственных подразделений. Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ в ч. 6 ст. 220 УПК РФ, которая в первоначальной редакции выглядела так: «После подписания следователем обвинительного заключения уголовное дело немедленно направляется прокурору», – было внесено дополнение «с согласия руководителя следственного органа». Понятно, что новая редакция этого правила, помимо обязательности такого согласования, еще и девальвирует значение слова «немедленно», поскольку два должностных лица в реальности не могут действовать абсолютно синхронно. Однако то, что произошло с практикой применения этого института далее, способно удивить куда больше. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору»¹ при перечислении оснований для этого сказано следующее: «...исключается возможность вынесения приговора или иного судебного

решения в случаях, когда: обвинительный документ не подписан следователем (дознавателем), обвинительное заключение не утверждено прокурором либо уголовное дело направлено с обвинительным заключением прокурору без согласия руководителя следственного органа». Казалось бы, какое дело суду как органу судебной власти, предметом рассмотрения которого является государственное обвинение, исходящее от прокурора и поддерживаемое им, до того, было ли согласовано это обвинение с руководителем следственного органа или кем бы то ни было еще? Однако, согласно этой позиции Верховного Суда, мнения прокурора суду недостаточно.

В описанном решении Пленума Верховного Суда России получили отражение одновременно две ранее отмеченные тенденции современного развития взаимоотношений властвующих субъектов в российском уголовном процессе – ослабление роли прокурора в формировании государственного обвинения за счет усиления позиций руководителя следственного органа и постепенная трансформация института возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ) в известный советскому уголовному процессу институт возвращения дела судом для производства дополнительного расследования (ст. 232 УПК РСФСР). В. А. Лазарева не без оснований усматривала в постепенных изменениях ст. 237 УПК РФ «тревожный симптом, свидетельствующий не только о низком качестве предварительного расследования, но и о неготовности судебной власти к самостоятельным решениям» [20, с. 18]. Таким образом, фактически тот же самый процессуальный институт, который в советские годы оценивался И. Л. Петрухиным как проявление руководящей роли суда в советском уголовном процессе, в новых законодательных условиях стал выглядеть как проявление несамостоятельности судебной власти, ее неготовности принять на себя ответственность за разрешение уголовного дела по существу.

Подводя итог сказанному, сформулируем некоторые выводы относительно позиции С. А. Шейфера по вопросу о процессуальных функциях следователя:

1. С. А. Шейфер считал главной и единственной процессуальной функцией следователя производство расследования, то есть всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

2. Функция расследования определена С. А. Шейфером как четвертая уголовно-процессуальная функция наряду с обвинением (уголовным преследованием), защитой и разрешением дела (отправлением правосудия).

3. С. А. Шейфер считал, что следователь может осуществлять уголовное преследование и принимать процессуальные решения обвинительного характера только после того, как в результате всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела получит доказательства виновности конкретного лица в совершении преступления.

¹ В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // СПС «КонсультантПлюс».

4. С. А. Шейфер, возражая в принципе против отнесения следователя к числу участников уголовного процесса со стороны обвинения, считал возможным и необходимым уточнение его процессуальной функции в законе следующим образом: следователь осуществляет функцию уголовного преследования посредством всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

5. С. А. Шейфер последовательно настаивал на том, что главную роль в осуществлении уго-

ловного преследования играет прокурор, который в досудебных стадиях процесса должен иметь возможность осуществления процессуального руководства расследованием, активного вмешательства в доказательственную деятельность следователя в целях обеспечения ее законности и свободного распоряжения обвинением, включая полномочие на самостоятельное возбуждение уголовного дела, изменение обвинения и прекращение уголовного дела (уголовного преследования).

Библиографический список

1. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: монография. Москва: Норма, 2019. 192 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=359496>.
2. Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития: монография. Екатеринбург: УрГЮУ, 2023. 582 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54596510>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ixdwlgl>.
3. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. 607 с. URL: <https://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2/index.htm>.
4. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2010. 240 с. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf).
5. Шейфер С. А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 112 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=399926>.
6. Халиков А. Н. Проблемы развития и эффективности досудебного производства в уголовном процессе России // Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. Т. XI. Уголовно-процессуальное право: монография / под ред. А. А. Тарасова, Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2024. С. 308–350.
7. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. Изд. второе, перераб. Москва: Госюриздат, 1951. 510 с.
8. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. Изд. 4-е, исправ. и перераб. Москва: Госюриздат, 1962. 504 с.
9. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. Москва: Юрид. лит., 1965. 368 с.
10. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. Москва: Юрид. лит., 1986. 160 с.
11. Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). Москва: Наука, 1987. 288 с.
12. Соловьёв С. А. Понятие «сторона» в уголовном судопроизводстве России // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 126–132. DOI: <http://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.16>.
13. Ведерников А. Н. Актуальные проблемы участия защитника в стадии предварительного расследования в период начала современной судебно-правовой реформы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 142 с. URL: <http://sun.tsu.ru/limit/2016/000394143/000394143.pdf>.
14. Шейфер С. А. Предварительное следствие. Общие условия и основные этапы производства: учебное пособие по спецкурсу. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. 83 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44359515>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wboovr>.
15. Шейфер С. А., Тарасов А. А. Смешанный или состязательный: каким законодатель хочет видеть российский уголовный процесс // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования: сб. науч. ст. Вып. 2 / под ред. А. А. Напреенко. Самара, 2006. С. 408–425. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39809324&pff=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lbloqt>.
16. Морозова О. С. Оптимизация состава и процессуального положения участников уголовного досудебного производства: дис. ... канд. юрид. наук (5.1.4. Уголовно-правовые науки). Омск, 2024. 255 с.
17. Петрухин И. Л. Суд и органы расследования // Конституционные основы правосудия в СССР / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. М. Савицкого. Москва: Наука, 1981. 360 с.
18. Петрухин И. Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). Москва: Юристъ, 1999. 392 с.
19. Гизатуллин И. А. Отказ государственного обвинителя от обвинения в контексте обеспечения процессуальной свободы судьи // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1. С. 42–59. DOI: <http://doi.org/10.33184/pravgos-2022.1.3>.

20. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: монография. Москва: Проспект, 2023. 320 с.
21. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. Москва: Городец, 2022. 458 с. URL: <https://www.iuaj.net/node/3133>.
22. Лазарева В. А. Реформируемое предварительное расследование // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. проф. В. А. Лазаревой; Федеральное агентство по образованию. Самара: Самарский университет, 2009. Вып. 4. С. 4–18. URL: https://repo.ssau.ru/bitstream/Aktualnye-problemy-sovremennogo-ugolovnogo-processa/Reformiruemoe-predvaritelnoe-rassledovanie-64841/1/up2009_1.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30614572>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ztykhj>.

References

1. Sheifer S. A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoi, sudebnoi i prokurorskoj vlasti: monografiya* [Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial authorities: monograph]. Moscow: Norma, 2013, 192 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/document?id=359496> [in Russian].
2. Davletov A. A., Azaryonok N. V. *Ugolovnyi protsess Rossii: istoricheskie korni, sovremennoe sostoyanie, perspektivy evolyutsionnogo razvitiya: monografiya* [Criminal process of Russia: historical roots, current state, prospects of evolutionary development: monograph]. Yekaterinburg: UrGYuU, 2023, 504 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54596510>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ixdwlg> [in Russian].
3. Foinitsky I. Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. T. II* [Course of criminal justice. Vol. II]. Saint Petersburg: Al'fa, 1996, 607 p. Available at: <https://kalinovskiy-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2/index.htm> [in Russian].
4. Sheifer S. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma: INFRA-M, 2010, 240 p. Available at: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf) [in Russian].
5. Sheifer S. A. *Sobiranie dokazatel'stv po ugolovnomu delu: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktiki: monografiya* [Collecting evidence in a criminal case: problems of legislation, theory and practice: monograph]. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022, 112 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/document?id=399926> [in Russian].
6. Khalikov A. N. *Problemy razvitiya i effektivnosti dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse Rossii* [Problems of development and effectiveness of pre-trial proceedings in the criminal process of Russia]. In: *Formirovanie i razvitie otraslei prava v istoricheskoi i sovremennoi pravovoi real'nosti Rossii: v 12 t. T. XI. Ugolovno-protsessual'noe pravo: monografiya. Pod red. A. A. Tarasova, R. L. Khachaturova* [Tarasov A. A., Khachaturov R. L. (eds.) Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 vols. Vol. XI. Criminal procedure law: monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2024, pp. 308–350 [in Russian].
7. Cheltsov M. A. *Sovetskii ugolovnyi protsess. Izd. vtoroe, pererab.* [Soviet criminal trial. Second edition, revised]. Moscow: Gosyurizdat, 1951, 510 p. [in Russian].
8. Cheltsov M. A. *Sovetskii ugolovnyi protsess. Izd. 4-e, isprav. i pererab.* [Soviet criminal process. 4th edition, revised and corrected]. Moscow: Gosyurizdat, 1962, 504 p. [in Russian].
9. Zhogin N. V., Fatkullin F. N. *Predvaritel'noe sledstvie v sovetskom ugolovnom protsesse* [Preliminary investigation in Soviet criminal proceedings]. Moscow: Yurid. lit., 1965, 368 p. [in Russian].
10. Larin A. M. *Rassledovanie po ugolovnomu delu: protsessual'nye funktsii* [Investigation of a criminal case: procedural functions]. Moscow: Yurid. lit., 1986, 160 p. [in Russian].
11. Savitsky V. M. *Yazyk protsessual'nogo zakona (voprosy terminologii)* [Language of a procedural law (terminology issues)]. Moscow: Nauka, 1987, 288 p. [in Russian].
12. Soloviev S. A. *Ponyatie «storona» v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [The notion of «party» in Russian criminal proceedings]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule-of-Law State: Theory and Practice], 2024, no. 1, pp. 126–132. DOI: <http://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.16> [in Russian].
13. Vedernikov A. N. *Aktual'nye problemy uchastiya zashchitnika v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya v period nachala sovremennoi sudebno-pravovoi reformy* [Actual problems of the defender's participation in the preliminary investigation stage during the beginning of modern judicial and legal reform]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2008, 142 p. Available at: <http://sun.tsu.ru/limit/2016/000394143/000394143.pdf> [in Russian].
14. Sheifer S. A. *Predvaritel'noe sledstvie. Obshchie usloviya i osnovnye etapy proizvodstva: uchebnoe posobie po spetskursu* [Preliminary investigation. General conditions and main stages of production: study guide for the special course]. Kuibyshev: Kuibyshevskii gosudarstvennyi universitet, 1986, 83 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44359515>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wboovr> [in Russian].
15. Sheifer S. A., Tarasov A. A. *Smeshannyy ili sostyazatel'nyi: kakim zakonodatel' khochet videt' rossiiskii ugolovnyi protsess* [Mixed or adversarial: how the legislator wants to see the Russian criminal process]. In: *Gosudarstvo i pravo: voprosy metodologii, teorii i praktiki funktsionirovaniya: sb. nauch. st. Vyp. 2. Pod red. A. A. Napreenko* [Napreenko A. A. (ed.) State and law: issues of methodology, theory and practice of functioning: collection of scientific articles. Issue 2]. Samara, 2006, pp. 408–425. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39809324&pff=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lbloqt> [in Russian].

16. Morozova O. S. *Optimizatsiya sostava i protsessual'nogo polozheniya uchastnikov ugolovnogo dosudebnogo proizvodstva: dis. ... kand. yurid. nauk (5.1.4. Ugolovno-pravovye nauki)* [Optimization of the composition and procedural status of participants in criminal pre-trial proceedings: Candidate's of Legal Sciences thesis (5.1.4. Criminal Law Sciences)]. Omsk, 2024, 255 p. [in Russian].
17. Petrukhin I. L. *Sud i organy rassledovaniya* [Court and investigative bodies]. In: *Konstitutsionnye osnovy pravosudiya v SSSR. Pod red. d-ra yurid. nauk, prof. V. M. Savitskogo* [Savitsky V. M. (ed.) Constitutional foundations of justice in the USSR]. Moscow: Nauka, 1981, 360 p. [in Russian].
18. Petrukhin I. L. *Chelovek i vlast' (v sfere bor'by s prestupnost'yu)* [Man and power (in the field of combating crime)]. Moscow: Yurist", 1999, 392 p. [in Russian].
19. Gizatullin I. A. *Otkaz gosudarstvennogo obvinitelya ot obvineniya v kontekste obespecheniya protsessual'noi svobody sud'i* [Withdrawal of the charge by the public prosecutor in the context of ensuring procedural freedom of the judge]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule-of-Law State: Theory and Practice], 2022, no. 1, pp. 42–59. DOI: <http://doi.org/10.33184/pravgos-2022.1.3> [in Russian].
20. Sharipova A. R. *Kontseptual'nye osnovy mezhotraslevoi konvergentsii v sudebnom proizvodstve po ugolovnym delam: monografiya* [Conceptual foundations of intersectoral convergence in criminal court proceedings: monograph]. Moscow: Prospekt, 2023, 320 p. [in Russian].
21. Golovko L. V. *Gosudarstvo i ego ugolovnoe sudoproizvodstvo: monografiya* [State and its criminal proceedings: monograph]. Moscow: Gorodets, 2022, 458 p. Available at: <https://www.iuaj.net/node/3133> [in Russian].
22. Lazareva V. A. *Reformiruemoe predvaritel'noe rassledovanie* [Reformed preliminary investigation]. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovnogo protsessa Rossii: mezhvuz. sb. nauch. st. Pod red. prof. V.A. Lazarevoi; Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu* [Lazareva V. A. (ed.) Current issues of modern criminal process in Russia: interuniversity collection of scientific articles]. Samara: Samarskii universitet, 2009, issue 4, pp. 4–18. Available at: https://repo.ssau.ru/bitstream/Aktualnye-problemy-sovremennogo-ugolovnogo-processa/Reformiruemoe-predvaritelnoe-rassledovanie-64841/1/up2009_1.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30614572>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ztykhj> [in Russian].

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-84-95

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34, 340.1, 341.9

Дата поступления: 25.01.2025
рецензирования: 26.02.2025
принятия: 12.05.2025**Российские «контрсанкции»: попытка определения правовой природы****Я. С. Бутакова**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация
E-mail: yanabutakova@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8686-5384>

Аннотация: Новеллы в санкционном регулировании зарубежных стран в качестве первоочередной меры активизировали быстрые и вынужденные изменения в российском контрсанкционном законодательстве. В статье предпринята попытка определения правовой природы и сущности российских контрсанкций через раскрытие и сравнение институтов международного публичного и частного права. Главной целью статьи является анализ правового содержания российских контрсанкций. Вместе с тем достижение поставленной цели в полной мере представляется невозможным без раскрытия содержания международных санкций, так как контрсанкции в их широком смысле можно рассматривать как разновидность международных санкций (односторонних). Для достижения поставленной цели автор использовал как философские и общенаучные методы познания, так и методы, характерные непосредственно для юридической науки. Основную теоретическую основу исследования составили труды отечественных и иностранных ученых в области международного частного и публичного права. Раскрывая понятие контрсанкции через институты международного публичного и международного частного права, автор приходит к выводам, что российские контрсанкции содержат в себе признаки институтов международного частного и международного публичного права. Вместе с тем можно говорить о явном частнопроводном эффекте контрсанкционного регулирования.

Ключевые слова: международные санкции; санкции; контрсанкционное регулирование; контрсанкции; реторсии; контрмеры; репрессалии; рестрикции; самопомощь государства.

Цитирование. Бутакова Я. С. Российские «контрсанкции»: попытка определения правовой природы // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 84–95. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-84-95>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Бутакова Я. С., 2025

Яна Сергеевна Бутакова – аспирант, преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 25.01.2025
Revised: 26.02.2025
Accepted: 12.05.2025**Russian «counter-sanctions»: an attempt to define the legal nature****Ya. S. Butakova**HSE University, Moscow, Russian Federation
E-mail: yanabutakova@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8686-5384>

Abstract: Innovations in the sanctions regulation of foreign countries have activated rapid and forced changes in Russian counter-sanctions legislation as a priority measure. The article attempts to determine the legal nature and essence of Russian counter-sanctions through the disclosure and comparison of institutions of international public and private law. The main purpose of the article is to analyze the legal content of Russian counter-sanctions. At the same time, it seems impossible to fully achieve this goal without disclosing the content of international sanctions, since counter-sanctions, in their broadest sense, can be considered as a type of international (unilateral) sanctions. To achieve this goal, the author

used both philosophical and general scientific methods of cognition, as well as methods specific to legal science. The main theoretical basis of the research was the works of domestic and foreign scientists in the field of private and public international law. Revealing the concept of counter-sanctions through the institutions of public international and private international law, the author comes to the conclusion that Russian counter-sanctions contain signs of institutions of private international and public international law. At the same time, we can talk about the obvious private law effect of counter-sanctions regulation.

Key words: international sanctions; sanctions; counter-sanctions regulation; counter-sanctions; retorsions; countermeasures; reprisals; restrictions; self-help of the state.

Citation. Butakova Ya. S. *Rossiiskie «kontrsanktsii»: popytka opredeleniya pravovoi prirody* [Russian «counter-sanctions»: an attempt to define the legal nature]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 84–95. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-84-95> [in Russian].

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interests.

© Butakova Ya. S., 2025

Yana S. Butakova – postgraduate student, lecturer, HSE University, 20, Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation.

Введение

Особенностью международных экономических санкций является ответная правовая реакция национального законодателя страны – объекта санкций, а именно формирование защитных контрсанкционных мер. Происходит формирование института контрсанкционного регулирования в ответ на недружественные односторонние ограничительные меры в целях защиты собственных национальных интересов. Такие законотворческие процессы происходят в Беларуси, России, Кубе, Иране, Китае [1, с. 51] и множестве других стран, пострадавших от односторонних санкций. Вместе с тем контрсанкции являются своего рода разновидностью односторонних санкций, но применяются только при возникновении объективной и существенной угрозы, обусловленной неправомерными или недружественными действиями иностранного субъекта [2, с. 131].

Контрсанкционное российское регулирование в широком смысле можно рассматривать и как санкционное регулирование, т. к. в основе и того и другого стоит задача по формированию правовой, легальной основы введения санкций против иностранных государств, их компаний и институтов, а также защита собственной экономики и ее субъектов. К настоящему моменту в России принято множество нормативных правовых актов, направленных на защиту экономических интересов страны в условиях международных санкций. Ранее введенные в этой связи разрозненные правовые нормы стали постепенно приобретать выраженные черты единства регулирования, что позволяет утверждать о формировании самостоятельного правового института – института контрсанкционного (или санкционного) регулирования [3, с. 75].

Важно отметить, что, с одной стороны, формирование нового института российского контрсанкционного регулирования стало ответом на ужесточившиеся санкции в отношении России и было призвано защитить имеющиеся общественные отношения (корпоративные, налоговые, таможенные и иные) в новых условиях. С другой стороны, новое регулирование является продолжением санкционной политики России, основу которой

зложил Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» (далее – ФЗ № 281).

1. Контрсанкции и санкции: определение

Термин «контрсанкции» тесно связан с термином «санкции». **Контрсанкции** – это меры политического и экономико-социального характера, которые вводятся государством в ответ на применяемые по отношению к нему односторонние социально-экономические санкции. Данному термину исторически предшествовал (и продолжает применяться параллельно или совместно) термин «специальные экономические меры». Согласно ФЗ № 281, специальные экономические меры – это запрет на совершение действий в отношении иностранного государства и (или) иностранных организаций и граждан, а также лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории иностранного государства, и (или) возложение обязанности совершения указанных действий и иные ограничения. Вместе с тем доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН А. В. Габов вводит в научный оборот термин «антисанкционные меры». Согласно автору, антисанкционные меры – это **система правовых средств, направленных на устранение или снижение негативных последствий ограничительных мер (санкций)** [4, с. 110]. Нельзя также не отметить вклад в изучение российского контрсанкционного регулирования доктора юридических наук, профессора Б. А. Шахназарова [5, с. 145], который впервые ввел в оборот термин «санкционное право», указав, что оно включает в свой правовой периметр публично-правовые и частноправовые отношения.

Вместе с тем международными санкциями¹, с позиции международного публичного права, являются лишь меры, принимаемые Советом Безопасности согласно Уставу ООН и обеспе-

¹ В рамках настоящей статьи автор не ставит целью подробный анализ содержания и правовой сущности международных санкций в контексте международного права. Раскрытие содержания приведено в целях проведения сравнительного анализа с российскими контрсанкциями.

ченые системой гарантий, не позволяющих использовать их для получения односторонних преимуществ. Применительно к современным международным экономическим санкциям таких гарантий нет [6, с. 34]. Так, ст. 41 Устава ООН закрепляет полномочия Совета Безопасности по принятию решений об использовании мер, не связанных с вооруженной силой (такие как прекращение экономических отношений, ограничение перевозок и разрыв дипломатических отношений). Вместе с тем целью данных мер является поддержание или восстановление международного мира и безопасности (ст. 39 Устава ООН).

Отдельно отметим, что некоторые международные акты в области торговли закрепляют возможность применения односторонних ограничений. Так, в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 г. и Генерального соглашения по торговле услугами 1994 г. односторонние торговые ограничения возможны, если, по мнению участника ВТО, имеется угроза его безопасности [7]. Официальная позиция ряда стран, а также России заключается в непризнании легальности современных односторонних экономических санкций.

При этом вопрос о правовой сущности и содержании санкций в международном праве до сих пор является дискуссионным. Так, в доктрине встречаются следующие определения санкций. Согласно определению Х. Келера, санкции – это принудительные меры, принимаемые одним государством или группой государств против другого государства, при этом они являются законными только тогда, когда деяния подсанционного государства представляют угрозу национальной безопасности, или тогда, когда используются в качестве контрмеры против международных противоправных действий государства. Международные экономические санкции являются средством, наравне с военной силой, для восстановления международного мира и безопасности. При этом автор отмечает, что любая политика санкций связана с фактической оценкой действий подсанционного субъекта как противоправных или законных [6]. А. В. Калинин подчеркивает, что односторонние меры не являются санкциями. В международном праве санкции всегда вертикальные, основой их легальности являются согласованные в рамках определенного институционального механизма действия международного сообщества, направленные на восстановление и поддержание международной безопасности [8, с. 35]. И, как указывает в своих трудах И. И. Лукашук, государства, активно применяющие односторонние меры принуждения к другим государствам, предпочитают использовать термин «санкции» [9, с. 311].

В своей работе Й. Гальтунг дает определение санкциям как действиям одного или нескольких международных субъектов против одного или нескольких других объектов в целях их наказания и принуждения к определенному поведению [10, с. 400]. При этом, с позиции автора, основной эле-

мент санкций – именно подчинение объекта санкций определенным правилам, нормам, а не его наказание. А Ф. Гюмейли считает, что санкции – это политически обусловленные меры, являющиеся следствием нарушения международных норм [11, с. 137].

Определение санкций содержится в Проектах статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts)², в которые включены расширенные комментарии Комиссии международного права (в отличие от их приведенного сокращенного вида в приложении к Резолюции 56/83 от 12.12.2001³, далее – Резолюция № 56/83). Так, Комиссия международного права определила санкции как «коллективные принудительные меры, решение об осуществлении которых принимается международной организацией или группой государств». Впоследствии Комиссия по международному праву ООН при подготовке вышеуказанного Проекта статей об ответственности намеренно отказалась от использования термина «санкции», заменив его на «меры» и «контрмеры» для описания «горизонтальных» реакций государств на международные нарушения.

Обобщая сказанное, следует признать, что разделение терминов «международные экономические санкции» и «односторонние ограничительные меры» играет особую дискуссионную роль для целей науки и практики, вместе с тем необходимо отметить тенденцию их повсеместного смешения и взаимозаменяемого использования. Таким образом, санкции – это меры, принимаемые одним субъектом в отношении другого субъекта международного права в целях добиться изменения поведения первого, в то время как контрсанкции – это ответ на односторонние недружественные ограничительные меры в целях минимизации их негативного воздействия. Однако критерий «недружественности» как внешнее выражение действий, негативно влияющих на суверенитет и безопасность государства и его лиц, может иметь определяющее значение как для международных санкций, так и для ответных контрсанкций. Установление и раскрытие факта недружественных действий может стать обоснованием применения ограничительных мер против государства и его лиц.

При этом, с учетом современных санкционных реалий и подходов в доктрине, международные экономические санкции можно определить как меры принуждения преимущественно экономи-

² Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts 2001. URL: <https://www.ilsa.org/Jessup/Jessup15/Second%20Batch/ARSIWA%20Commentaries.pdf>.

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12.12.2001 № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». A/RES/56/83. URL: <https://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/56/83>.

ческого характера в целях воздействия на объект санкций и достижения определенного политического эффекта, не являющиеся легальными в случае их принятия в одностороннем порядке в обход норм международного права.

2. Контрсанкции как репрессалии⁴

Репрессалии являются категориями индивидуальных материальных мер международно-правового принуждения. В главе II Резолюции ООН 56/83 от 12.12.2001 говорится о контрмерах (countermeasures), которые пострадавшее государство может принимать против государства, ответственного за международное правонарушение, с целью мотивировать его выполнить свои обязательства. При этом в статьях не выделяются непосредственно репрессалии, а используется именно обобщающий термин «контрмеры». Несмотря на то что термин «репрессалии» используется в современном праве в контексте контрсанкций, что является абсолютно корректным и правильным, в современной доктрине периодически встречается автономное упоминание репрессалий. Ряд исследователей, таких как М. В. Кешнер, Ф. И. Валларовский, В. К. Суворов, Е. А. Коновалова, соблюдают термин «репрессалии», противопоставляя его термину «реторсии», о чем будет сказано позднее.

Репрессалии – это точечные правомерные принудительные меры, принимаемые в двусторонних отношениях одним государством в ответ на серьезные международные нарушения и преступления, совершенные другим государством-адресатом. Принудительный характер репрессалий означает использование в отношении адресата мер, в обычных условиях противоправных, однако в случаях, когда эти меры носят ответный и соразмерный характер, – правомерных. Но при этом современная научная мысль призывает отказаться от термина «репрессалии» как устаревшего и ассоциирующегося с правом на акт военной агрессии [12, с. 38]. А Декларация о принципах международного права от 24.10.1970 № 2625 закрепляет обязанность государств воздержаться от актов репрессалий, связанных с применением силы.

На наш взгляд, отождествление российских контрсанкций с репрессалиями является недопустимым ввиду разных целей репрессалий и контрсанкций. Так, если репрессалии имеют карательную цель, то российские контрсанкции направлены на защиту суверенитета и национальных интересов. Например, Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79⁵ закрепляет, что он вводится

«в связи с недружественными и противоречащими международному праву действиями Соединенных Штатов Америки (...) в целях защиты национальных интересов Российской Федерации», а Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»⁶ преследует цель «защиты интересов и безопасности Российской Федерации, ее суверенитета и территориальной целостности, прав и свобод граждан Российской Федерации от недружественных действий Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств».

3. Контрсанкции как контрмеры

Контрмеры являются характерной чертой децентрализованной системы, т. е. системы, находящейся вне какого-либо надгосударственного объединения, «с помощью которой потерпевшие государства могут добиваться защиты своих прав и восстановления правовых отношений с ответственным государством, которые были разорваны в результате международно-противоправного деяния» (из комментария к ст. 48 Резолюции № 56/83). При этом контрмеры, согласно ст. 54 Резолюции № 56/83, применяются непосредственно потерпевшим государством. Таким образом, если утверждать, что РФ не совершила противоправного международного деяния, а иностранные государства совершили необоснованный и нелегитимный акт санкционной агрессии, то российские контрсанкции можно квалифицировать как контрмеры с позиции международного права. Российские контрсанкции подпадают под определение контрмер как формы самопомощи пострадавшего государства только в том случае, если они введены непосредственно пострадавшей от ограничительных действий иностранных государств стороной (Россией) или имеет место факт правонарушения страны – объекта санкций.

Таким образом, основным критерием квалификации контрсанкций в качестве контрмеры является признание или непризнание действий страны – объекта санкций неправомерными и нарушающими нормы международного права. В тех случаях, когда существование международно-противоправного деяния оспаривается, государство, прибегающее к контрмерам, делает это на свой страх и риск и может понести ответственность, если компетентный орган сочтет его оценку необоснованной, т. к. контрсанкции как контрмеры должны быть направлены только против государства-правонарушителя (за исключением третьих

⁴ Выделение репрессалий и далее самопомощи государства в отдельные пункты настоящей статьи произведено исключительно в целях удобства изложения материала, а не обусловлено попыткой автора обосновать их как отдельные категории (автономные понятия).

⁵ Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных

Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/403615686>.

⁶ Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43117>.

государств) и имеют целью побуждение этого государства к выполнению соответствующего обязательства.

4. Контрсанкции как самопомощь пострадавшего государства

Наряду с термином «контрмеры» международное право использует термин «самопомощь», который является альтернативой санкций ООН и связан и принятием ненасильственных мер. В ряде исследований самопомощь государств обозначается как серая зона, т. к. это меры, которые *ab initio* не порождают противоправного деяния со стороны принимающего их государства и, соответственно, не регулируются международным правом.

Некоторые концепции самопомощи признаются международным правом под термином «ответные меры и контрмеры», которые, в свою очередь, чаще упоминаются в доктрине как реторсии. В современных исследованиях утверждается, что самопомощь государств тесно связана с правом государства на насилие и противоречит современному международному праву. Термин «самопомощь», по мнению И. И. Лукашука, отпал как не соответствующий юридическому характеру международного права [9, с. 87].

При этом и самопомощь, и контрмеры часто используются как взаимозаменяемые синонимы, что является некорректным с позиции международно-правового понятийно-категориального аппарата. В комментарии 2 к разделу 2, комментарии 2 к ст. 52 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния контрмеры называют формой самопомощи пострадавшего государства [13, с. 145].

В этой части также имеет значение факт законности действий объекта санкций. Если международное сообщество незаконно обрушило на объект санкций весь массив санкций, то пострадавшее государство имело полное право прибегнуть к самопомощи в виде контрмер – контрсанкций.

5. Контрсанкции как рестрикции и односторонние меры

В современной юридической науке практически нет исследований, касающихся института рестрикций. Так, К. В. Крицкий указывает, что рестрикции применяются одним государством (государственным объединением) в отношении другого, носят финансово-экономический характер, направлены против отдельных лиц той страны, в отношении которой они применяются, либо целых отраслей ее экономики и преследуют цель защиты интересов и принуждения государства – адресата санкций к изменению своей политики [14, с. 70]. При этом рестрикции не являются средством имплементации международно-правовой ответственности, а представляют собой механизм осуществления внешней политики отдельных государств [15, с. 175]. Введение рестрикций не требует какого-либо одобрения международного сообщества, а конкретные формы рестрикций

определяются непосредственно и самостоятельно государством. Таким образом, рестрикции применяются вне зависимости от доказанности факта правонарушения страны – объекта санкций.

Природа контрсанкций и рестрикций неодинакова. Рестрикции направлены на обеспечение международного мира и безопасности, существующего миропорядка, пресечение и предотвращение нежелательных деяний государств, посягающих на них, а российские контрсанкции преследуют национальные интересы, вне общих целей и задач мирового сообщества.

Говоря про международные санкции в классическом понимании, возможно охарактеризовать их как коллективные меры в рамках ООН и ответной реакции на международное правонарушение. Санкции, в контексте коллективных мер, не могут вводиться в целях защиты национальных интересов, если это прямо не предусмотрено нормами международного права. В резолюциях ООН указывается, что односторонние принудительные меры противоречат международному праву и Уставу ООН, угрожают суверенитету государств, нарушают принцип невмешательства во внутренние дела.

Вместе с тем российские контрсанкции, хотя и имеют определенные черты международных санкций (односторонних ограничительных мер), ими не являются, а их оценивание, в контексте Устава ООН, является некорректным. При этом ФЗ № 281 закрепляет, что Россия вправе ввести специальные экономические меры в ответ на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства, а также в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН. Как следует из формулировок указанного закона, происходит смешивание коллективных принудительных мер (санкции в их классическом виде) и индивидуальных ответных принудительных мер (контрмер).

6. Контрсанкции как реторсии

Прежде чем сделать вывод о наличии в российских контрсанкциях признаков реторсий (ст. 1194 Гражданского кодекса РФ, далее – ГК РФ), необходимо сравнить последние с уже рассмотренными институтами международного права. Так, отличием реторсий от репрессалий (помимо того, что одни, в классическом их понимании, являются институтом международного частного права, а другие – публичного) является то, что реторсии не обязательно принимаются в ответ на предшествующее международно-противоправное деяние [16, с. 256]. Таким образом, реторсия может не быть временной или обратной мерой [17, с. 198]. Вместе с тем, как справедливо замечает А. В. Габов, в современной науке не сложилось универсального подхода в части соотношения контрсанкционных мер с репрессалиями и реторсиями, однозначного понимания к подходам их применения, а также к вопросу их соразмерности [4, с. 110].

Ряд исследователей отличает репрессалии от реторсий на том основании, что первые обычно выражаются в виде ответных насильственных действий пострадавшей стороны [12, с. 38]. Другие авторы утверждают, что реторсия – это ответ на недружественный акт, не составляющий международного правонарушения, в то время как репрессалии служат ответной реакцией на противоправные действия [18, с. 16].

Вместе с тем М. В. Кешнер утверждает, что реторсии, в отличие от санкций (и, полагаем, контрсанкций как разновидности санкций), могут использоваться в качестве превентивной меры [19, с. 115]. На наш взгляд, данное утверждение является относительно спорным, так как реторсии, хотя и могут быть использованы, но не обязательно используются как превентивная мера, а российское право трактует реторсии именно как установленные ответные ограничения. Аналогичное определение содержится в разделе VII Гражданского кодекса Республики Беларусь, а также в ряде кодексов бывших республик СССР. Реторсии и контрсанкции, являясь ответными мерами, носят близкий характер.

Разграничивая реторсии и репрессалии, принято отмечать, что если первые являются национальным актом, то вторые – международным. Важно подчеркнуть, что в современной российской доктрине не представлены детальный анализ российских контрсанкций и их квалификация в контексте международного частного права [4, с. 140]. Так, только делаются первые попытки квалифицировать российские ответные меры как реторсии [20, с. 323].

При этом представляется достаточно вероятным, что российская судебная практика пойдет по пути признания российских контрсанкций реторсиями. Первой подобной попыткой отнести российские контрсанкции к реторсиям стало решение Арбитражного суда Кировской области от 03.03.2022 по делу № А28-11930/2021, в котором было отказано в защите интеллектуальных прав представителю недружественного государства со ссылкой на Указ Президента от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций». Суд впервые в российской судебной практике отказал истцу (Entertainment One UK Ltd.) в защите его интеллектуальных прав со ссылкой на происхождение истца из недружественного государства – Великобритании. А сам факт защиты своих прав истцом суд расценил как злоупотребление правом, с учетом введения ограничительных мер в отношении России. Несмотря на то что в дальнейшем апелляционная инстанция отменила данное решение, подтвердив, что «на территории Российской Федерации гражданам и организациям равным образом гарантируется защита всех форм собственности (...)», а общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой систе-

мы Российской Федерации⁷, описанное дело можно считать квазипрецедентным. В последующей судебной практике суды не давали оценку обстоятельствам дел с санкционной составляющей с позиции реторсий.

Отдельно необходимо обратить внимание на проблему соразмерности контрсанкционных мер. Построенное на принципах сотрудничества и взаимности международное частное право допускает ответное реагирование государства на недружественные действия другого государства. Фактическое содержание реторсий заключается в правомерном ответе на дискриминацию со стороны другого государства. Термин «соразмерность» как критерий реторсий тесно связан с проблемой критериев непосредственно самой соразмерности. Невозможно однозначно ответить, как рассчитать и вычислить соразмерность подобного рода ответных мер. На наш взгляд, направленная на устранение дискриминирующего поведения реторсия может отступить от требования императивного соблюдения принципа соразмерности.

Таким образом, российские контрсанкции имеют ряд признаков реторсий. Они не обязательно вводятся в ответ на предшествующие правонарушения или преступление государства – субъекта санкций, причиной может быть также нежелательное поведение страны – субъекта санкций.

7. Контрсанкции как нормы непосредственного применения

В современной доктрине термин «нормы непосредственного применения» и «сверхимперативные нормы» являются синонимичными, при этом исследователи предпочитают использовать именно термин «сверхимперативные нормы» указывая на неопределенность границ данной категории [21, с. 25].

Положения об императивных и сверхимперативных нормах в международном частном праве закреплены в современном законодательстве благодаря учению Ф. К. Савиньи. Именно он выделил и различал в международном частном праве два вида императивных норм [22–24]. К первому виду ученый отнес императивные формы «норм, действие которых не может быть парализовано контрактом». Ко второму типу (классу) Савиньи отнес нормы, не только установленные в интересах отдельных лиц, но и сформированные по моральным соображениям или исходя из общественных интересов, – оговорки об общественном/публичном порядке. Эти нормы, по мнению Савиньи, должны применяться при любых обстоятельствах, в том числе в тех случаях, когда они неизвестны этой иностранной системе.

Сверхимперативные нормы необходимо отличать от императивных норм. Так, в современной

⁷ Постановление Второго Арбитражного апелляционного суда от 21.06.2022 по делу № А28-11930/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a45fa186-05bb-43b5-87d9-1f0d3b640142>.

доктрине к сверхимперативным нормам (нормам непосредственного действия) относятся только те нормы, которые защищают публичные интересы, являющиеся конституционными ценностями, имеющими принципиальное значение для устройства страны. К императивным нормам относятся нормы, закрепляющие публичные интересы, не относящиеся к конституционно значимым ценностям [25, с. 83].

Термин «нормы непосредственного применения» в российском законодательстве закреплен в ст. 1192 ГК РФ. Смысл данной нормы используется в узком значении и тем самым отражает правовую природу этой особой категории норм, которые применяются непосредственно, напрямую, т. е. минуя какие-либо коллизионные нормы и соглашения сторон о выборе применимого права.

Легальное определение сверхимперативной нормы содержится в Регламенте Европейского парламента и Совета Европейского союза от 17.06.2008 № 593/2008. Так, согласно п. 1 ст. 9 указанного Регламента, под сверхимперативными нормами (*overriding mandatory provisions*) понимаются положения, соблюдение которых имеет ключевое/критическое (*сrucial*) значение для охраны публичных интересов принявшего их государства. Следует отметить, что как вышеуказанный Регламент, так и содержащееся в его тексте определение сверхимперативных норм являются обязательными лишь для стран – участников ЕС.

Вместе с тем О. В. Засемкова выделяет следующие признаки, по которым российские императивные нормы можно квалифицировать как сверхимперативные: материально-правовой характер; особая императивность; безусловный характер действия; нацеленность на защиту наиболее значимых интересов государства или отдельных категорий лиц; необходимость [26, с. 90]. Можно выделить соответствующие признаки сверхимперативных норм, присутствующие в российском контрсанкционном регулировании.

1. *Их цели* – защита публичных интересов государства. Примером являются Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79⁸, закрепляющий, что он вводится «в связи с недружественными и противоречащими международному праву действиями Соединенных Штатов Америки (...) в целях защиты национальных интересов Российской Федерации» и Федеральный закон от 04.06.2018 № 127 «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»⁹, за-

крепляющий в качестве цели «защиту интересов и безопасности Российской Федерации, ее суверенитета и территориальной целостности, прав и свобод граждан Российской Федерации от недружественных действий Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств».

2. *Фундаментальная важность* нормы для защиты этих интересов оправдывает ее применение в любой ситуации, подпадающей под ее действие, *независимо от применимого права*. Здесь примером являются нормы АПК РФ в части возможности изменения подсудности в одностороннем порядке (248.1 АПК РФ).

3. *Особый императив нормы* – в дополнение к тому факту, что от нее нельзя отступать во «внутренних» договорах: такая норма подлежит применению даже в тех случаях, когда отношения содержат иностранный элемент и регулируются иностранным правом. Например, с 17 января 2023 г. введена временная процедура ограничения корпоративных прав иностранных участников в ряде российских корпораций, а именно: российские компании из сфер энергетики, машиностроения и торговли имеют право голосовать, не учитывая голоса акционеров из «недружественных» стран при принятии корпоративных решений¹⁰.

4. Нормы являются сверхимперативными вследствие *прямого указания на их особый характер* (или это прямо следует из особой значимости охраняемых ими отношений). Практически все акты в рамках «контрсанкционного» регулирования приняты в целях обеспечения безопасности РФ.

Можно предположить, что российские контрсанкции имеют признаки сверхимперативных норм / норм непосредственного применения. Но подобное утверждение поднимает вопрос о возможности признания норм публичного права сверхимперативными. Так, **Постановление Пленума Верховного суда от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»** в п. 9 закрепляет, что норма имеет особое значение и относится к нормам непосредственного применения, если она имеет своей основной целью защиту публичного интереса, связанного с основами построения экономической, политической или правовой системы государства. Из данного определения неясно, входят ли в перечень сверхимперативных норм нормы только частного права, или также нормы публичного права. Если признать, что нормы публичного права могут быть сверхимперативными, то российские контрсанкции, являясь межотраслевым институтом на стыке частного и публичного права (о чем будет сказано ниже), можно квалифицировать как сверхимперативную норму.

⁸ Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47577>.

⁹ Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43117>.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 17.01.2023 № 16 «О временном порядке принятия решений органами некоторых российских хозяйственных обществ». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301170007?index=0&rangeSize=1>.

Современные российские контрсанкции как разновидность санкций содержат признаки норм непосредственного применения (сверхимперативных норм) и реторсий. При этом, допуская, что нормы публичного права могут быть отнесены к категории сверхимперативных, а реторсии не всегда должны быть соразмерными ввиду особо значимой цели их введения, российские контрсанкции можно квалифицировать как сверхимперативную норму (в части публичного регулирования, непосредственно направленного на защиту безопасности РФ и особо значимых общественных интересов) и реторсию (как ответную меру в части охраны прав и свобод частных лиц).

8. Контрсанкции как частноправовое и публично-правовое явления

В процессе анализа правовой сущности контрсанкций актуальным является определение места данного института в системе международного частного или публичного права, что в дальнейшем позволит очертить пределы допустимого вторжения государства – субъекта санкций в сферу личных интересов подсанкционных лиц.

Российские контрсанкции действуют в пределах территории принявшего их государства и имеют сугубо территориальный характер, а нарушение закрепленных контрсанкционных запретов является основанием для привлечения к ответственности в рамках национального законодательства. Так, если обратиться к ФЗ № 281, в ч. 3 ст. 3 указано, что *«реализация специальных экономических мер обязательна для органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также для находящихся под юрисдикцией Российской Федерации организаций и физических лиц»*. Таким образом, государство обладает юрисдикцией применять ограничения в пределах своей территории, а также налагать запреты на своих физических и юридических лиц для защиты публичных интересов.

В ряде исследований санкции (односторонние ограничительные меры) определяются как инструмент внешней политики, который направлен на ограничение и понижение экономического потенциала страны – объекта санкций [27, с. 319]. И если международные экономические санкции носят в большей степени публичный характер, то российские контрсанкции, как реакция на них, носят и частноправовой, и публично-правовой характер. Так, международные ограничения на поставку товаров в Россию вызвали ответное явление российской правовой системы (контрсанкции) в виде Постановления Правительства РФ от 29.03.2022 № 506¹¹, легализовавшего параллельный импорт в

¹¹ Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413173/?ysclid=m7vyh3ksra60145370.

современном виде. Данный нормативный акт является примером публичного акта, оказывающего непосредственное влияние на частноправовые отношения.

Отвечая на вопрос, относятся ли контрсанкции к частноправовым или публично-правовым явлениям, интересным представляется, что современная юридическая доктрина отмечает развитие процессов публизации и приватизации между частным и публичным правом. Нормы частного права также имеют безусловное значение в случаях защиты публичных интересов. При этом, как отмечает Е. Н. Пименова, любое право может быть сведено к публичному интересу, если взять не изолированное отношение, а всю совокупность однородных отношений, тот или иной юридический институт [28, с. 115]. Наглядным примером этому может быть Указ Президента РФ № 302 от 25.04.2023¹², который ввел новый санкционный институт – временное управление иностранными компаниями. Данный Указ, являясь публичным актом, позволяет ограничивать частные права (корпоративные, личные имущественные и личные неимущественные).

Необходимо обратить внимание на то, что современные контрсанкции затронули такую сферу частного права, как корпоративные отношения. Экономические санкции, вводимые зарубежными государствами в отношении российских лиц, и российские контрсанкции оказывают существенное влияние на корпоративные отношения в российских корпорациях, на корпоративное управление, владение и контроль в них, изменяют характер отношений между акционерами корпорации и иными заинтересованными лицами. Так, наиболее серьезным результатом подобного влияния стало ограничение частных прав акционеров: права акционера на участие в распределении прибыли (получение дивидендов), а также права участвовать в общих собраниях компании и голосовать на них.

Вместе с тем с момента начала активного формирования российского контрсанкционного регулирования произошло обособление акционеров из недружественных государств от иных акционеров. Для этого процесса характерно формирование отдельного законодательства, специальных ограничений, а также обособленных процедур согласования и проведения сделок с их участием (участием их капитала). Таким образом, можно утверждать, что произошло оформление нового субъекта корпоративных отношений – акционеров / участников корпораций из недружественных государств. А сам факт такого явного вмешательства контрсанкционного регулирования в сферу частного права наглядно демонстрирует наличие частноправового эффекта у международных санкций и российских контрсанкций. Современные санкционные и контр-

¹² Указ Президента РФ от 25.04.2023 № 302 «О временном управлении некоторым имуществом». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445530/?ysclid=m7vyh3ksra60145370.

санкционные условия подняли проблему широкого ограничения прав участников корпораций в русле негативного влияния на частные права в целом. Аналогичного опыта столь масштабного влияния внешних факторов на корпоративные права в России в современной истории не было.

Отдельно необходимо обратить внимание, что российское контрсанкционное регулирование тесно связано с институтом международного частного права – публичным порядком (ст. 1193 ГК РФ). Важным документом в указанном контексте является Указ Президента от 03.05.2022 № 252¹³. В данном Указе четко обозначается цель защиты публичных интересов, а именно уточняется, что меры вводятся в целях защиты национальных интересов страны и в ответ на враждебные и противоречащие международному праву действия иностранных государств.

Представляется невозможным однозначное и исключительное отнесение российских контрсанкций к международному частному или публичному праву, но мы можем говорить об их ярком частнопубличном эффекте. Национальные акты, зачастую являясь актами публичного права, определяют юридические права и обязанности не только субъектов публичного права, но и частного права. Институт российского контрсанкционного регулирования связан с такими нормами международного частного права, как реторсии, сверхимперативные нормы, публичный порядок.

Заключение

Таким образом, российские контрсанкции содержат в себе признаки институтов международного частного и международного публичного права. Вместе с тем можно говорить о явном частнопубличном эффекте контрсанкционного регулирования. Санкционное регулирование отражает современные процессы формирования частнопубличного аспекта публичного права, с одной стороны, и, с другой стороны, усиление публично-правового воздействия частного права, размывающая границы между публичным и частным правом. Акты, вводящие международные экономические санкции, имеют публичный характер, и при этом

¹³ Указ Президента от 03.05.2022 № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47802>.

Библиографический список

1. Бутакова Я. С. Контрсанкционное регулирование: сравнительно-правовой анализ (Россия и Китай) // Право и политика. 2024. № 10. С. 59–71. DOI: <http://doi.org/10.7256/2454-0706.2024.10.69366>. EDN: <http://elibrary.ru/zgizso>. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69366.
2. Шахназаров Б. А. Санкционное право: понятие, предмет, метод, нормативный состав // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 7. С. 143–149.
3. Бутакова Я. С. Контрсанкции как межотраслевой институт российского права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4. С. 72–80. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/72-80>.

они определяют права и обязанности субъектов частного права. Контрсанкции, вводимые нормами российского публичного права, не могли не отразиться на частнопубличных отношениях, что прямо следует из объема частных правоотношений, затронутых контрсанкционным регулированием (имущественных, корпоративных, трудовых и иных отношений).

При этом, допуская, что нормы публичного права могут быть отнесены к категории сверхимперативных, а реторсии не всегда должны быть соразмерными ввиду особо значимой цели их введения, российские контрсанкции можно квалифицировать как сверхимперативную норму и реторсию. Заметим, что российские контрсанкции содержат в себе все признаки сверхимперативных норм / норм непосредственного действия – как применяемые ввиду их особого значения вопреки иному правовому регулированию. Защита публичных интересов, основ экономики, политической системы государства придает контрсанкционной норме особое значение, делая ее сверхимперативной.

Российские контрсанкции при определенных обстоятельствах могут квалифицироваться в качестве институтов международного публичного права – контрмер, самопомощи пострадавшего государства. Вместе с тем правовая природа контрсанкций и рестрикций неодинакова, и их отождествление видится некорректным.

Причисление контрсанкций к репрессалиям не в полной мере соответствует современному международному праву, которое связывает этот термин с правом на силовую защиту, в то время как российские контрсанкции носят исключительно мирный экономический характер.

Контрсанкции, изначально являясь мерами публичного права, в большей степени направлены на регулирование именно частнопубличных отношений, что прямо следует из объема частных правоотношений, затронутых контрсанкционным регулированием (имущественных, корпоративных, трудовых и иных отношений). Именно фокусирование на частнопубличных отношениях придает российским мерам ответный характер – они не направлены на изменение политического курса иных стран в общем и целом, а ориентированы непосредственно на защиту суверенитета, экономики и граждан нашей страны, на прекращение дискриминационных действий.

4. Габов А. В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18, № 3. С. 96–141. URL: DOI: <http://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-3-gabov>.
5. Старженецкий В. В., Бутырина В. А., Курицына К. С. Российское антисанкционное регулирование: современное состояние и пути совершенствования // Закон. 2021. Т. 3, № 3. С. 119–142. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/8513>.
6. Koehler H. Sanctions and international law // International Organizations Research Journal. 2019. Vol. 14, issue 3. P. 27–47.
7. Бахин С. В., Ерёмченко И. Ю. Односторонние экономические «санкции» и международное право // Закон. 2017. № 11. С. 162–175. URL: <https://igzakon.ru/magazine/article?id=7228>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30693632>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zvrjvb>.
8. Калинин А. В. Экономические санкции ООН и односторонние экстратерриториальные меры экономического принуждения // Юрист-международник. 2005. № 4. С. 30–37.
9. Лукашук И. И. Право международной ответственности. Москва, 2004. 404 с. URL: <https://klex.ru/ih5>.
10. Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions: With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. 1967. Vol. 19, No. 3, Pp. 378–416. URL: <http://www.jstor.org/stable/2009785?origin=JSTOR-pdf>.
11. Giunelli F. Coercing, Constraining and Signalling: Explaining UN and EU Sanctions after the Cold War // Swiss Political Science Review. 2012. Vol. 18, Issue 1, Pp. 137–139. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1662-6370.2012.02054.x>.
12. Валяровский Ф. И. Международное право и новый мировой порядок в XXI веке // Политическое пространство и социальное время. Симферополь: АРИАЛ, 2016. С. 37–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26897107>. EDN: <https://elibrary.ru/wqipfd>.
13. Собакин В. К. Коллективная безопасность – гарантия мирного сосуществования. Москва, 1962. 518 с.
14. Крицкий К. В. Односторонние ограничительные меры в контексте международно-правового принуждения // Российский юридический журнал. 2017. № 4 (115). С. 62–73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30035515>. EDN: <https://elibrary.ru/zhgyjd>.
15. Рыбинцева Е. А. Понятие односторонних ограничительных мер в современном международном праве // Государство и право во времени и пространстве: сборник тезисов докладов Республиканской научно-практической конференции с международным участием студентов, магистрантов, аспирантов, 3 декабря 2021 года. Минск: БГЭУ, 2022. С. 175–177. URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/93252/1/Rybintseva_E.A._175_177.pdf.
16. Crawford J. State Responsibility. The General Part. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 906 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139033060>.
17. Giegerich T. Retorsion. MPEPIL, 2011, 684 p.
18. Коновалова Е. А., Фарвазова Ш. Р. Реторсии в международном праве: правовые аспекты. Проблемы разграничения со смежными категориями // Форум молодых ученых. 2017. № 12. С. 15–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retorsii-v-mezhdunarodnom-prave-pravovye-aspekty-problemy-razgranicheniya-so-smezhnymi-kategoriyami>.
19. Кешнер М. В. Экономические санкции в современном международном праве: монография. Москва: Проспект, 2015. 184 с. URL: <https://onlinelit.net/book/ekonomicheskie-sankcii-v-sovremennom-mezhdunarodnom-prave>.
20. Кинаш Д. Я. Параллельный импорт и реторсии в международном частном праве // II Международный междисциплинарный научно-практический конгресс «Актуальные проблемы международного частного права / Private International Law Issues»: сборник статей / под ред. д. ю. н. Б. А. Шахназарова, 25–26 апреля 2023 г. Москва, 2023. С. 321–324. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54593450&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/szbvmm>.
21. Гетьман-Павлова И. В., Варей-Соммьер П. Нарушение «сверхимперативных» норм как основание для отказа в признании и исполнении иностранных арбитражных решений (судебная практика Франции и России) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 22–42.
22. Savigny F. C. von. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 8. Berlin, 1849. 559 S.
23. Вольф М. Международное частное право. Москва, 1948. 703 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/1050420>.
24. Макаров А. Н. Основные начала международного частного права. Москва, 2005. 183 с. URL: <https://www.litres.ru/book/aleksandr-makarov/osnovnye-nachala-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava-480965/>.
25. Шулаков А. А. Публичный порядок в международном частном праве и проблемы толкования и применения сверхимперативных и императивных норм // Lex Russica. 2018. № 4 (137). С. 81–97. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.137.4.081-097>.
26. Засемкова О. Ф. К вопросу о понятии и признаках сверхимперативных норм международного частного права // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 4. С. 86–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26583121>. EDN: <https://elibrary.ru/wjsrllh>.
27. Нагоев А. М. Международное частное право: последствия введения санкций // Молодой ученый. 2023. № 2 (449). С. 318–320. URL: <https://moluch.ru/archive/449/98875/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=50130004>. EDN: <https://elibrary.ru/jykaap>.

28. Пименова Е. Н. Арбитражное процессуальное право в системе частного и публичного права // Право: история, теория, практика: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2011 г.). Санкт-Петербург: Реноме, 2011. С. 114–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26325734>. EDN: <https://elibrary.ru/tymkob>.

References

1. Butakova Ya. S. *Kontrtsanktsionnoe regulirovanie: sravnitel'no-pravovoi analiz (Rossiya i Kitai)* [Counter-sanctions regulation: comparative legal analysis (Russia and China)]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2024, no. 10, pp. 59–71. DOI: <http://doi.org/10.7256/2454-0706.2024.10.69366>. EDN: <http://elibrary.ru/zgizso>. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69366 [in Russian].
2. Shakhnazarov B. A. *Sanktsionnoe pravo: ponyatie, predmet, metod, normativnyi sostav* [Sanctions Law: Concept, Subject, Method and Regulatory Framework]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2022, vol. 17, no. 7. pp. 143–149. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.140.7.143-149> [in Russian].
3. Butakova Ya. S. *Kontrtsanktsii kak mezhotraslevoi institut rossiiskogo prava* [Counter-sanctions as an intersectoral institution of Russian law]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law], 2023, no. 4, pp. 72–80. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/72-80> [in Russian].
4. Gabov A. V. *Antisanktsionnye mery v rossiiskom prave* [Anti-sanction measures in Russian law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 2018, vol. 18, no. 3, pp. 96–141. DOI: <http://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-3-gabov> [in Russian].
5. Starzhenetskiy V. V., Butyrina V. A., Kuritsyna K. S. *Rossiiskoe antisanktsionnoe regulirovanie: sovremennoe sostoyanie i puti sovershenstvovaniya* [Russian anti-sanctions regulation: current state and ways of improvement]. *Zakon*, 2021, no. 3, pp. 119–142. Available at: <https://zakon.ru/publication/igzakon/8513> [in Russian].
6. Koehler H. Sanctions and international law. *International Organizations Research Journal*, 2019, vol. 14, issue 3, pp. 27–47.
7. Bakhin S. V., Eremenko I. Y. *Odnostoronnie ekonomicheskie «sanktsii» i mezhdunarodnoe pravo* [Unilateral economic «sanctions» and international law]. *Zakon*, 2017, no. 11, pp. 162–175. Available at: <https://igzakon.ru/magazine/article?id=7228>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30693632>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zvrjvb> [in Russian].
8. Kalinin A. V. *Ekonomicheskie sanktsii OON i odносторонние ekstraterritorial'nye mery ekonomicheskogo prinuzhdeniya* [UN economic sanctions and unilateral extraterritorial measures of economic coercion]. *Yurist-mezhdunarodnik* [International Lawyer], 2005, no. 4, pp. 30–37 [in Russian].
9. Lukashuk I. I. *Pravo mezhdunarodnoi otvetstvennosti* [The law of international responsibility]. Moscow, 2004, 404 p. Available at: <https://klex.ru/ih5> [in Russian].
10. Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions: With Examples from the Case of Rhodesia. *World Politics*, 1967, vol. 19, no. 3, pp. 378–416. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2009785?origin=JSTOR-pdf>.
11. Giumelli F. Coercing, Constraining and Signalling: Explaining UN and EU Sanctions after the Cold War. *Swiss Political Science Review*, 2012, vol. 18, issue 1, pp. 137–139. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1662-6370.2012.02054.x>.
12. Valyarovskiy F. I. *Mezhdunarodnoe pravo i novyi mirovoi poryadok v XXI veke* [International law and the new world order in the 21st century]. *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya* [Political space and social time]. Simferopol: ARIAL, 2016, pp. 37–40. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26897107>. EDN: <https://elibrary.ru/wqpifd> [in Russian].
13. Sobakin V. K. *Kollektivnaya bezopasnost' – garantiya mirnogo sosushchestvovaniya* [Collective security is a guarantee of peaceful coexistence]. Moscow, 1962, 518 p. [in Russian].
14. Kritskiy K. V. *Odnostoronnie ogranichitel'nye mery v kontekste mezhdunarodno-pravovogo prinuzhdeniya* [Unilateral restrictive measures in the context of international legal coercion]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2017, no. 4 (115), pp. 62–73. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30035515>. EDN: <https://elibrary.ru/zhyjyd> [in Russian].
15. Rybinceva E. A. *Ponyatie odносторонних ogranichitel'nyh mer v sovremenном mezhdunarodnom prave* [Concept of unilateral restrictive measures in modern international law]. In: *Gosudarstvo i pravo vo vremeni i prostranstve: sbornik tezisov dokladov Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem studentov, magistrantov, aspirantov, 3 dekabrya 2021 goda* [State and law in time and space: collection of theses of the reports of Republican research and practical conference with international participation of students, masters, and postgraduates, December 3, 2021]. Minsk: BGEU, 2022, pp. 175–177. Available at: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/93252/1/Rybintseva_E.A._175_177.pdf [in Russian].
16. Crawford J. *State Responsibility. The General Part*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, 906 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139033060>.
17. Giegerich T. *Retorsion*. MPEPIL, 2011, 684 p.
18. Konovalova E. A., Farvazov S. R. *Retorsii v mezhdunarodnom prave: pravovye aspekty. Problemy razgranicheniya so smezhnymi kategoriyami* [Retorsions in international law: legal aspects. Problems of limitation with related categories]. *Forum molodykh uchennykh*, 2017, no. 12, pp. 15–17. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/retorsii-v-mezhdunarodnom-prave-pravovye-aspekty-problemy-razgranicheniya-so-smezhnymi-kategoriyami> [in Russian].

19. Keshner M. V. *Ekonomicheskie sanktsii v sovremennom mezhdunarodnom prave: monografiya* [Economic sanctions in modern international law]. Moscow: Prospekt, 2015, 184 p. Available at: <https://onlinelit.net/book/ekonomicheskie-sankcii-v-sovremennom-mezhdunarodnom-prave> [in Russian].
20. Kinash D. Ya. *Parallel'nyi import i retorsii v mezhdunarodnom chastnom prave* [Parallel import and retorsions in international private law]. In: *II Mezhdunarodnyi mezhdistsiplinarnyi nauchno-prakticheskii kongress «Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo chastnogo prava / Private International Law Issues»: sbornik statei / pod red. d. yu. n. B. A. Shakhnazarova, 25–26 aprelya 2023 g.* [Shakhnazarov B. A. (Ed.) II International interdisciplinary research and practical congress «Topical issues of International Private Law / Private International Law Issues»: collection of articles, April 25–26, 2023]. Moscow, 2023, pp. 321–324. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54593450&pff=1>. EDN: <https://elibrary.ru/szbvmm> [in Russian].
21. Get'man-Pavlova I. V., Vareilles-Sommieres P. *Narushenie «sverkhimperativnykh» norm kak osnovanie dlya otkaza v priznanii i ispolnenii inostrannykh arbitrazhnykh reshenii (sudebnaya praktika Frantsii i Rossii)* [Violating Super-imperative Norms as Grounds to Refuse the Recognition and Execution of Foreign Arbitrage Decisions (Judicial Practice of France and Russia)]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law Journal of the Higher School of Economics], 2015, no. 1, pp. 22–42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-sverkhimperativnykh-norm-kak-osnovanie-dlya-otkaza-v-priznanii-i-ispolnenii-inostrannykh-arbitrazhnykh-resheniy-sudebnaya> [in Russian].
22. Savigny F. C. von. *System des heutigen Römischen Rechts*. Bd. 8 Berlin, 1849, 559 S. Available at: https://archive.org/details/bub_gb_AMkotPYy4WkC/mode/2up.
23. Volf M. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private International Law]. Moscow, 1948, 703 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/1050420> [in Russian].
24. Makarov A. N. *Osnovnye nachala mezhdunarodnogo chastnogo prava* [Basic principles of private international law]. Moscow, 2005, 183 p. Available at: <https://www.litres.ru/book/aleksandr-makarov/osnovnye-nachala-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava-480965/> [in Russian].
25. Shulakov A. A. *Publichnyi poryadok v mezhdunarodnom chastnom prave i problemy tolkovaniya i primeneniya sverkhimperativnykh i imperativnykh norm* [Public policy in private international law and problems of interpretation and application of super mandatory and mandatory provisions]. *Lex Russica*, 2018, no. 4 (137), pp. 81–97. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.137.4.081-097> [in Russian].
26. Zasemkova O. F. *K voprosu o ponyatii i priznakakh sverkhimperativnykh norm mezhdunarodnogo chastnogo prava* [The problem of the definition of the super-imperative rules (overriding mandatory provisions) of private international law]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskii zhurnal* [International Economic & Law Journal], 2016, no. 4, pp. 86–91. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26583121>. EDN: <https://elibrary.ru/wjsrlh> [in Russian].
27. Nagoev A. M. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: posledstviya vvedeniya sanktsii* [Private international law: the consequences of sanctions]. *Molodoi uchenyi*, 2023, no. 2 (449), pp. 318–320. Available at: <https://moluch.ru/archive/449/98875/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=50130004>. EDN: <https://elibrary.ru/jykaap> [in Russian].
28. Pimenova E. N. *Arbitrazhnoe protsessual'noe pravo v sisteme chastnogo i publichnogo prava* [Arbitration procedural law in the system of private and public law]. In: *Pravo: istoriya, teoriya, praktika: materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, iyul' 2011 g.)* [Law: history, theory, practice: materials of the 1st International scientific conference (St. Petersburg, July 2011)]. Saint Peterburg: Renome, 2011, pp. 114–116. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26325734>. EDN: <https://elibrary.ru/tymkob> [in Russian].

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-96-102

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3/7

Дата поступления: 16.03.2025
рецензирования: 19.04.2025
принятия: 12.05.2025

Средства совершения преступлений в сфере компьютерной информации по уголовному законодательству Российской Федерации и Туркменистана

А. Г. Корпеев

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: atakor@mail.ru

Аннотация: В статье в сравнительном ключе рассматривается правовая природа средств совершения преступлений в сфере компьютерной информации по уголовному законодательству Российской Федерации и Туркменистана. Дается общая характеристика средств совершения преступлений в сфере компьютерной информации, описываются их видообразование и классификация. С учетом комплекса оснований (информационно-технологического, международно-правового, национально-правового и доктринального характера) предложено авторское деление средств совершения преступлений в сфере компьютерной информации. Это компьютерные программы (в том числе вредоносные) либо иная компьютерная информация (ст. 272, 272¹, 273, 274, 274¹ УК РФ, 373, 374, 375, 379 УК Туркменистана); компьютерные устройства и иные виды электронно-вычислительных устройств (ст. 274, 274¹ УК РФ, 373, 374, 375, 377 УК Туркменистана); информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», и иные коммуникационные сети (ч. 6 ст. 272¹, 274, 274¹, 274-2 УК РФ, 373, 374, 375, 376, 377, 379 УК Туркменистана). Делается вывод, что теоретико-прикладное исследование правовой природы средств совершения преступлений в сфере компьютерной информации является важной составляющей противодействия криминальным посягательствам в названной области, эффективности предупреждения преступлений данной категории.

Ключевые слова: компьютерная информация; программы для электронных вычислительных машин, в том числе вредоносные компьютерные программы; информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления; средства хранения, обработки или передачи компьютерной информации; средства совершения преступлений в сфере компьютерной информации, компьютерные устройства.

Цитирование. Корпеев А. Г. Средства совершения преступлений в сфере компьютерной информации по уголовному законодательству Российской Федерации и Туркменистана // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 96–102. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-96-102>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Корпеев А. Г., 2025

Ата Гельдыевич Корпеев – ассистент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.03.2025
Revised: 19.04.2025
Accepted: 12.05.2025

Means of committing crimes in the field of computer information under the criminal legislation of the Russian Federation and Turkmenistan

A. G. Korpееv

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: atakor@mail.ru

Abstract: The legal nature of the means of committing crimes in the field of computer information under the criminal legislation of the Russian Federation and Turkmenistan is examined in a comparative manner. A general description

of the means of committing crimes in the field of computer information is given, their modification and classification are described. Taking into account the complex of grounds (information technology, international law, national law and doctrinal nature), the author's division of the means of committing crimes in the field of computer information is proposed into: computer programs (including malicious ones) or other computer information (Articles 272, 272¹, 273, 274, 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, 373, 374, 375, 379 of the Criminal Code of Turkmenistan); computer devices and other means of storing, processing or transmitting computer information (Articles 274, 274-1 of the Criminal Code of the Russian Federation, 373, 374, 375, 377 of the Criminal Code of Turkmenistan); information and telecommunication networks, including the Internet and public communications networks (Part 6 of Articles 272¹, 274, 274¹, 274² of the Criminal Code of the Russian Federation, 373, 374, 375, 376, 377, 379 The Criminal Code of Turkmenistan). It is concluded that theoretical and applied study of legal nature of the means of committing crimes in the field of computer information is an important component of countering criminal encroachments in this area, increases the effectiveness of preventing crimes of this category.

Key words: computer information; programs for electronic computers, including malicious computer programs; information systems; information and telecommunication networks and terminal equipment; automated control systems; telecommunication networks; means of storing, processing or transmitting computer information; means of committing crimes in the field of computer information.

Citation. Korpeev A. G. *Sredstva soversheniya prestuplenii v sfere komp'yuterno informatsii po ugovnomu zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii i Turkmenistana* [Means of committing crimes in the field of computer information under the criminal legislation of the Russian Federation and Turkmenistan]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 96–102. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-96-102> [in Russian].

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interests.

© Korpeev A. G., 2025

Ata Geldyevich Korpeev – assistant lecturer at the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Преступления в сфере компьютерной информации занимают особое место среди современных видов преступлений. Продолжающийся рост таких криминальных посягательств связан с научно-технологическим развитием электронных и информационно-телекоммуникационных технологий [1–7]. Революция в сфере компьютерной техники предоставляет широкие возможности социального доступа к использованию новейших технических средств, в том числе и криминального толка¹. Перечень электронных и информационно-телекоммуникационных технологий является открытым, ввиду того что перед многими предприятиями и иными организациями, специализирующимися на производстве компьютерных технологий, программного обеспечения, стоит задача цифровой трансформации экономических, социальных, политических сегментов общественной жизни, а также обеспечения цифрового суверенитета страны. Президент Российской Федерации В. В. Путин предложил провести цифровую трансформацию всей страны, а также обеспечить внедрение повсеместно искусственного интеллекта². Равным образом Президент Туркменистана С. Г. Бердымухамедов заявил о необходимости цифровизации сегментов общественной жизни, которая позволит совершить экономический рывок³. Непрерывное развитие высоких технологий – общемировой тренд. Во многих государствах, в том числе в Российской Федерации и Туркменистане, курс технологической трансфор-

мации определен как приоритетный. Обратной стороной распространения электронных и информационно-телекоммуникационных технологий как раз и является использование компонентов цифровизации в криминальных и иных противоправных целях. С учетом вышеизложенного возникает вопрос: что следует признавать средством совершения преступлений в сфере компьютерной информации? Современная уголовно-правовая наука ставит данный вопрос во главу угла в связи с тем, что он является одним из основных вопросов предмета доказывания таких видов преступлений. Понятно, что все преступления в сфере компьютерной информации совершаются с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных технологий, но для уголовно-правовой доктрины, а также правоприменительной практики релевантным положением являются унифицированное определение понятия и категоризация различных способов и средств совершения преступлений в сфере компьютерной информации [8–16].

Следует подчеркнуть, что объективные признаки составов преступлений в сфере компьютерной информации являются по своей правовой природе бланкетными. Как правильно указывается в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 года «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”», при рассмотрении уголовных дел о преступлениях в сфере компьютерной информации следует руководствоваться положениями федеральных зако-

¹ См.: Конявский В.А., Лопаткин, С.В. Компьютерная преступность: в 2 т. Т. 1 [4].

² См.: Путин заявил о необходимости цифровой трансформации России [6].

³ См.: Цифровизация – ключевой фактор экономического развития [7].

нов, которые регламентируют вопросы создания, распространения, передачи, защиты информации и применения информационных технологий. Это, в частности, федеральные законы от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и другие федеральные законы, подзаконные акты, технические регламенты. Также речь идет о ратифицированных Российской Федерацией международных договорах и соглашениях, посвященных указанным вопросам и борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, в частности Соглашении о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (заключено в городе Душанбе 28 сентября 2018 года)⁴. В этом смысле при определении легальных понятий факультативных признаков объективной стороны, в частности, средств совершения преступлений, деяний, предусмотренных главой 28 УК России «Преступления в сфере компьютерной информации», главой 33 УК Туркменистана «Преступления в сфере компьютерной информации», следует обращаться к действующим нормативным правовым актам Российской Федерации и Туркменистана, регулирующим общественные отношения в сфере безопасности информации и информационных технологий, в том числе указанных в приведенном выше постановлении.

Для ряда преступлений, в том числе преступлений в сфере компьютерной информации, имеет место наличие средств совершения преступлений как вспомогательных предметов для реализации преступного умысла. По своей правовой природе средства совершения преступлений являются частью объективной стороны преступления, однако не входят в число обязательных признаков объективной стороны. Зачастую средства совершения преступлений в доктрине уголовного права характеризуют как факультативный признак объективной стороны преступления, однако в ряде преступлений уголовного законодательства Российской Федерации и Туркменистана, к которым в том числе относятся преступления в сфере компьютерной информации, средства совершения преступлений являются одной из «обязательных составляющих объективной стороны, ввиду того, что наличие средств совершения преступлений может указывать на характер и степень общественной опасности, общественные отношения,

ставшие целью преступного посягательства»⁵. Вместе с тем использование средства совершения преступлений является «индикатором» отягчающих обстоятельств. Преступления в сфере компьютерной информации относятся в когорте преступлений, объективная сторона которых не может не включать средства совершения преступлений. Например, ст. 272 УК РФ, 373 УК РФ: незаконный доступ, а впоследствии копирование, уничтожение и модификация компьютерной информации обязательно будут сопровождаться использованием соответствующего средства совершения преступлений, что по своей сути выступает существенным условием при установлении общественной опасности деяния. В этом смысле в доктрине также указывают на аналогию понятий «средства совершения компьютерных преступлений» и «орудия совершения преступлений». Средства совершения преступлений и орудия преступлений определяют, как равнозначные или единые категориальные понятия. Применительно к преступлениям в сфере компьютерной информации компьютерные устройства выполняют разную роль при совершении преступлений. В связи с этим по данному признаку преступления в сфере компьютерной информации следует распределить по следующим группам: многосредственные, технологические, аппаратные, сетевые, дистанционные, автоматизированные, многоспектральные, простые компьютеризованные, сложные многоуровневые⁶. «С другой стороны, средства совершения преступлений и орудия совершения преступлений унифицируют как род и вид»⁷, однако орудия преступлений относят к числу материальных предметов, в отличие от средств совершения преступлений, которые могут быть как материальными, так и нематериальными компонентами. Например, в рамках рассматриваемых преступлений в сфере компьютерной информации материальными средствами могут быть электронно-вычислительные машины (компьютеры, смартфоны), а нематериальными – информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет».

«Под средством совершения преступлений обычно понимаются предметы материального мира, с помощью которых преступник совершает преступление и (или) применяет их (при совершении действий, образующих объективную сторону состава преступления) для достижения намеченных преступных целей. Средства совершения преступлений являются возможным инструментом в рамках сокрытия преступного намерения»⁸.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [11].

⁵ Григорян Г. Р. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы криминализации, законодательной регламентации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук [3].

⁶ Вехов В. Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия [2].

⁷ Гальчун Е. А. Средства и орудия совершения преступления. С. 717–721 [16].

⁸ Григорян Г. Р. Мошенничество в сфере компьютерной информации... С. 128 [3].

Многие авторы характеризуют средства совершения преступлений с позиции материального компонента. Однако при совершении преступлений в сфере компьютерной информации, как было указано выше, используются не только материальные (физические) средства, но и нематериальные. К группе нематериальных следует относить, например, компьютерную информацию, программное обеспечение, информационно-телекоммуникационные сети. При этом программное обеспечение или информационно-телекоммуникационная сеть не могут функционировать как самостоятельные компоненты без определенного компьютерного устройства (электронно-вычислительной машины). Из этого следует, что образуется цепочка, связывающая несколько компонентов (устройство – сеть – программа), при этом определять средство совершения преступления следует из контекста самого состава преступления. «У преступника, посягающего на охраняемые законом интересы в сфере компьютерной информации, в части использования средств совершения преступлений может полностью отсутствовать материальная составляющая в связи с тем, что средство совершения преступления является виртуальным и не существует в физическом мире в качестве материи (например, ст. 273 УК РФ и ст. 379 УК Туркменистана)»⁹.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 года № 37 к компьютерным устройствам могут быть отнесены персональные компьютеры, ноутбуки, мобильные телефоны, смартфоны, цифровые аппараты с вычислительным устройством¹⁰. Все вышеперечисленные устройства являются материальными средствами совершения преступлений. Исходя из изложенного, средства совершения преступлений в сфере компьютерной информации можно разделить на две группы: материальные – компьютерные устройства; нематериальные – вредоносное программное обеспечение, информационно-телекоммуникационные сети.

В Законе Туркменистана «О правовом регулировании развития сети “Интернет” и оказания интернет-услуг в Туркменистане» от 20 декабря 2014 года к средствам совершения преступлений относят средства электронно-вычислительной (компьютерной) техники, веб-серверы (компьютер, подключенный к сети «Интернет»), информационно-телекоммуникационные сети¹¹. Вместе с тем в законодательстве Туркменистана в качестве средств совершения преступления в сфере оказания интернет услуг (ст. 381 УК Туркменистана) приводятся веб-страницы; веб-сайты, применя-

емые с целью получения частной или иной информации обманным путем; средства криптографической защиты, применяемые для хранения и передачи запрещенной к распространению законодательством Туркменистана информации¹².

Согласно ст. 11 Закона Туркменистана от 3 мая 2014 года № 72-V «Об информации и ее защите», все средства совершения преступлений обозначаются единым термином «информационные технологии». Частью таких информационных технологий являются любые устройства, предоставляющие возможность поиска, получения, передачи, сбора, хранения, распространения информации¹³. Среди таких выделяют электронные коммуникационные сети (линейные и многоуровневые). С точки зрения безопасности многоуровневые сети являются небезопасными для передачи информации в связи с тем, что специфика их работы заключается в иерархичной системе передачи информации, поэтому существуют риски модификации такой информации. При этом вспомогательным оборудованием таких сетей являются сетевые кабели, маршрутизаторы, роутеры.

Большое разнообразие компьютерных технических средств порождает множество различных классификаций, например по законности их происхождения, по техническому наполнению, а также по технологии использования¹⁴.

По законности происхождения средства совершения преступлений могут быть законные, т. е. компьютеры, телефоны, флеш-карты, смартфоны, ноутбуки, программное обеспечение, произведенные с сертификацией и в соответствии с техническими требованиями страны реализации, а равно промышленным производством. Незаконными средствами в соответствии с п. 2 Постановления являются устройства, произведенные кустарным способом, например компьютер или смартфон, собранный собственноручно из различных комплектующих¹⁵. По технологии использования выделяют устройства, дающие возможность совершать действия удаленным способом (компьютеры и мобильные устройства с программным обеспечением, позволяющим взаимодействовать с основным устройством на расстоянии), и устройства с отсутствием удаленного доступа¹⁶. По техническому наполнению это могут быть периферийные аппараты – дополнительные вспомогательные устройства, которые подключаются к компьютерному устройству для расширения его функциональных

¹² Там же.

¹³ Закон Туркменистана «Об информации и ее защите» от 3 мая 2014 года № 72-V [13].

¹⁴ См.: Поляков В. В., Лапин С. А. Средства совершения компьютерных преступлений [5].

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации...» [11].

¹⁶ Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации [15]; Поляков В. В., Лапин С. А. Средства совершения компьютерных преступлений [5].

⁹ См.: Конявский В. А., Лопаткин С. В. Компьютерная преступность.: в 2 т. Т. 1 [4].

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации...» [11].

¹¹ Закон Туркменистана «О правовом регулировании развития сети “Интернет” и оказания интернет-услуг в Туркменистане» от 20.12.2014 № 159-V [12].

возможностей (например, сканер, графический планшет), устройства для ввода информации в компьютерное устройство, дополнительные USB-порты. В совокупности данные устройства следует определять как вспомогательные к основному средству совершения преступлений, они могут использоваться, например, с целью ввода информации в компьютерное устройство.

Другая классификация средств совершения преступлений касается разделения на типы применения данных средств: в одних случаях умысел направлен на компьютерное устройство, в данном случае имеется в виду причинение вреда компьютерному устройству или группе устройств с помощью умышленного внедрения вредоносных программ, в других случаях это может быть совершение информационной атаки для целенаправленного воздействия на сервера, маршрутизаторы, коммуникационные сети и иные информационные системы, образующие критическую инфраструктуру государства (ст. 274.1. УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации», ст. 376 УК Туркменистана «Нарушение нормальной работы информационной системы и информационно-телекоммуникационной сети»).

В соответствии с Конвенцией о компьютерных преступлениях от 23.11.2001 под компьютерными устройствами понимаются любые устройства, осуществляющие обработку автоматизированных данных¹⁷. На региональном уровне в соответствии с Соглашением о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности от 20.11.2013, участниками которого являются Российская Федерация и Туркменистан, средствами совершения преступлений в сфере компьютерной информации признаются программно-технические средства, обеспечивающие сбор, воспроизводство, обработку, копирование, передачу информации¹⁸. Однако конкретный перечень таких средств в нормативных правовых актах отсутствует.

Отсутствие таких перечней подтверждает огромное количество нетривиальных способов совершения преступлений в сфере компьютерной информации. При этом совершение преступлений в сфере компьютерной информации вне зависимости от использования определенного средства совершения преступлений следует определять как умышленное действие субъекта преступления, совершенное путем проникновения в информационную систему, или путем воздействия на компьютерное устройство, или путем внедрения вредоносного программного обеспечения в информационную систему, компьютерное устрой-

ство, информационно-телекоммуникационную сеть¹⁹. В этом смысле, по нашему мнению, в уголовном законодательстве Российской Федерации и Туркменистана можно выделить три группы средств совершения преступлений: вредоносные ПО, в частности троянские программы, черви, шпионские программы, рекламные программы, вирусы, ботнеты, гибридные программы, логические бомбы; системы связи, в частности системы телефонной связи IP-телефония, глобальную информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» и сложные нейронные сети, а также разнообразные компьютерные устройства, включая ПК, ноутбуки, мобильные компьютеры (такие как планшеты и смартфоны), встроенные системы, специализированные промышленные вычислительные машины, мощные суперкомпьютеры, веб-серверы, прокси-серверы. На основании аналитики компании «Касперский»²⁰ следует отметить, что представленный выше список является актуальным на сегодняшний день перечнем средств совершения преступлений, которыми активно пользуются преступники для реализации преступного умысла.

Представленная нами классификация средств совершения преступлений в сфере компьютерной информации в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации и Туркменистана является по своей сути триадой, образующей единое целое (средства совершения) из различных по своей природе информационных технологий. Цель использования данной триады – нанесение *damnum* общественным отношениям, охраняемым уголовным законодательством. В этом и заключается *unitas* (единство) этих средств, разных по своей природе (материальных и нематериальных), техническим особенностям функционирования, с точки зрения дополнительных компонентов, способствующих их работе. В этом и заключается их *differentia*.

Исходя из вышеизложенного, важно отметить, что информационные технологии, которые преступники используют как средство совершения противоправного умысла, являются весьма разнообразными в Российской Федерации и Туркменистане, о чем свидетельствует действующее законодательство двух стран. При этом распространение релевантных видов компьютерных преступлений происходит быстрее, чем реагирование со стороны правоохранительной системы²¹. Одними из новых технологических средств совершения преступлений являются нейронные сети²², но, несмотря на только развивающуюся сферу, та-

¹⁹ Cybercrime regulation across BRICS countries. URL: <https://cyberbrics.info/cybercrime-regulation-across-brics-countries> (дата обращения: 22.10.2024).

²⁰ См.: Что такое киберпреступность? Защита киберпреступности [8].

²¹ См.: Выступление Генерального прокурора Российской Федерации в ходе саммита руководителей прокурорских служб «G20» на тему «Новые технологии и борьба с транснациональной преступностью» [10].

²² Там же.

¹⁷ См.: Волеводз А. Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования [1].

¹⁸ Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности от 20.11.2013 № 13-1536-н [14].

кие сети уже используются преступниками, например для отмыывания денег, в том числе цифровой валюты. Исходя из этого, проблема определения средств совершения преступлений в сфере компьютерной информации является релевантной для Российской Федерации и Туркменистана. Предложенная нами классификация и перечень основных средств совершения преступлений в сфере компьютерной информации являются актуальными на сегодняшний день как в Российской Федерации, так и в Туркменистане,

а также позволяют унифицировать подходы к определению таких средств совершения преступлений. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что число способов совершения таких преступлений увеличивается с каждым годом, а тенденция быстрого технологического развития приводит к появлению новых видов потенциальных средств совершения преступлений. Иными словами, нужно понимать, что перечень таких преступлений не является исчерпывающим и будет пополняться.

Библиографический список

1. Волеводз А. Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования // Правовые вопросы связи. 2007. № 2. С. 17–25. URL: https://mgimo.ru/library/publications/113908/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19413856>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qivvfr>.
2. Вехов В. Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия / под ред. акад. Б. П. Смагоринского. Москва: Право и закон, 1996. 182 с. URL: <https://polyglotlife.ru/wp-content/uploads/2023/10/Viekhov-V.B.-Kompiutiernyie-p-Miha.pdf>.
3. Григорян Г. Р. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы криминализации, законодательной регламентации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Самара, 2021. 243 с. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Dissertacii-Zakryto/Moshennichestvo-v-sfere-komputernoj-informacii-problemy-kriminalizacii-zakonodatelnoireglamentacii-i-kvalifikacii-91274>.
4. Конявский В. А., Лопаткин С. В. Компьютерная преступность: в 2 т. Т. 1. Москва: РФК-Имидж Лаб, 2006. 560 с. URL: <https://www.oksapr.ru/upload/iblock/de1/de158ab8f902a750a319a422816090e8.pdf>.
5. Поляков В. В., Лапин С. А. Средства совершения компьютерных преступлений // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2014. № 2 (32). С. 162–166. URL: <https://journal.tusur.ru/storage/44777/31.pdf?1465976922>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21571481>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sebgtl>.
6. Путин заявил о необходимости цифровой трансформации России. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10172635> (дата обращения: 18.10.2024).
7. Цифровизация – ключевой фактор экономического развития. URL: <https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/86889/cifrovizaciya-klyuchevoj-faktor-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 18.10.2024).
8. Что такое киберпреступность? Защита от киберпреступности. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/what-is-cybercrime> (дата обращения: 22.10.2024).
9. Уголовное право. Общая часть / под ред. А. И. Рапога. Москва, 1997. С. 99.
10. Выступление Генерального прокурора Российской Федерации в ходе саммита руководителей прокурорских служб «G20» на тему «новые технологии и борьба с транснациональной преступностью». URL: <https://t.me/genprocrf/4330> (дата обращения: 22.10.2024).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/31913/> (дата обращения: 22.10.2024).
12. Закон Туркменистана «О правовом регулировании развития сети «Интернет» и оказания интернет – услуг в Туркменистане» от 20.12.2014. URL: <https://www.parahat.info/law/2014-12-29-zakon-turkmenistana-o-pravovom-regulirovanii-razvitiya-seti-internet-i-okazaniya-internet-uslug-v-turkmenistane> (дата обращения: 22.10.2024).
13. Закон Туркменистана «Об информации и ее защите» от 3 мая 2014 года № 72-V. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=85142 (дата обращения: 29.01.2025).
14. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности от 20.11.2013 № 13-1536-н. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201506040007> (дата обращения: 22.10.2024).
15. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // Lex Russica. 2019. № 3. 87–99. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.148.3.087-099>. EDN: <https://elibrary.ru/uafop>.
16. Гальчун Е. А. Средства и орудия совершения преступления: понятие и уголовно-правовое значение // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 717–721. EDN: <https://elibrary.ru/omdmry>.

References

1. Volevodz A. G. *Konventsiya o kiberprestupnosti: novatsii pravovogo regulirovaniya* [Convention on cybercrime: innovations in legal regulation]. *Pravovye voprosy svyazi*, 2007, no. 2, pp. 17–25. Available at: https://mgimo.ru/library/publications/113908/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19413856>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qivrf> [in Russian].
2. Vekhov V. B. *Komp'yuternye prestupleniya: sposoby soversheniya i raskrytiya. Pod red. akad. B. P. Smagorinskogo* [Computer crimes: methods of committing and detection. Smagorinsky B. P. (ed.)]. Moscow: Pravo i zakon, 1996, 128 p. Available at: <https://polyglotlife.ru/wp-content/uploads/2023/10/Vekhov-V.B.-Kompiuternyye-p-Miha.pdf> [in Russian].
3. Grigoryan G. R. *Moshennichestvo v sfere komp'yuternoi informatsii: problemy kriminalizatsii, zakonodatel'noi reglamentatsii i kvalifikatsii: dissertatsiya ... kand. yurid. nauk: 12.00.08* [Fraud in the field of computer information: problems of criminalization, legislative regulation and qualification: Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.08]. Samara, 2021, 243 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Dissertacii-Zakryto/Moshennichestvo-v-sfere-komputernoi-informacii-problemy-kriminalizacii-zakonodatelnoireglamentacii-i-kvalifikacii-91274> [in Russian].
4. Konyavskiy V. A., Lopatkin S. V. *Komp'yuternaya prestupnost': mv 2 t. T. 1* [Computer crime: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: RFK-Imidzh Lab, 2006, 560 p. Available at: <https://www.okbsapr.ru/upload/iblock/de1/de158ab8f902a750a319a422816090e8.pdf> [in Russian].
5. Polyakov V. V., Lapin S. A. *Sredstva soversheniya komp'yuternykh prestuplenii* [Means of committing computer crimes]. *Doklady Tomskogo gosudarstvennogo universiteta sistem upravleniya i radioelektroniki* [Proceedings of the TUSUR University], 2014, no. 2 (32), pp. 162–166. Available at: <https://journal.tusur.ru/storage/44777/31.pdf?1465976922>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21571481>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sebgtl> [in Russian].
6. *Putin zavayil o neobkhodimosti tsifrovoi transformatsii Rossii* [Putin announced the need for digital transformation of Russia]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/10172635> (accessed 22.10.2024) [in Russian].
7. *Tsifrovizatsiya – klyuchevoi faktor ekonomicheskogo razvitiya* [Digitalization is a key factor in economic development]. Available at: <https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/86889/cifrovizatsiya-klyuchevoy-faktor-ekonomicheskogo-razvitiya> (accessed 22.10.2024) [in Russian].
8. *Chto takoe kiberprestupnost'? Zashchita ot kiberprestupnosti* [What is cybercrime? Cybercrime defense]. Available at: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/what-is-cybercrime> (accessed 22.10.2024) [in Russian].
9. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Pod red. A. I. Raroga* [Rarog A. I. (ed.) Criminal law. General part]. Moscow, 1997, p. 99 [in Russian].
10. *Vystuplenie General'nogo prokurora Rossiiskoi Federatsii v khode sammita rukovoditelei prokurorskiikh sluzhb «G20» na temu novye tekhnologii i bor'ba s transnatsional'noi prestupnost'yu* [Speech by the Prosecutor General of the Russian Federation during the G20 summit of heads of prosecutorial services on the topic of new technologies and the fight against transnational crime]. Available at: <https://t.me/genprocrf/4330> (accessed 22.10.2024) [in Russian].
11. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15.12.2022 № 37 «O nekotorykh voprosakh sudebnoi praktiki po ugolovnym delam o prestupleniyakh v sfere komp'yuternoi informatsii, a takzhe inykh prestupleniyakh, sovershennykh s ispol'zovaniem elektronnykh ili informatsionno-telekommunikatsionnykh setei, vklyuchaya set' «Internet»* [Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as of 15.12.2022 № 37 «On some issues of judicial practice in criminal cases on crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31913> (accessed 22.10.2024) [in Russian].
12. *Zakon Turkmenistana «O pravovom regulirovanii razvitiya seti “Internet” i okazaniya internet – uslug v Turkmenistane» ot 20.12.2014* [Law of Turkmenistan «On legal regulation of the development of the Internet and the provision of Internet services in Turkmenistan» dated December 20, 2014]. Available at: <https://www.parahat.info/law/2014-12-29-zakon-turkmenistana-o-pravovom-regulirovanii-razvitiya-seti-internet-i-okazaniya-internet-uslug-v-turkmenistane> (accessed 22.10.2024) [in Russian].
13. *Zakon Turkmenistana «Ob informatsii i ee zashchite» ot 3 maya 2014 goda № 72-V* [Law of Turkmenistan «On information and its protection» dated May 3, 2014 № 72-V]. Available at: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=85142 (accessed 22.10.2024) [in Russian].
14. *Soglasenie o sotrudnichestve gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv v oblasti obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti ot 20.11.2013 № 13-1536-n* [Agreement on cooperation between member states of the Commonwealth of Independent States in the field of information security dated November 20, 2013 № 13-1536-n]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201506040007> (accessed 22.10.2024) [in Russian].
15. Rossinskaya E. R., Ryadovskiy I. A. *Sovremennyye sposoby komp'yuternykh prestupleniy i zakonomernosti ikh realizatsii* [Modern methods of computer crimes and patterns of their implementation]. *Lex Russica*, 2019, no. 3, pp. 87–99. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.148.3.087-099>. EDN: <https://elibrary.ru/ualfop> [in Russian].
16. Galchun E. A. *Sredstva i orudiya soversheniya prestupleniya: ponyatiye i ugolovno-pravovoye znachenkiye* [Means and instruments of committing a crime: the concept and criminal legal significance]. *Innovations. Science. Education*, 2021, no. 36, pp. 717–721. EDN: <https://elibrary.ru/omdmry>.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета *Juridical Journal of Samara University*» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-X-XX-XX

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.13

Дата поступления XX.XX.2025
рецензирования: XX.XX.2025
принятия: XX.XX.2025

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

В. В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество; некоммерческая организация; налоговые льготы; публичные социальные услуги; благотворительный фонд; государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № X. С. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-X-XX-XX>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Иванов В. В., 2025

Виктор Валерьевич Иванов – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: XX.XX.2025
Revised: XX.XX.2025
Accepted: XX.XX.2025

ARTICLE TITLES

V. V. Ivanov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaia institutsionalizatsiia grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2025, Vol. 11, no. X, pp. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-X-XX-XX> [in Russian].

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interest.

© Ivanov V. V., 2025

Viktor V. Ivanov – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ТЕКСТ СТАТЬИ Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)